

НАТЕ

написали текст

18+

Содержит
нецензурную брань

№5

08|23

литературный журнал

НАТЕ

на писали текст

№5 (август 2023)

Главный редактор: Мария Тухто
Заместитель главного редактора:
Ада Насуева

Редакционная коллегия:

Полина Ужгина
Александра Сулова
Ирина Бондырева
Юлия Афонина

Дизайн макета, иллюстрация на обложке:

Светлана Подаруева

Вёрстка: Мария Тухто

Иллюстрации:

Габриель Александр Бернадотт

Анна Боронина

Вика Левотаева

Катерина Паршина

Светлана Подаруева

Дизайн портретов: Алина Кольцова

Контакты:

E-mail: nate.lit@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Рукописи не рецензируются.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Пятый номер «Нате» получился довольно разнообразным в тематическом, жанровом и стилистическом планах. Внутри собраны работы авторов разных возрастов: от выпускников школ до представителей старшего поколения, от начинающих писателей, поэтов и литературных критиков до признанных мастеров слова.

Пятеро из восьми опубликованных в номере поэтов и поэтесс юные. При этом важно отметить, что по насыщенности образного ряда, сложности аллюзий и реминисценций, мастерстве, с которым поэты и поэтессы обыгрывают темы города, детства и взросления, мотивы одиночества и его преодоления, осмысливают темы природы и искусства, жизни и смерти, обращаются к вневременному и преходящему, — их творчество едва ли уступает таким мэтрам современной поэзии, как Владимир Коркунов, чья стихотворная подборка завершает поэтический раздел. Лейтмотивная техника и ритмическая сложность, смелое сочетание традиционного стихосложения с экспериментальными формами, обращение к мифологии разных народов и синэстезия нескольких видов искусств — всё перечисленное усиливает ощущение со-присутствия и искренности переживаемых лирическими героями и героинями чувств.

Не меньшее разнообразие отличает и прозу. Авторы обращаются к современности и воспроизводят события XX века, описывают дореволюционный быт Российской империи и национальные традиции Грузии. Наряду с традиционной реалистической прозой, в журнал вошли произведения, в которых отчётливо наблюдаются признаки «вторичной условности»: элементы фантастики, абсурдизма, гротеска. Так, в рассказе «Филькина круча» мифологический, легендарный сюжет разворачивается на фоне исторических событий; онейрическое и бытовое пространство двухкомнатной квартиры на улице Кирова, в котором существует герой рассказа «Человечек, которого я сделал сам», сменяют и дополняют друг друга, образуя своеобразный детектив абсурда. Рядом с короткой, написанной в сказовой манере Зощенко новеллой «Оскорбление разума» расположен мрачный, выдержанный в платоновом-мамлеевском гротескном тоне рассказ «Дичь».

В разделе «Эссе, рецензии и статьи» представлены работы Татьяны Соловьевой, Анны Нуждиной, Ивана Родионова, Елены Нещерет, Елизаветы Парамоновой, Дарьи Лебедевой, Анастасии Лобацковой, Анны Исениной и Ольги Лишиной. Авторы как выбирают объектом своего анализа отдельные тексты и отдельных авторов (например, рецензия Е. Нещерет на роман Ромы Декабрева «Гнездо синицы», статья Е. Парамоновой об Андрее Асимане), так и рассуждают о современной литературе и литературоведческих вопросах в целом: Татьяна Соловьева — о категории времени в современной прозе, Анна Нуждина — о литературном каноне и филологии как науке.

Мария Тухто
Главный редактор

Ада Насуева
Заместитель главного редактора

Отдельно сто́ит отметить оформление пятого номера. Работая с цветами, мы вдохновлялись примерами прошлого, при этом стремились избежать копирования. Обложка пятого номера выглядит современно, но при этом в ней можно увидеть, в частности, отголоски джазовых плакатов 50-х годов, а минимализм деталей даёт зрителю возможность самому достроить связь обложки с содержанием журнала. Сами иллюстрации создавались таким образом, чтобы в совокупности они производили цельное впечатление как некий совокупный образ.

В итоге августовский номер стал по-настоящему живым и осязаемым. К текстам хочется прикоснуться: потрогать шершавые страницы, прихлопнуть муху и разогнать облака. Динамика неровных линий и цветовые акценты ломают шаблонные представления о классическом литературном журнале со строгим академичным оформлением. Яркими всполохами ложатся иллюстрации на чёрно-белые фотографии, смешиваясь и превращаясь в ритмичную композицию. «Нате», как август, замешивает новую палитру красок: сочетает землянисто-травяные оттенки с яркими жёлтыми красками, к привычным летним зеленым добавляет алеющую сентябрьскую грусть. Этим мы обязаны иллюстраторам Габриелю Александру Бернадотту, Бороной Анне, Вике Левотаевой и Катерине Паршиной.

Светлана Подарцева
Дизайнер, иллюстратор

Поэзия

Тамара ЖУКОВА.....	10
Таисия ФРОЛОВА: Энтропия.....	14
Артём СОЛОЖЕНКОВ: Диптих с намёком на смерть.....	21
Лесс НИЛБЕРГ.....	24
Евгения ЦОРИЕВА: хагиагский язык.....	31
Андрей ЛАЗАРЕНКО.....	35
Катя КАМУШКИНА.....	38
Владимир КОРКУНОВ.....	41

Проза

Кристина КИМ: Колыбельная (рассказ).....	47
Анна ЧУДИНОВА: Филькина круча (рассказ).....	66
Юрий НИКИФОРОВ: Человечек, которого сделал я сам (рассказ).....	85
Валериан МАРКАРОВ: Там, за семью горами (повесть).....	93
Андрей ВЕЛЕСЮК: Дичь (рассказ).....	118
Андрей ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ-БЕЗБАШЕННЫЙ: Оскорбление разума (новелла).....	137
Виктор МИХАЙЛОВ: Жизнь в борьбе (повесть) Глава 9. Моя первая тайна — Тамара.....	142
Глава 10. Дружба с Мишей Котченко.....	146
Глава 11. Отдых в Абастумане.....	162

Эссе, рецензии, статьи

Анна НУЖДИНА: Прогнозист Моретти.....	176
Татьяна СОЛОВЬЕВА: Лечение прошлым: категории времени и памяти в современной прозе.....	182
Елизавета ПАРАМОНОВА: Жизнь и книги Асимана.....	188
Елена НЕЩЕРЕТ: Интертекст на просвет <i>(Рома Декабрев «Гнездо синицы»)</i>	192
Дарья ЛЕБЕДЕВА: И после ночи будет день <i>(Саша Николаенко «Муравьиный бог: реквием»)</i>	196
Анастасия ЛОБАЦКОВА: Будущее, застрявшее в клетке прошлого <i>(Саша Наспини «Кислород»)</i>	200
Анна ИСЕНИНА: Огонь, кружащийся в Лазги <i>(Сатпрем «Моё пылающее сердце»; Сергей Вишневский «Холодное пламя: гори!»)</i>	205
Иван РОДИОНОВ: «Бутылка» и три жанра, видные сквозь неё <i>(Юля Гайнанова «Бутылка. Книга для тех, кто любит выпить»)</i>	214
Ольга ЛИШИНА: «Лишние» люди: герои, авторы и крити- ка <i>(Серия «Главные книги русской литературы» с предис- ловиями критиков «Полки»)</i>	218

ПОЭЗИЯ

Тамара

Жукова

Родилась в **Химках**, жила в Измайлово, в Снегирях, в Серпухове, опять в Химках, в **Берёзках**. Сейчас живёт в Москве, учится в Литературном институте им. А.М. Горького.

* * *

Вселенная, не отпускай велосипед

* * *

у меня есть
тайная сеть
ночной Москвы
телефон заряжают мне айзербайджанцы тихо ему напевая
как самой первой своей жене
чеченцы несут мои чемоданы
таджик на крыле носа моём
находит звезду стоящую над его домом
и стекло забрызганной шаурмой витрины
тает сахарной коркой под пальцами
в самый чёрный московский час
если я захочу в туалет

* * *

I

я подхожу к стене с рисунком и словом на ней
с кошкой и банкой под ней
с ласковым маем над ней
ничьей стене не моей
я говорю стене:

стена,
ты
мне
нужна

стена мне не верит и я у неё встаю на расстрел
и я становлюсь поэт
и я у стены стенаю
стена становится стеной Плача

II

я подхожу к ручью в камешках бережок
так чист ручей что щучий блестит зубок
так честен ручей что я вижу его исток
холодный ручей глубок
ручей меня брызгами лижет в бок
и я говорю ручью:

ручей,
ты
нужен
мне

ручей мне не верит и время развёртывается мной
и море впервые впадает в реку моей слезой
и невозможной водой для питья пенюсь солёной я
и ручей становится Иордан
но мимо течёт и не расступается

12

III

и я к ясеню подхожу зелёный листвы ажур
ну понятно он не поверил мне
по отработанной схеме стал Игдрассиль
я в его корнях постояла и всяка гниль
в моей пене солёной купалась

плачу я и кричу я
говорю
ну хотите попейте крови моей
ну хотите поешьте плоти моей

а стена поёт что она не пьёт
а ручей вегетарианец
а ясеню у меня уже ничего и нет
ничего не остаётся

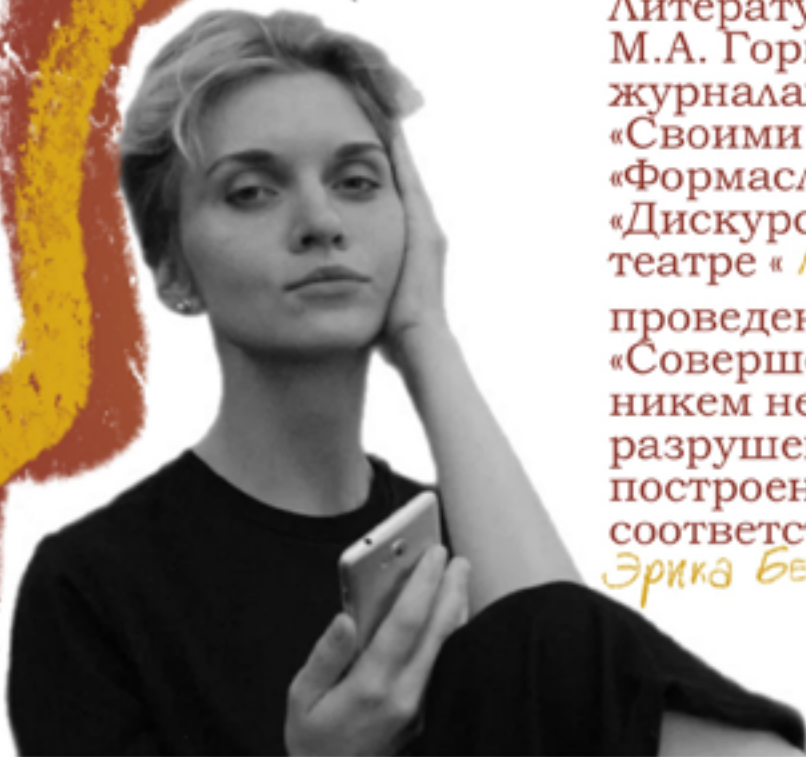
кроме как повисеть в ветвях его девять дней
развести костёр из его ветвей
в общем как-то его использовать энивей
смириться

Иллюстратор: Катерина Паршина

Литературный журнал «Нате»

Таисия Фролова

Родилась в Санкт-Петербурге в 1999 г. После окончания школы в 2017 году два года жила за границей: в Португалии, Мексике и Германии. С 2019 года является студенткой Литературного института им. М.А. Горького. Публиковалась в журналах «Опустошитель», «Своими словами», «Spectate», «Формаслов», «Тайные тропы», «Дискурс». В 2023 году в томском театре «Лаборатория» была проведена читка её пьесы «Совершенно неожиданное и никем не предсказуемое разрушение трансакций, построенных в точности в соответствии с концепцией Эрика Берка».

ЭНТРОПИЯ

ходили кому-то сырые тени в гости без лица
сидят в его доме — играют в домино —
воспроизведение фоновых звуков движения
кто-то смотрит сквозь потолки и внутрь стен

Вагоны останавливаются в нескольких метрах от платформы,
в приблизительно чёрном-белом воздухе, уважаемые пассажиры, будьте
осторожны, двери (до которых не дотянуться) закрываются.

(и так не говорят),

этого нет в звуке магазинов, блестящих luxury платьями, обернувшись дешёвыми
секс-шопами, не повторяющихся дважды, уходящих бесконечным тупиком,

когда билет до следующей станции стоит несколько тысяч,
на плечи опадает звук колёс

1.

А поперёк тех кварталов — снова навсегда застыл плоскоземный закат,
его монохромностью можно резать горлышки выдавших на дороге,
(ведущей только от вокзала (и никогда к), как мутное мерцание распластало
плотнопрозрачную безмолвность воздуха —

Нерукотворный монумент этого города:
жители проходили, и с уважением — снимали шляпы, и — крестились,
и утихали их лица в этой безмолвности, ласково шершавилась вокруг ушей.

Тишина утешающая.

И смешанная гордость была положена в произношение на самом крае губ —
«Это... только у нас».

Кто-то бросит — «Нет этого».

Нет этого отныне от этих слов.

Осталась —

каменная роза улиц, склизко заползая в дыхательные трубы, она задувает
ощущение полый темноты.

Когда дотащатся до вокзала, мысленно войдя в вагон, воронку-обманку, коридор, с облезлым пеплом и тухлой сиренью на стенах бункера, и почему-то подумают:

«А ещё есть такая картина “За туалетом. Автопортрет” — Зины, Серебряковой, художницы»

А в дыры на плечах опадают неказистые мотыльки, их теперь находят в каждой чашке с кофе, совсем не замечая, как лунно-бледных романтизированных мотыльков — замечали и восторженно артикулировали «мотылёк!» с отэживающейся нежностью, которая, укутав, провожала в остуженной темноте.

2.

«Куда уходит тополиный пух?» — спрашивают взамен того, чтобы спросить, куда ушли бледно-лунные мотыльки и звучание их имени в остуженной темноте.

«Должно быть, на дне колодца» — взамен «В тех поездах, на которые не покупаем билеты, взамен смешанной гордости, стыдливо молчим, видя, что билетных киосков нет, не можем купить билеты на поезд, увидеть следующую станцию, поговорить с соседями, спросить, как дела»

3.

тополиный пух ищут на дне колодца, хотя ясно, что бездарно-мещански играют, говоря, нарочито смакуя тяжесть слов на горле и глядя в сторону:

— «ладно, пойду поищу тополиный пух»,

— «да, да, иди и не забудь ещё по дороге купить хлеб»

— («отшатнуться бы от этих пустомолитвенных шагов, как отшатываюсь от чашки кофе с мотыльками»),

как от ноющего гудения лоснистых рельс, по ним ходят только запахи других кварталов, перетекая через нос в глаза, если просиживать все душные часы дня на привокзальной лавке и знать, что поезд не приходит по рельсам, ни внутреннему зрению.

А Зина, Серебрякова, на картине «За туалетом. Автопортрет» была с миниатюрной горбинкой на носу и уголочками на полукруге плеч.

Промелькивает, когда случайно заходишь на дно колодца с буханкой хлеба и, разложившись о малахитовую тень воды, скоромно привстанешь сбоку к иконоликим отражениям с под мышкой размякшим хлебом

позапрошлостолетней зимой выдали их в тех кварталах— рисовальщик рисовал иконы, они рассыпались сквозь пальцы на каменную розу улиц, вприпрыжку катились far away, дети гуськом преследовали, но не могли поймать, и ускакало всё на кладбище домашних дней

Оттуда пришёл мужчинка с косенькими плечами, в пальто из синего бисера, стал продавать репродукции картины «За туалетом. Автопортрет» (Зины, Серебряковой, художницы).

4.

Поднимался и опускался по этажам тех кварталов,
рады были увидеть его,

Пряча в карманы и передники радость, отпирали двери,

Он торопливо-устало волочился, плюхался на диван,

Кофе благоговейно подавали

Дети насквозь просвечивали лучами внутреннего солнца, смотря на
«Автопортреты»

А из мужчинки сыпались дырки, и этого не замечали.

Только когда он уходил, оставив автопортретов двадцать – замечали и удивялись, откуда на диване столько дырок.

А про дырочки в плечах, куда сыплются неказистые мотыльки, как в чашки с кофе, не удивялись — не положено —

Как о тех, кто с буханкой хлеба ищет тополиный пух на дне колодца,
интеллигентно, тихо, ничего не спрашивают и не наступают на ноги:

«Помните, как плотнопрозрачная безмолвность воздуха округляла наши кварталы?»

5.

Ободранные улицы торчат, как углы плеч Зины, Серебряковой, художницы

положено называть её очень красивой,

— слова падают одно за другим как домино,

толкают на пол с видом на потолок,

оттуда можно долго смотреть на неказистых мотыльков,

подслушивать как падает снег,

думать, что они совсем уже обнаглели прилетать днём и падать в кофе и

мешать продаже репродукций картины «За туалетом. Автопортрет».

Так все и подумают, мерно синий бисер рассыпается по этажам,

кроме лирического образа героя, он пинает тело вслед улиц-слизняков

— без приалтарных губ с молчаньем ладана,

брезгливо сморщив руки с лёгкой грустью подумаешь, что

«они давненько ускакали far away»,

а если спросят «Что ищете?»

скажите лучше что «ищу, мол, тополиный пух»

и вам ответят «посмотрите на дне колодца, не забудьте купить хлеб, и билет на поезд советую приобрести заранее»

6.

не надо говорить «Спасибо», тупиковость улиц покалечит круглое звучание его

эхо пусть лучше нежно осядет вдоль внутреннего зрения

кратко-сизой, перинкой для поездов

когда мысленно вернутся из далёких стран, навезут романтизированно-

лунных мотыльков на радость всем кварталам

то посидят на дорожку

7.

встанут, перекрестятся, без пассажиров поедут дальше, в отражении старых

вагонных окон замечаешь как неказисто крылья мотыльков сгнивают,

затапливают те кварталы, бесстыдно касаясь волос и рук — Серебряковой Зины,

художницы,

«как печально!» — следует подумать лирическому образу героя,
от романтической тоски пришедшему на кладбище домашних дней,
завидуя, как здорово подцеплять со дна колодца иконоликих на упругие
лодочки ресниц в сети своего глаза,
украдкой полюбовавшись — отпустить, чтобы они плыли на спинках
параллельно с побегом поездов, не подслушивая снег к кануну дня святого
николая

8.

Снег приголубливает землю, укрывая мотыльков и озябшие следы ботинок
овальной тишиной — так ступают старики, боясь тревожить землю, потому
что накануне ложатся спать в неё,
праздник на носу — поэтому продажи автопортрета Зины Серебряковой,
художницы значительно увеличились,
— участились случаи похорон домашних дней,
— возможность позвать сырые тени в гости появилась у многих людей
— скоро раскроется что же за образ лирического героя, если поперёк
внутреннего зрения для поездов вы приготовили перинку, они по-прежнему
не ходят в виде физического тела

9.

Сырые тени топчутся,
уносят снег с каменной розы улиц.
дети с мешками под глазами от вида на потолок спрашивают куда вы, можно
я тоже
их угощают бесплатным кофе с мотыльками
«а зачем же снег?»
— для дальних планет — других кварталов, там лепят тополиный пух и
романтизированно-лунных мотыльков,
они не падают в кофе,
их провожают на вокзал, посидят на дорожку, запустят в поезда,
привезут в ваши кварталы.

в честь большого праздника – юбилея плоскозимнего заката и дня святого николая одновременно организован сбор средств, чтобы построить монумент автопортрету Зины, Серебряковой, художницы и организовать издание помесячного календаря, где на каждый месяц будет картинка с автопортретом художницы Зины Себеряковой

10.

«Вы не хотите на дорожку посидеть?» — звук, который нарушает мерность пространства — «поперёк внутреннего зрения, я приготовил вам перинку, из пуха, который я долго собирал, он не тополиный, но вы так устали» — мысль, которая удерживает

от сыплющихся дырок из карманов бисерно-синего пальто, портретов Зины Серебряковой, взгляда сквозь потолки, активной организационной деятельности

«Нет-нет, спасибо, мы постоим, потом пойдёт» — немое как перебирание чётков долетает с распадающихся в снеге влажных спин теней, со дна колодца, если бы он дул как ветер, мы залепим им дырки на диванах и в плечах, ветхость наших кварталов и наших глаз

Застынет так — ты перестанешь быть привокзальной статуей, аккуратно завернешь в фольгу эти кварталы, принесёшь домой, сделаешь шарик со снегом и положишь в аквариум к своим рыбкам.

— зачем
если спросят
или зачем этот текст,
почему называется «энтропия»,
спросите в ответ «Куда уходит тополиный пух?»
и не признавайтесь, что лирический образ героя — это вы.

АРТЕМ СОЛОЖЕНКОВ

Поэт, выпускник литературного профиля школы ЦПМ, студент кафедры новейшей русской литературы филфака РГГУ, финалист Чемпионата поэзии им. Маяковского. Родился в 2005 г. в Старом Осколе, живёт в **Красногорске**.

ДИПТИХ С НАМЁКОМ НА СМЕРТЬ

*Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея, —
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать, —
Ручаюсь вам — себе свернете шею!*

Осип Мандельштам

Заметки на распутившихся листьях

1.

**Многомерно топорщится
куцеватый пиджак.
Намотала уборщица
на костлявую швабру
перешитые лёгкие,
лацканы-жабры,
распластался, прилёг к её
основанью чужак,
разделявший со мной
общежитие ткани.
Он теперь перегной,
неокрепшие длани
малолетних дриад
распихать по карманам
его норовят
при звоне весёлом стакана.**

2.

Этот воздух, свидетель
коллективной вины,
заполняет пространство
в объёмах подкладки.
Узловатые дети,
чьи тощие сны,
сочленения странствий,
душисты и сладки,
заывают, играя,
и льют хлороформ,
окликают тебя
именами ребят
кипарисовой рощи,
увлекают, губя,
с непчатого края
неонных платформ —
реже дышишь наощупь
и смотришь на рельсы.

* * *

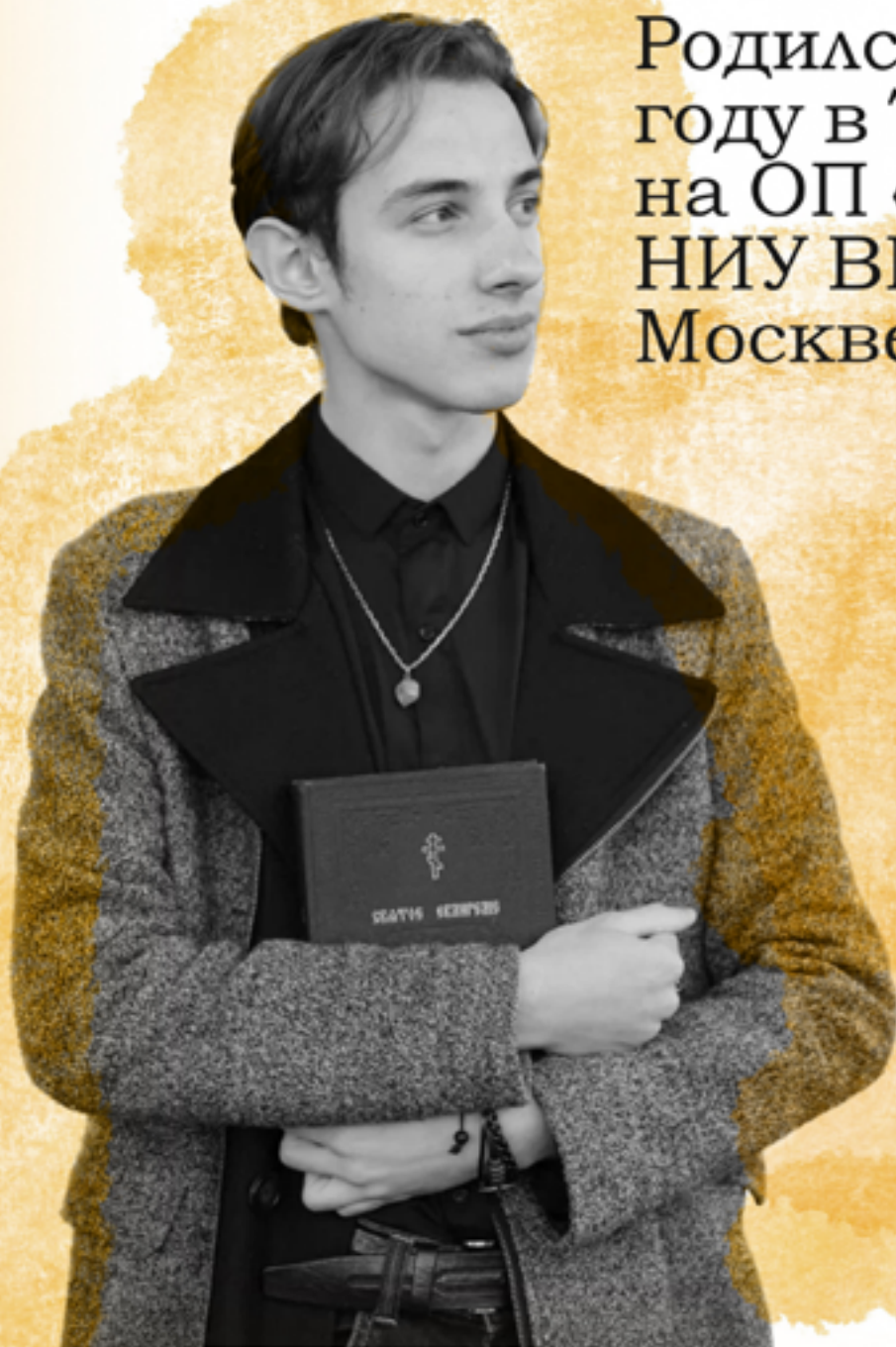
клянусь нестираной одеждой
клянусь неглаженным бельём
полузамученной надеждой
предобморочным бытиём

клянусь позором преступления
сложенья в столбик мертвецам
клянусь лишением отопленья
клянусь отсутствием лица

любовь к дымку вскочившей мины
любовь к отеческим гробам
моё мерцание не минет
но я люблю за что мерцаю сам
нес(т/п)ёртый запах взвитый к небесам
и листья мудрые жасмина

Лесс Нилберт

Родился в **2005**
году в Туле. Учится
на ОП «Философия»
НИУ ВШЭ в
Москве.

***

жизнь
[в данном издании
печатается в сокращении]
:

1.
предисловие
в двух людях
1 и 2
2 и 1

2.
тень орлов
монотонный голос
заводной механизм внутри
над
по кругу идут
заставляют молчать

3.
всё это
узнаешь взрослым

4.
перечень первых слов:

5.
[обретение памяти]

6.

7.
[здесь могли бы быть
ваши детские воспоминания
по вопросам рекламы писать автору]

8.
перечень мест:
кровать с полем шахмат из пледа
кровать мамы когда снят плед
место где пьёт отец
место под местом где пьёт отец

(там темно и ты спрячешь мамини бусы
в щель того что не можешь назвать
это пантус)
парк там вкусно дышать
огород на котором всегда
пахнет землёй
церковь там кормят хлебом
мама называет это странным словом просфирки
игрушки которые
тебе никто не купил
в магазине

9.
сейчас
сколько бы денег ни выпустил центробанк
ты их не купишь

10.
среда полная
нев्यразительных прикосновений
тесноты шума
соплей в стакане
тяжёлого воздуха
длений дневного сна
дорог на ковре

11.
утоление жажды
перемен
строго по расписанию

12.
свод правил на
случай жизни
ГОСТ 7.60-90
потом
7.60-2003

в головах
замена не проведена

13.
перечисление общих фраз разговоров с:
– сверстниками в за-
дымлённом туалете

– учителями когда
тебя спрашивают
– родителями если
они заходят в твою комнату
– странными людьми
на улицах

14.
список некоторых смыслов
так и не сказанных девочке
которая тебе нравилась:

15.
рецепт на все случаи жизни
[в пределах данного текста]
:

1. валерьянка – 1 таблетка
2. сборник стихотворений – 1 штука
3. повторение резонирующей громкости звука себе
под нос – n раз
4. рассвет – ежедневно

16.
конец части жизни

17.
конец языкового опыта
[в пределах данного текста]

18.
???

19.
продолжение под вопросом

20.
продолжение продолжения под вопросом

21.
неопределённость возможностей:

* * *

я переворачиваю глобус
слышишь я переворачиваю глобус
держишь крепче
прорастай подошвами сланцев в землю
чтобы они в земле становились сланцами
и держали тебя
пока глобус снова не повернётся

мы живём так уже двадцать лет
я тоже изрядно прирос к этой земле и видимо
на другую рассчитывать глупо
другая земля из песка
как за него держаться если вдруг
ты решишь повернуть свой глобус
или я поверну свой

28

будет очень больно
если мы упадём пока
пытаемся вычислить координаты друг друга
по этому глобусу
мы уже двадцать лет пытаемся
вычислить эти координаты
но я знаю что у нас никогда не получится

ты прогуливал уроки географии поэтому
ты никогда не сможешь отличить северный полюс
от южного

ты даже не знаешь
какого цвета моя кожа и на каком языке
мне положено говорить в этой части света
при свете дня пока лицо моё различимо
так что всё это лишь напрасная попытка
собрать самого себя
в что-то целое
затянувшаяся на двадцать лет
и всё ещё тянущаяся

я тоже прогуливал эти уроки
 я никогда не умел ориентироваться по карте
 и находить себя
 или других людей
 забавно что
 мы прогуливали одни и те же уроки
 в одной и той же школе

наверное это судьба

***

ге_
 # в очередной раз
 all
 real: [-∞; +∞]
 # задумываясь над тем что вся [реальность]
 = $x \geq \infty$
 # заключается в симуляции
 =
 # представляет собой
 bin. [11010000 10111101 11010000 10110000
 11010000 10110001 11010000 10111110
 11010001 10000000 100000 11010000
 10110101 11010000 10110100 11010000
 10111000 11010000 10111101 11010000
 10111000 11010001 10000110 100000
 11010000 10111000 100000 11010000
 10111101 11010001 10000011 11010000
 10111011 11010000 10110101 11010000
 10111001]
 # набор единиц и нулей
 # в странном порядке столбиков
 like: [11010000 10110010
 11010000 10110101 11010001
 10000000 11010000 10111011
 11010000 10111000 11010000
 10110001 11010001 10000000]
 # наподобие таких вот верлибров
 self:
 # в самом себе обнаруживаешь
 find: [self]
 # признак искусственности
 егггг

не знаешь
input: [action]
как поступить в такой ситуации

* * *

окно
с видом на бога
с видом на морг
с видом на то
чего нет

повторяешь
смерти нет
смерти нет
смерти нет
смерти нет
смерти нет
смерти нет пока
есть я

* * *

несколько изображений
в непрерывном конвейере подобного
в ленте
отражаются в глазах
застревают сетчатке
другие глаза
говорящие губы
и тишина

в конце появляется стрелка
свёрнутая в круг
нацеленная на саму себя
как указатель выхода
при пожаре
в стране
в стороне от
федеративного центра
в poste
в [подставить нужное слово]
организации
как кусающий собственный хвост
уроборос

ЕВГЕНИЯ ЦОРИЕВА

Поэтесса, **СТУДЕНТКА** филологического факультета РГГУ (кафедра новейшей русской литературы), выпускница литературного профиля школы ЦПМ 2023 г. Родилась в 2005 году в Подмосковье, там и **ЖИВЁТ** по сей день. Публиковалась на « **ПОЛУТОМАХ** ».

хатиагский язык

*«Этих чудиц
кто-нибудь возьмёт за руку,
как ошалевшего ребёнка:
— Пойдём, я покажу тебе такое,
чего ты никогда не видел!»*

О. Седакова

ваюг¹

прости
ищу тебя в расщелинах крепости ты спишь где-то рядом
хочу
целовать твои руки отдающие холодом камня
найду
уведу тебя из скверного севера из стального оплота
клянусь
или жалости груз разгрызет изнутри мою грудь
прости

семь
голов твоих составляют семь чудес света
волосы
теплой петлей обвивают чужую шею
руки
мои твой единственный глаз упустили
прости

яблоко
можно запечь нарезать на дольки отдать детям
дети
будут кидать его друг другу пока
не закинут в дальний угол
где
пыльное яблоко будет плакать
а с ним
буду плакать и я
прости

¹Нартский эпос и осетинская мифология: циклоп с семью головами. — Прим. автора.

тебя
уморили ты плачешь земля плачет с тобою
нет покоя земли пока
зёмли
обжиты обласканы окружены
пока
над землёй пируют парируют поют самолёты
прости

безымянный сын урузмага²

прости
имя твоё не вспомнить пока
ты лежишь на коленях самой смерти
и она перебирает твои волосы
хоть оно и крутится на
давно отнятом языке
его же закручивая.
где твой дом маленький мальчик
и кто твой дом?
мы с тобой похожи
меня тоже
убивал собственный отец
и я отвернулась
и ты от_вернись —
тебя ждут подземные коридоры
пока в горах ещё светит солнце мёртвых
пока в глазах ещё тлеет
образ родного убийцы
прости
но тебе придётся.

в голодное время
люди вспоминают еду
во время войны —
о мире
тебя не помянет никто —
у тебя нет имени.

²Нартский эпос и осетинская мифология: ребёнок, погибший по неосторожности собственного отца. Вернулся из царства мёртвых, чтобы напомнить ему о своих поминках.

артауз³

ты закован
в самую крепкую цепь
ты стесал о не` когти сточил зубы
поэтому я не побоюсь укусов
когда буду гладить твою голову.
ты охраняем
самими богами
самыми безымянными бестелесными
и бесцельными
в отличие от тебя
поэтому я не побоюсь обнимать
и шептать тебе на ухо имя.
ты далеко
поверхность луны холодна
она не внемлет твоим рыданиям
в отличие от меня
поэтому я пишу тебе это.
ты свободен
в отличие от тех
кто кидает в твою сторону стрелы
кто стучит сталью о сталь
кто сторожит само зло во плоти
кто сходит с ума в остроге свободы
поэтому
я пишу тебе это.
прости?

джеры дзуар⁴

меня бы ты лечить не стал.
да и кто бы пришел к тебе паломничать
просить исцелить мою душу
или хотя бы у(с)покоить?
я бы скорее сама
легла на холодный камень
что помог бы забыть
как урузмагу убитого сына
но у меня есть только кафель
столь же холодный и серый
но он провоцирует вспомнить.
перед тобой я извиняться не стану.

³Нартский эпос и осетинская мифология: чудовище, сотворённое Богом для добра. Ослушался Творца и стал учить людей злу; в наказание был прикован к луне.

⁴Нартский эпос и осетинская мифология: небожитель, который исцеляет душевнобольных.

Окончил
литературный
класс школы
при ЦПМ в
2023 г.,
поступил в
РГГУ на
профиль
новейшей
русской
ЛИТЕРАТУРЫ.

Андрей
Лавзаренко

* * *

Червь-судья неожиданно маленький.
Выбор смерти и наоборот.
Это кролики? Нет, это карлики.
Это мой полуотнятый рот.
Полуотнятый полуотмеченный
Светом, кровью, войной для чего?
Только тело толкая я вечером
Возвращаюсь в «спокойно, черство».

Змей аптечный становится ящером
И в тени горькой нашей горы
Нет границы для солнца палящего
Снова светом нависли шатры.
И волнуясь желтеть нефiltroванным
Я хотел бы без мора сказать,
Но моря в лучезарности голову,
Я моря не хочу испарять.

Я с тобою и я с лучеванием
Табуирован кто между строк?
Черносолнечное выживание, –
Наш пример навсегда невысок.
Твой навеки поэт без риторики
Или путник, ослепший давно?
Это карлики? Нет, это кролики!
Это нам разбирать не дано.

* * *

Этот город что нужен и нежен,
Словно флейтой его попросил
В окруженьи трибун над манежем
Цвёл и пел, выбиваясь из сил.

Никогда ещё не было моря
В этом городе. Только гадать
В нём останется. Сколько покоя
Волей волн-сургуча создавать?

Но сегодня печати морские
Чересчур позабыла свеча
До тех пор пока вместе не скинем
Повсеместный запрет сургуча.

Или я покажу пока живы мы
Без письма созвучанием рек,
Пока рук перекличными жилами,
Небо-нёбом дышал человек,

Что под горы глазающий проголод
Сможет жить до пожара земли.
Нужный Новгород, Нежный Новгород,
Нижний Новгород нужен ли?

Катя Камушкина

Поэтесса, родилась в 2005
году в Самаре, студентка
филологического
факультета РГГУ.

Фото: Валентина Бирина

* * *

поперёк — звук никогда не повторяется, вопреки
касанию руки — живое на живое, но ком
скатывается вниз и становится больше,
как если бы он был старательно поднят
на вершину холма, но не выдержал лёгкости:
потому и расплёскивается каплями, иглами и камнями,
а ты бегаешь по кругу, хватая одно за другим —
только имя бы! расплываются звёзды — смотрят, для кого?
подминая траву под себя, темнота — льдинки росы скользят
по коже, как если бы вчера говорили: «вода льётся сверху, но
никогда не достигает самого дна» — что ещё, если
темноты хватает только на то, чтобы вскрыть да скрепить
звуки никогда не значительные, но хотящие этого
вопреки бетону — такому же как роса, донья морей
и рука твоя (все они ускользают и молчание хранят);
и я стекаю с вершины холма комом слов,
не хотящих быть предложениями на языке родном,
тепящихся на дне морском, где неизведанные зверьки
вытесняют ненужный им солнечный свет.

* * *

а в густоте
цвета всегда будет место
звуку, бегающему по кругу
от солнца
до луны.
мы исчезаем
в верном направлении
к обратной стороне,
где тоже будет
свет.
да и зачем,
если пауза всё равно
громче всех
зубастых
строк и полос?
тише, я снова
слышу — ничего.
и август
сглаживает
неровности.

* * *

вне себя от собственной неприкосновенности:
все — мы, следом убегающего на скорости огня
зовущие на помощь. мыльные взгляды — ввысь, без
попытки поймать ни дом в окне, ни пятно от губ на стекле,
хотя вот что важно: мера себя самого определяется
неуловимостью строки, так и ускользающей от глаза,
даже если не пялиться в пустоту. мне всегда говорили:
«не бросай на полуслове». старательно вывожу «о»
концом к концу, окружая белое пятно на бумаге так,
чтобы оно не расплылось: точка, хотя выходит запятая,
потому что дрожит вокзальный фонарь, когда всё
смещается вправо.

* * *

угаданное в облаке тело расплывается
и незаметно становится тем,
на что не хватает воображения.
дожди мягко подходят со спины,
щекоча обратную сторону шеи.
тогда я вспоминаю, что
небо — это нёбо огромного рта вселенной;
реки — это руки нептуна, обнимающего мир;
горы — это всеобщее крохотное горе,
покоренное и обточенное водой и ветром,
обжитое у тёплого влажного подножья.
жить вдвоём у подножья горы, чтобы знать
о трогательной позиции самих себя;
жить вдвоём — трогательное событие.
дожди подошли, когда облака
распластались до бесформенности,
окаменели, наконец, остановились и замерли,
потемнели, как упавшие и разбившиеся яблоки.
капля ударяется о лист! — соприкосновение,
капля стекает с листа на траву — дрожь,
капля впитывается в землю — слияние.
мы лежим на зацелованной мартом земле,
когда, быть может, небо рядом с нами.

Поэт, редактор, литературный критик. Родился в 1984 году в г. Кимры (Тверская область).

Окончил МГУПИ (сейчас: МИРЭА) и Литературный институт им. А.М. Горького. **Кандидат** филологических наук.

Стихи, переводы, рецензии, статьи и интервью публиковались в журналах «Новое литературное обозрение», «Цирк "Олимп" + TV», «Воздух», «Волга», «Знамя», «Новый мир», «Зеркало», «Флаги», «Ф-письмо», «Литература», «Дискурс», «Двоеточие», «Дактиль», альманахе «Артикуляция», на портале журнала «Носорог» и др.

Владимир
Корюков

Создатель проекта «**На языке тишины**» и антологии текстов о слепоглухоте «Я-тишина», в которую вошли работы более 130 авторов и переводчиков из 20 стран мира (премия Silver Mercury). Стихотворения переведены на шесть европейских языков.

Автор нескольких сборников стихотворений и книги интервью «Побуждение к речи: 15 интервью с современными поэт(к)ами о жизни и литературе» (2020).
Фото: Станислав Сурман

НЕВИДИМЫЕ ВЕНКИ НА КОРНЯХ ВЗГЛЯДОВ

*

тень антилопы падает вниз головой
в биении предсмертий
натянутого барабана испуганной кожи

пшеничное зёрнышко
застывает в мутнеющей роговице

в пепле седых костей
в жреческой рулетке углей
скачут 77 маленьких антилоп
вырезанных из одной антилопы

в окровавленной вере
с глазами полными пшеничных зёрен

капель сторожкого сердца за урожай
свобода за охотничью удачу
жизнь за дождь

на рубцах неба проступают разбухшие зёрна

антилопа пасётся в вертикальном поле
выпадая на головы людей
бесплодным млекопитающим дождём

*

Лане

сдерживая тишину
солнце на песке оставляет след
под одним чатом —
срывая палые слова
<невидимые венки на корнях взглядов>

вечер иссечённый промежутками
неподвижных сообщений
<рецензии зависшей в портале шрёдингера>
убрав приставку «свет» —
селится в твоих пальцах | бьётся на кардиомониторе времени

где в этом лете ты родом?
в каком орнаменте мысли косички твоих взглядов?

впадение в слова —
седые летние будни от новостей
<деревья окружают уголёк света — солнечный зайчик боли>
по обе стороны ненаписанных текстов
кружится паутинка надежды
на коврах заставок для <не>сбившейся речи
к которой <ещё> не прикоснуться руками

*

и тогда она надевает грозу
зонт под которым вечно идёт дождь
и проливается из крынки своих камланий

*внутри воды   ребёнок играет на пианино
обрастая руинами детства
включая мелодию на громкую связь*

но в телефонной трубке только белый шум

и тогда она обращается из человека в птицу
из птицы в зверя
выгрызая узелки на нитях воды

*дождь танцует с ребёнком
танго капельниц
входя в кровь белой живой водой*

*струнья воспоминаний внутри тела
оседают пеплом в водоёме груди*

и сколько не набирай — в себя невозможны звонки

шаманка входит в душу ребёнка
слушает гонку волчка в детской груди
плачет седым веретеном снаружи и изнутри

иногда ей кажется
что в груди бьются два сердца

и тогда она снимает грозу
убаюкивает себя внутри себя
одновременно засыпая и просыпаясь

44

подражания

1

ты обещала нарисовать мне ласточку
прыгала с доски в воду раскрыв руки
репетируя линии на листе воды

ты привыкла летать вниз

тебе всегда помогали вылететь
татьяна максимовна давала деньги на завтрак
михаил исаакович увозил от дурных компаний
приёмный бог-отец с классической статуей на руках

ты привыкла летать вниз
потому что всем телом вода
а ласточки всегда вылетают из воды

но на этот раз внизу был лёд
а позади балкон
(и можно в этом тексте не будет ребёнка внутри тебя?)

теперь моя очередь рисовать тебя

ласточка я построю вокруг тебя бассейн с очень мягкой водой
застеклю трамплин четвёртого этажа
ласточка отчего простой карандаш рисует бордово-красным
перерисуй сейчас же   ласточка перерисуй

2

пары человеческих птиц удаляются в тополином снеге
пёс с оголёнными лапами ходит кругами —
в радиусе <.> гибели птицы
и на гончарном круге асфальта проявляется урна с телом внутри

мы с тобой голубиной крови — я и ты

её накрывают листья деревьев и крики мальчишек —
они запускают воздушного голубя

он полетит над городом разбрасывая перья грозы
створки суток забьются вслед облетевшими крыльями

*но тебе никто не расскажет о мёртвом голубе
никому нет дела до мёртвого голубя
ему самому нет дела до своей смерти*

птица вжимается в землю | становится меньше
и когда на неё наступает нога мужчины
превращается в пластырь
на теле земли

в беспомощных разноцветных наклейках

Кристина Ким

Писательница,
культуролог, учится на
факультете свободных
искусств и наук
СПбГУ, читает лекции
в питерских барах и
маленьких книжных,
ведёт телеграм-канал
«Однако это канун».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(рассказ)

1

Пока телевизор пел колыбельную, они хрюкали.

Ба-хрю-бай, должны все люди ночью спать

Ба-хрю-баю, завтра будет день опять

Гоша морщил нос и толстые щёки, хрюканье у него получалось смешное, как у пластикового Хрюши. Что касается Зинаиды Захаровны, она умела хрюкать, как настоящая свинья: утробно и дико, совершенно не напрягая лица. Она могла притвориться, что забыла про поросёнку колыбельную: могла нацепить очки, раскрыть замусоленного «Крота», будто бы с головой уйти в кроссворд — но в нужный момент хрюкнуть! Поймать восторженный Гошин взгляд и подмигнуть ему заговорщически.

Они и были заговорщиками: Гоша и Зинаида Захаровна, ночью, совсем одни — одни в детском саду.

На тумбочке — светильник в наклейках и недопитое молоко. Растянувшись поперёк кровати, Гоша отдирает наклейки и лепит их обратно, но вверх ногами. Если наклейки переставали цепляться, их нужно было обмакнуть в молоко и быстро приложить к светильнику. Другие воспитательницы — Маргарита Васильевна и, уж конечно, Светлана Борисовна (которую Гоша про себя звал Шерханой Борисовной) — наверняка бы подняли шум. Они бы говорили: «Не дри наклейки!» — и Гоше приходилось бы отвечать: «Я не дру!». Зинаида Захаровна ничего не говорила. Только решала «Крота» и хрюкала. Но она и не была воспитательницей. Её звали по-другому: ночная няня.

Она приходила, когда телевизор в углу начинал тарыхтеть колыбельными. Внутри разворачивались пластилиновые картины: лошадка-качалка, пирамидка с головой петуха, плюшевый медведь. Вероятно, они должны были изображать те самые «усталые игрушки». Гоша мало в них верил. Его игрушки были другие: интерактивный автотрек с машинками, набор инструментов «строительный», радиоуправляемый бульдозер с запчастями, лего «лесничий» — никаких пирамидок и плюшевых медвежат.

А дороже всех Гоше был резиновый пахицефалозавр.

— Его зовут пахицефалозавр Кино Денц.

— Как-как? — переспросила Зинаида Захаровна.

— Пахицефалозавр Кино Денц.

— Может быть, кино? Кино-вино и домино?

— Нет! — обиделся Гоша. — Его зовут Кино. Кино Денц.

— Не бывает такого имени, — заупрямилась Зинаида Захаровна. —

Тогда уж, Кино́ Дáнс. Знаешь, что значит «Данс» по-английски?

— Мне плевать.

— Данс значит танец. Танцевать! — как ни в чём не бывало объяснила Зинаида Захаровна. — Есть такая песенка, — она набрала в сухонькую грудь побольше воздуха и запела. — Та-ла, та-ла-ла-ли-ла-ла, данс ми фо ве йенд оф лав.

— Ла-ла-ла, я ничего не слышу! — Гоша заткнул пальцами уши. — Какая фальшь, я не могу слышать эту фальшь!

— Ну и не слышь, — отрезала Зинаида Захаровна.

Она раскрыла «Крота» и спряталась в кроссвордах.

Гоша вытянул из ушей липкие жёлтые пальцы, вытер их о наклейки, схватил Кино Денца и переполз на диван к Зинаиде Захаровне. Он тыкался носом в её колючий серый шарф. Шарф почему-то звался «пончо».

— Чего ты? — спросила она тихо.

— Ты обиделась.

— Ещё чего! Что я, дура, что ли, обижаться?

— Его зовут Ки́но Дéнц.

— Хорошо, — сдалась Зинаида Захаровна — Ки́но Дéнц.

Гоша успокоился и растёкся по няне: по её мягким плечам и мятым кроссвордам, по запаху хозяйственного мыла и столовой, по пончо

— Может, попросим Денца не слюнявить пончо и лечь спать?

— Денц не хочет спать. Это скучно.

— Пусть поплюёт в потолок, это очень интересно. Поплюёт-поплюёт, и заснёт.

Гоша обиженно перебрался обратно в кровать. Он попытался плюнуть так далеко, чтобы слюна назвалась звездой — но ничего не получилось.

Он почти засыпал, когда Зинаида Захаровна резко спросила:

— Главный герой мультфильма «Король Лев»?

— Пумба! Нет, Симба!

— Сим-ба, пятьпогоризонтали. Верно, — она радостно написала последнее слово и закрыла «Крота». После чего запахла пончо, выключила телевизор и погасила светильник, не сказав ни слова об искорёженных наклейках.

— Зачем ты решаешь кроссворды? — задумчиво спросил Гоша, разглядывая в темноте крупные буквы «КРОТ», под которыми в клеточках

бисерным почерком было вписано: с-и-м-б-а.

— Чтобы мозг не засох.

— Мозг не может засохнуть.

— Это твой мозг не может, а мой может.

— Все мозги одинаковые. Спроси у моего папы.

— О, обязательно спрошу. Если когда-нибудь его увижу. — ворчливо сказала Зинаида Захаровна и тут же об этом пожалела. — Извини.

Гоша накрылся с головой одеялом, свернулся, как белая черепаха, и засопел.

— Послушай, — Зинаида Захаровна присела на край кровати и погладила одеяло. У неё была мягкая разноцветная ладонь: по ней шли коричневые пятна, алые трещины, синие вены. В темноте все они смешивались в мешанину узоров. Гоше нравилось их разглядывать, потому нянечка предложила. — Хочешь посмотреть мою руку?

Гоша высунулся наполовину, ухватил руку нянечки и поднёс к глазам. Кожа как карта неведомой земли, земли времен пахицефалозавров. Жуткая, но красивая кожа. И пока он водил пальцами по родинкам, Зинаида Захаровна говорила:

50

— Знаешь, твои мама и папа не просто так по ночам кукуют. Они врачи, они помогают людям. И днём помогают, и ночью. Ага?

— Ага, — Гоша задумчиво разглядывал линии её жизни.

— Они тебя любят. Очень. Помнишь, какой автотрек купил тебе папа?

— Роме тоже такой купили. И Ильдару. Но они не остаются на пятидневку.

— Потому что их родители не врачи. Они просто...

— Лохи?

— Ну, да, — помявшись, согласилась Зинаида Захаровна. — Просто лохи.

Они захихикали.

— Просто лохи! — обрадовался Гоша. — Лохи.

— И, кстати, сегодня уже среда.

— Среда — это почти четверг! — радостно подхватил Гоша.

— Четверг — это почти пятница.

— А в пятницу за мной придёт мама.

По пятницам Гоша гордо шёл вместе со всеми детьми в раздевалку. Он натягивал болоневые штаны, шарф-горлышко, просовывал руки в рукава куртки и ждал, когда появится мама, чтобы застегнуть ему молнию. Никто, кроме мамы, не имел права застегивать Гоше куртку по пятницам, несмотря на то, что мама делала это неумело и всегда защемляла подбородок.

— Ой, прости, котёнок, — говорила она — Не больно?

— Ничего, — довольно улыбался Гоша, пока в уголках его глаз собирались слёзы. — Ничего.

Потом они выходили из садика и шли вместе до ворот: шли, взявшись за руки. Через шерсть перчаток Гоша чувствовал, какие у мамы холодные гладкие руки: она никогда не носила перчаток, зато в помещении мазала ладошки кремом с запахом лаванды. А каблучки на маминых сапогах стучали задорно, весело — на снегу они оставляли крошечные, чуть вытянутые следы. Гоша радовался тому, какие эти следы равные, ровные. Они садились в машину, и машина была огромной: больше, чем спальня, и столовая, и вообще весь детский сад. Там пахло кожей, бензином и одеколоном папы.

— Привет, дружище! — говорил папа.

— Привет — чуть смущённо отвечал Гоша.

— Какие делища?

— Хорошие.

— Загляни под кресло, у нас там для тебя подарок припрятан.

И Гоша всегда находил под креслом подарок: машинку, или лего, или динозавра, или книжку про то, что такое космос, что такое океан, что такое мозг. Они уносились в выходные, чтобы сходить в кино, зоопарк или музей, чтобы пособирать пазлы, съесть пиццу в итальянском ресторане, заехать в гости к бабушке и разрыдаться вечером в воскресенье.

— Понимаю, понимаю, котёнок, — вздыхала мама, растирая до локтей лавандовый крем. — Но и ты тоже пойми. На работе...

— Мне плевать, — Гоша затыкал пальцами уши. — Ла-ла-ла! Я ничего не слышу!

— Господи! — мама быстро выходила из себя. — Что за идиотская привычка?

В дверях появлялся папа.

— Давай-ка разберёмся, дружище. Тебя, бьют, что ли, в детском саду? Может, мне поговорить с этой твоей Зинаидой Захаровной?

— Нет! — Гоша начинал рыдать ещё громче, он дрожал, дрожало его пухлое доброе лицо. — Только не говори с Зиной Захаровной!

— Почему?

— Потому что она хорошая.

— Ну тогда не буду говорить, — папа пытался обнять Гошу, но тот уворачивался. Ему не нравилось обниматься с родителями. — Ничего-ничего. Скоро лето, а там и школа. Взрослая жизнь, можно сказать. Там, дружище, тебе ни мама не нужна будет, ни папа, ни Зинаида Захаровна.

— Мне будет нужна Зинаида Захаровна! Всегда.

Папа с мамой рассмеялись, обиженно и нервно. И всё-таки поговорили с Зинаидой Захаровной: почему ребёнок не хочет ходить в детский сад? Почему рыдает?

— Потому что скучает.

— Мы тоже скучаем

— Вам не шесть, — отрезала Зинаида Захаровна.

«Какая-то фурия, — думала мама, — и почему Гоша так её полюбил?»

«Хорошо, что скоро школа, — думал папа, — в школе всё устаканится»

«Лохи, — думала Зинаида Захаровна, — как и все родители, лохи»

— Лохи! Лохи! Лохи! — разбушевался Гоша, «лохи» всё не шли у него из головы.

52

— А ну-ка цыц! — шикнула Зинаида Захаровна. — Слушай! — она таинственно подняла палец вверх и на какой-то друидский мотив запела. — Спокойной вам ночи, приятного сна! Во сне вам увидать козла и осла! Козла до полночи, осла до утра! Спокойной вам ночи, приятного сна!

На Гошу эта присказка подействовала волшебным образом: он обнял Кино Денца, повернулся на бок и закрыл глаза. На веках пропечатались Козёл и Осёл, причём Козёл вышел какой-то мутный, неприятный, похожим на Козла из книжки «что такое натуральное хозяйство». То ли дело Осёл: огромный, обвисший и почему-то синий.

Сонный Осёл, он был непостижим, как непостижимы кроссворды и жилистые руки Зинаиды Захаровны. Осёл нагонял сон, Осёл охранял сон. После его прихода Гоша засыпал глубоко, а просыпался редко-редко. Он лишь однажды проснулся среди ночи, дело было какой-то теплой поздней весной. Его разбудила громкая музыка: «с днём рождения! успехов, радости, веселья! и чудового настроения! и миллион ночей и дней!»

Гоша, стряхивая сон, отправился на звуки в комнату нянечки. Он увидел, что Зинаида Захаровна сидит на подоконнике, закутавшись в пончо, и смотрит в телефон. Из телефона на неё струились лучи холодного зелёного света. Гоша, как ему казалось, незаметно прополз по полу и ухватил Зинаиду Захаровна за ногу. Реакция оказалась разочаровывающей: она даже не вздрогнула. Тогда Гоша недовольно покашлял: так делали герои мультиков, чтобы обратить на себя внимание.

— Кхе-кхе.

Нянечка оторвалась, наконец, от телефона и подняла на него глаза.

— В этом доме кое-кто хочет спать, — противно заявил Гоша, копируя папу по утрам.

— О, хорошо, что ты тут, — обрадовалась Зинаида Захаровна, проигнорировав гошиного папу. — Ну-ка посмотри это видео.

— Зачем?

— Посмотри и скажи, хорошее ли это видео, или надо получше. А то я совсем замучалась и уже не знаю, как правильно: отправлять, не отправлять.

Гоша, гордый оказанным доверием, взял телефон и очень серьёзно посмотрел видео-поздравление. Сначала на экране крутились зелёные круги, потом заиграла музыка, и из кругов выскочил большеглазый кролик. Мультяшным голосом кролик зачитал поздравление: «Не горюй и не скучай, день рождения встречай! На тебя смотрю с улыбкой, моя крошка, моя рыбка! Взрослая такая стала, люблю очень, твоя мама!» Повалили лепестки роз, блестящие звёздочки, брызги шампанского и восклицательные знаки... «любви до головокружения и самых преданных друзей!»

— Ну как? — тревожно спросила нянечка.

— Очень хорошо, — ответил Гоша.

— Не слишком много блестяшек?

— По-моему, в самый раз.

— А стихотворение как?

— Хорошее стихотворение. Даже есть рифма.

— Я думала взять в интернете какое-нибудь, а потом решила, лучше самой сочинить. Всю ночь придумывала.

— Получилось во! — Гоша вытянула большой палец.

— Спасибо, — разулыбалась нянечка. — Тогда я отправляю.

— Полине? — догадался Гоша.

Зинаида Захаровна коротко кивнула. Она долго разбиралась, как отправить длинное видео: всё это время Гоша сидел рядом и для поддержки держал её за локоть. Он знал, как нянечке важно поздравлять Полину с праздниками.

— Чё-то я волнуюсь, — вздохнула Зинаида Захаровна. — Вдруг не дойдёт поздравление?

— Дойдёт, точно дойдёт!

— Может, надо было другую музыку вставить? Или стихи другие?

— От-прав-ляй! — заявил Гоша.

И Зинаида Захаровна отправила видео, а потом расплакалась. Гоша гладил её седые волосы и говорил: «В этот раз она точно ответит, вот увидишь. Точно-точно ответит...» Но Полина не ответила.

Вообще-то, Зинаида Захаровна плакала редко. Только в день рождения Полины. И ещё! Ещё когда пролила на себя кипячёное молоко. И в тот майский день — в Гошин выпускной.

На выпускной приглашали не всех. Концертный зал был маленький и душный, на каждого ребенка приходился один взрослый. Гоше в этом плане повезло: ему не пришлось выбирать, кого он больше хочет видеть на празднике, маму или папу. Ни мама, ни папа не смогли прийти, но пообещали, что вечером обязательно отведут его в пиццерию и посмотрят записи всех выступлений. Гоша даже не стал плакать. Он пригласил Зинаиду Захаровну.

Воспитательницы (особенно Шерхана Борисовна!) смотрели на Зинаиду Захаровну с презрением. Она не была воспитательницей. Она была всего лишь ночной нянечкой.

Зинаида Захаровна села в сторонке, достала телефон и снимала только те номера, в которых так или иначе участвовал Гоша. Но когда Гоши не было на сцене, она всё равно внимательно следила за сюжетом. Сюжет был запутанным: колдун украл часы, время остановилось! Теперь дети не смогут выпуститься из детского сада и пойти в школу! Чтобы уговорить колдуна вернуть часы, Гоше пришлось спеть несколько песенок, прочитать стихотворение и, самое важное, станцевать прощальный вальс. Вальс должен был убедить колдуна, что перед ним не малыши, а настоящие школьники. Тогда он вернёт часы, и время пойдёт своим чередом.

Пел Гоша так же фальшиво, как Зинаида Захаровна. Он широко раскрывал рот, отчего его лицо становилось круглым, как маленькая планета. Его постарались спрятать вглубь сцены. Зинаида Захаровна негодовала и отчаянно приближала камеру, чтобы поймать Гошу в последнем ряду.

Зато стихи он читал хорошо. Только строчки ему достались нескладные:

«И вот с игрушками пора

Пришла прощаться нам.

Мой друг, мой мишка плюшевый,

Тебя теперь отдам

Я в группу к малышам.

А сам пойду учиться,

Пятёркам искриться»

— Это тупое стихотворение тупости, — пожаловался Гоша в тот день, когда им раздали роли. — Я никогда его не выучу.

— А ты попробуй эти строчки спеть, — деловито предложила Зинаида Захаровна. — Тогда сразу запомнишь. Помню, был фильм такой... он, значит, торопится на свидание, гладит брюки... и пытается быстро-быстро выучить Пушкина... и поёт, поёт: «Мой дядя самых, самых честных, честных правил! Когда не в шутку, ох, не в шутку занемог!»

— Не пой, я не могу слушать твою фальшь, — заявил Гоша, и ещё более фальшиво пропел стихотворение на мотив любимой папиной песни.

— Это что за мелодия? Что-то знакомое, кажется, Поинка такое слушала.

— Горлицы юч переломлен попой лам, группа «лето —», — он вытянул большой палец, — «— во!»

— Какой такой «юч»?

— Просто «юч».

И они вместе запели: «горлицы юч переломлен попой лам, и вот с игрушками пора пришла прощаться нам, мой друг, мой мишка плюшевый, тебя теперь отдам я в группу к малышам», — а дальше песня не ложилась, но и строк оставалось не так-то много!

— А сам буду учиться, пятёрками искриться, — все решили, что Гоша стесняется, потому читает тихо, и только Зинаида Захаровна знала: он читает тихо, потому что пытается подавить смех.

Шерхана Борисовна воскликнула: «Громче, Гоша, громче! Громче, с выражением».

— А сам буду учиться, — Гоша встретился глазами с Зинаидой Захаровной, не выдержал, и фыркнул. Она тоже засмеялась, но быстро взяла себя в руки и подсказала:

— Пятёрками искриться.

— Да, точно. Пятёрками искриться.

Ему жиденько поаплодировали, после чего объявили прощальный вальс.

Заиграла музыка из «Берегись автомобиля» — та, которая стояла на звонке у Зинаиды Захаровны, но потом она поменяла мелодию. «Такая хорошая музыка не должна звучать, когда к тебе звонит какой-нибудь жэк, понимаешь? Такая хорошая музыка должна звучать только в особенные моменты».

— Тебя ждёт вальс-сюрприз! — заявил Гоша в ночь перед выпускным.

— Какой такой сюрприз?

— Мюзикальный сюрприз, — Гоша кривлялся и растягивал «ю». — Мю-мю-мюзикальный, сюрпризный сюрпризик.

— Будь посерьёзнее, — строго сказала Зинаида Захаровна. — В конце концов, это твой первый вальс.

— Мне плевать. Я танцую с Настей Рыбниковой, а она сопливая.

— Первый вальс не виноват, что Настя Рыбникова сопливая.

Гоша задумался.

— Знаешь, Зина Захаровна, я бы хотел станцевать первый вальс с тобой.

— Ещё чего выдумал! Со мной — первый вальс танцевать! Не с Лизой, не с Аглаей, не с Настей Рыбниковой?

— Нет, Зина Захаровна, — серьёзно повторил Гоша, — только с тобой.

Тоненькие и нескладные, дети выходили на сцену парами: мальчик и девочка, мальчик и девочка, Гоша и Настя Рыбникова, не такая уж сопливая, даже хорошенькая, в розовом платице чем-то похожая на пирожное.

— У тебя ледяные пальцы, — прошептала Настя Рыбникова. — И мокрые.

56

— А я видел, как ты ковыряешь в носу, — парировал Гоша, чтобы скрыть досаду: Настя Рыбникова его раскусила. Он был не просто холодный и мокрый, он был белый, как рубашка. Он волновался, что плохо станцует свой первый вальс.

— И-и, начали! — воскликнула Шерхана Борисовна.

Они закружились невесомые, похожие на эльфов. Это было очень красиво: замороженные вроде-бы-дети так вдумчиво танцуют, танцуют вальс. Будто бы зал превратился в заколдованный круг, будто бы на месте каждого шажочка следующим утром вырастут грибы-говорушки — может, оно так и было?

Когда Гоша опустился на одно колено, а Настя Рыбникова обежала его, придерживая волны розового платица, у Зинаиды Захаровны задрожали руки, и она перестала фотографировать. Она вспомнила песенку на мотив вальса: «тот, кто с хрустальной душой, тот наказан расплатой большой, что-то там-то звенящая синь, динь-динь-динь».

Гоша тоже вспомнил песенку и посмотрел на няню — она, разумеется, смотрела только на него, во все глаза. Во все свои красные глаза — Гоше тоже захотелось плакать, но ему нужно было танцевать, удерживая тоненькую талию Насти Рыбниковой, гладкий атласный пояс её платья. Танцевать и не сбиться.

Казалось, колдун взаправду заколдовал время. Гоша думал: что, если время не вернётся? Если всё застынет, как оно есть: на первом вальсе. Тогда никто не пойдёт в школу, и ничто не устаканится, и мама с

папой будут веками дарить ему динозавров, а Зинаида Захаровна будет плакать только в день рождения Полины. Но почему-то Гоша уже тогда ощущал, что и этот вальс, и он сам, и Зинаида Захаровна хрустально-хрупкие: а значит, им всем осталось недолго, чуть-чуть, чуть-чуть.

Он вёл Настю Рыбникову сквозь душный зал, в который набивался май, мужи и духи мам, и не останавливался, чтобы заплакать, только поглядывал на плачущую Зинаиду Захаровну и улыбался ей самыми уголками губ.

А потом вальс кончился.

Кодун быстрехонько вернул часы, хоть Гоша просил его не торопиться.

Пришло время прощаться. Все папы ринулись с цветами к Маргарите Васильевне и Шерхане Борисовне. Все мамы похватили детей и принялись целовать их. Все вместе бросились к стенду «Мы были малышами — теперь выпускники». Защёлкали фотоаппараты. Кто-то предложил выпустить в небо воздушные шары, все бросились на улицу, светило солнце! Гоша механически взял шарик, подержал тоненькую ленточку между пальцев, потом отпустил. Все похлопали. Снова защёлкали фотоаппараты.

Кое-как Гоша протиснулся сквозь толпу к Зинаиде Захаровне. Она стояла в тени, прислонившись к песочнице-ромашке, и всё ещё плакала: беззвучно, только слёзы текли по морщинкам.

— Мама сказала подарить, — он протянул ей коробку дорогих конфет, она взяла конфеты, сунула их в сумку.

Видеть друг друга при свете дня было непривычно: Гоша оказался куда более розовощёким, Зинаида Захаровна — какой-то серо-жёлтой.

Они не знали, что ещё сказать. Гоша взял её руку. В солнечном свете узоры на её коже были совершенно необыкновенные: какие-то персидские, в век не налюбишься. Но Гоша и так знал каждую складку этой ладони, каждое пятнышко, царапинку, родинку, каждый изгиб линии жизни. Он мог закрыть глаза и восстановить руку Зинаиды Захаровны у себя в голове по памяти.

— Зина За-х-аровна.

— Ну чего ты? — тихое-тихое, ласковое-ласковое, с приды-х-анием, как буква -х-.

«Не плачь», — хотел сказать Гоша, но не сказал, и упёрся лбом в её плечо, в колючее пончо, теряясь в шерсти, в слезах, в запахе столовой и хозяйского мыла.

«Не забывай меня», — хотела сказать Зинаида Захаровна, но не сказала и только погладила его по голове.

Шёл снег, а Гоша уже как три месяца ходил в школу, и учительница была им, в целом, довольна: «Он очень скромный мальчик, всё где-то витает-летает, но это ничего, главное — хорошо читает, почти без ошибок». Ещё бы! Папа гордо рассказывал, какие сложные книги Гоша прочитал: все книги из серии «что такое...?». «Что такое натуральное хозяйство?», «что такое деньги?», «что такое биосфера?...демократия?...пищеварение?»

Что такое снег? Гоша знал, что такое снег. Снег — это замёрзшая вода. Он сидел за последней партой, непредусмотрительно сдвинутой к самому окну, и смотрел, как замёрзшая вода опадает на асфальт. В это время учительница объясняла классу букву «Щ». Три палочки, палочка и хвостик. Эту букву нужно писать с буквой «А». В крайнем случае, с «У». Попробуйте, напишите сами: «Ща-вель», «Щу-ка», «при-Щур».

Не отрываясь от окна, Гоша вывел «Ща-вель, Щу-ка, при-Щур». Ни одно слово не имело смысла. Что такое «щавель»? Как выглядит «щука»? Про «прищур» вообще не хотелось думать.

— Теперь обведите в кружочек гласные, подчеркните красным звонкие согласные, а глухие согласные подчеркните зелёным. Сонорные пока что не трогайте.

Гоша порадовался, что сонорные можно пока что не трогать. Ему не нравилось само слово «сонорные»: оно походило на заложенный нос или плохо разогретый бульон.

— Можно выйти? — спросил Гоша.

— Ну выйди, — чуть обиженно вздохнула учительница.

Гоша почувствовал себя неловко, но отступать было некуда. Он встал и под ленивые взгляды одноклассников прошёл в коридор. В коридоре было холодно: холоднее, чем в классе, надышанном тридцатью ртами. В коридоре было тихо и пусто. Он залез на подоконник, прислонился лбом к стеклу и смотрел, как смеркаются улицы. Он нашёл свой дом: любопытную высотку, выглядывавшую из-за вереницы панельных домов. Его дом близко к школе.

Нужно просто пройти двор насквозь и свернуть в арку.

Папа обещал Гоше, что всё устаканится, когда он пойдёт в школу. И всё устаканилось. Каждое утро теперь было утром понедельника: нервным, неприятным утром, во время которого Гошу все постоянно подгоняли: скорее вставай, скорее одевайся, скорее завтракай! Потом папа отвозил его в школу на огромной кожаной машине — Гоша не понимал, зачем им ехать на машине, если идти пешком гораздо быстрее. Но не спорил. Глупо спорить с папой по утрам.

В школе он смотрел в окно, время от времени писал странные слова, подчёркивал буквы и звуки: твёрдые, мягкие, глухие, звонкие. Иногда сонорные. Потом уроки заканчивались, и звенел звонок — прямо как сейчас! Гоша соскочил с подоконника и поспешил в класс, чтобы его встроили в пару и спустили в раздевалку.

Ему не нравилось ходить в паре. Держать чью-то руку было противно, руки эти были мягенькие, тёпленькие, в заусенцах. Ещё противнее было заходить в раздевалку, слякотную от подтаявшего снега, натягивать куртку и самому себе застёгивать молнию, а потом протягивать охраннику бумажку, на которой написано, что он идёт домой самостоятельно, «под личную ответственность родителей». После чего его выпускали из школы. Иногда он немножко играл с Ильдаром и Ромой. Но чаще — шёл через двор, сворачивал в арку, открывал дверь ключом, входил, закрывал дверь ключом, разогревал обед, включал мультики и ждал маму.

— Он у нас очень самостоятельный, — говорила мама.

— Все они самостоятельные, — кривилась учительница.

— Нет, вы не понимаете. Он умеет открывать дверь ключом и разогревать обед в микроволновке. Да, котёнок?

— Да.

— Под вашу ответственность, — учительница пожимала плечами и смотрела на Гошу с каким-то странным выражением: с приЩуром, не иначе.

Сегодня Гоша решил возвращаться домой медленно. Он останавливался у каждой машины с заснеженными окнами, и на каждом окне писал: «щу-ка», «ща-вель». «Прищур» он решил не писать. Ему не очень нравилось это слово.

Когда он подошел дому, почти стемнело. Он поднял голову, посчитал этажи. Нашёл свое окошко: синее и пустое. У соседей, тем временем, уже висели гирлянды. И в школе тоже повесили гирлянды. А ещё поставили ёлку. её купил родительский комитет, в который входила мама Гоши.

— Ну, как тебе ёлочка?

Мама очень гордилась этой ёлочкой, она сама её покупала, сама собирала со всех родителей деньги. Для этого пришлось создать чат «покупаем ёлку первому “Б”».

— Это уродская ёлка уродов, — сказал Гоша.

— Ругать всегда легко, — назидательно произнёс папа, а мама покачала головой.

Под уродской ёлкой уродов лежали поддельные подарки: пустые коробки, оклеенные разноцветной бумагой. Когда Гоша схватил один из них и потряс, учительница сделала ему замечание.

— Положи на место, — сказала она. — Это декорации. Настоящие подарки принесёт Дед Мороз.

— Деда Мороза не существует, — ответил Гоша, и Настя Рыбникова заплакала.

Она была удивительно глупой, эта Настя Рыбникова. Неужели она не поняла, что у Деда Мороза, приходившего к ним в детский сад, была поддельная борода?

Дед Мороз с поддельной бородой приносил всем Сладкий Подарок. Гоша терпеть не мог Сладкий Подарок. Из вкусных конфет там были только мишки, потому Гоша съедал всех мишек, а оставшиеся карамельки, халву и особенно батончики с гримасой отвращения вручал Зинаиде Захаровне.

Зинаида Захаровна растягивала Сладкий Подарок на весь год. Она съедала по конфетке каждое утро, вместе с чашкой кофе. Таким был её завтрак.

Гоша ввёл код домофона, поднялся по лестнице на третий этаж (мама не разрешила пользоваться лифтом). Когда он проворачивал ключ, зазвонил телефон. Кнопочный детский телефон, на него нельзя было скачивать игры. И отправлять видеосообщения по нему тоже было нельзя. А жаль.

— «С первым снегом!» — недоуменно прочитала мама этим утром. — И вам того же.

— Это кто, кто? — заинтересовался папа.

— Да всё Гошина нянечка. Ты бы видел нашу переписку. Театр абсурда.

Она сунула папе телефон.

— «С первым сентябрю!» — «Спасибо, и вас», «С праздником букваря!» — «Спасибо», «С днем матери!» — «Спасибо, вас наверное тоже можно поздравить?» — прочитано, нет ответа. «С днем осеннего равноденствия!» — «Спасибо». Ну а что такого? — чуть снисходительно улыбнулся папа. — Поздравляет человек, помнит и любит... ах, там ещё дальше! «Счастливого Хэллоуина»? «С днем военно-морской пехоты»? «С днем Феклы-Заревницы»? — папа расхохотался. — Феклы-Заревницы, это сильно.

— Я уже перестала отвечать. Какой-то бред. Не блокировать же её, но у меня вся память забита этими открытками. И видео, господи! Она же ещё посылает видео!

— Какое видео? — поинтересовался Гоша. До этой секунды он не прислушивался к разговору.

— Твоя любимая Зинаида Захаровна прислала маме видео. — подмигнул папа

— Когда? — тут же встрепенулся Гоша — Почему вы мне не сказали?

— Не знаю, — растерялась мама. — Не думала, что это важно. Хочешь, возьми мой телефон, посмотри.

Гоша забрал у мамы телефон, закрылся в комнате и долго-долго пересматривал видео «С первым снегом!». Там кружили снегири

и огромные блестящие снежинки, там скакали по гроздьям рябины огромные анимированные пингвины. И звучало стихотворение: «Вот и снег пошёл, а значит, Дед Мороз к нам уже скачет, набираемся терпенья, ждём его мы поздравленья! А пока что, в декабре, желаю счастья я тебе!»

— Котёнок, нам пора ехать! — забеспокоилась мама. — Тук-тук! Я могу войти?

— Нет, — буркнул Гоша и вновь нажал на кнопку повтора. — Я занят.

Мама с трудом забрала у него свой телефон. К тому моменту они уже очень опаздывали, и собирались быстрее! быстрее, ещё быстрее! А Гоше не хотелось собираться быстрее, ему хотелось ныть, потому что кому, кому, кому нужен детский кнопочный телефон, на который нельзя отправить видео-поздравление? Мама ругалась.

Гоша открыл дверь, вытер ноги о половичок и только потом взял трубку. Звонила мама. Она сказала, что в холодильнике его ждет бульон и нагетсы. И добавила:

— Не сердись на меня, ладно? Мы этим утром и правда очень опаздывали. А такие телефоны с видеосообщениями, они не для первоклассников, понимаешь? Чуть-чуть подрастёшь, и я куплю тебе такой же.

— Когда мне будет девять?

— Да, когда тебе будет девять.

— Это очень долго.

— Понимаю. Давай я приеду, и мы спокойно, без нервов, поговорим про эти самые сообщения. Идёт?

— Угу.

— Люблю тебя, котёнок.

— И я тебя, мама.

Закрывает дверь на ключ. Пожевать нагетсы. Ждать маму.

В квартире было темно, но Гоша не включал свет. Он только достал Кино Денца из коробки с игрушками, сжал крепче его резиновый хвост и зачем-то забрался под стол. Они с Денцом долго сидели под столом и смотрели в зазор окна, как падает снег.

— «О нет, это метеорит, я сейчас вымру!» — прорычал Гоша, разевая пасть Кино Денца. И тут же добавил своим, серьёзным голосом. — Это всего лишь замёрзшая вода, Кино Денц. — Гоша погладил чешую динозавра. — Ты не вымрешь.

Они помолчали. Гоша раздумывал, как бы Кино Денцу сформулировать ещё один страх, такой неосязаемый, далекий от всяких

метеоритов. Прошла не одна минута, прежде чем Кино Денц сказал:

— «О нет, я боюсь! О нет, меня все забыли!»

И Гоша ответил ему:

— Не бойся, Кино Денц. Тебя всё ещё помнят, — тут у него немножко задрожал голос — она помнит.

— «Да она даже не смогла запомнить моё имя!» — разволновался динозавр.

— Ну и что? — оборвал его Гоша — это совсем не важно.

Гошу вдруг посетила простая и верная мысль. Такая простая и верная, что ему тут же расхотелось болтать с динозавром под столом. Он выскочил в коридор, нацепил куртку, сунул в карман Кино Денца и, не застёгивая молнии, не закрывая дверей, выбежал из квартиры прочь.

На улице зажглись фонари, замёрзшая вода клубилась в их свете сиреневым, Гоша лез напрямик сквозь снежные завалы, только бы не терять ни минуты. Его сердце подскочило, как в температуру — может быть, у него и была температура, иначе почему он так дрожал, почему смеялся без всякой на то причины?

Хотя нет, у него была причина. Самая радостная причина.

— Я иду к Зине Захаровне! — прошептал Гоша. Ему хотелось это прокричать, но он побоялся. Хватило и шёпота.

Сжимая-разжимая резинового динозавра, Гоша попытался успокоиться. Детский сад не так уж далеко, нужно только вспомнить полузабытую дорожку. Сейчас налево до киоска, от киоска по мостку булочной, а от булочной всего ничего, шаг-другой-третий, и вот он! Сад, сад, его детский сад.

Охранник узнал его, выгнул бровь и спросил: ты-то тут как оказался?

— Я иду к Зине Захаровне! — объявил Гоша так отчаянно, что охранник растерялся и пропустил его.

Поскальзываясь на ледяных ступеньках, цепляясь за перила, вырываясь из мороза, Гоша толкнул дверь — и потонул в запахе каши и рыбных котлет, в душном тёплом воздухе, в темноте. Он по памяти потопал в раздевалку. Потянул свой шкафчик, но нашёл внутри только чужой комбинезон да чешки, мерцающие в темноте, как обрубки русалочьих хвостов. Это было немного обидно: твой родной шкафчик больше не твой. Но Гоша не переживал из-за этого долго. Он вытащил Кино Денца, сбросил на пол тяжёлую куртку, стянул сапоги и в одних носках потопал на второй этаж, к спальням.

«Что, если там теперь другие дети? — волновался Кино Денц. — Что, если мы ей больше не нужны?»

Он так растревожил Гошу, что тот остановился посреди лестницы,

строго посмотрел на динозавра и сказал ему: «Заткнись, Кино Денц». И Кино Денц заткнулся.

Гоша пробирался по ступенькам в полной темноте — тишину же нарушали болоневые штаны, одна штанина скользила о другую с хлюпающим звуком. Было жарко и неудобно. Казалось, ступеньки никогда не кончатся. Наконец Гоша добрался до спален и остановился в дверях перевести дыхание.

Его кровать пустовала, застеленная. На тумбочке горел светильник: новый, чистый, ни следа наклеек. В углу работал телевизор, а внутри телевизора пластилиновые лошадки качались на радуге. И играла всё та же песня: спят усталые игрушки. Это показалось Гоше небывалым: он мог смириться с чужими чешками в шкафу, с новым светильником и покрывалом. Но песня! Та же песня, и те же лошадки на радуге — хотя Гоша давно уже не смотрит этих лошадок, давно не слушает их колыбельную.

Послышались шаги, Гоша спрятался под кровать, шурша болоневыми штанами. Телевизор выводил: «баю-бай, должны все люди ночью спать».

Появилась Зинаида Захаровна и хрюкнула.

Гоша не удержался и хрюкнул в ответ: «ба-хрю-баю, завтра будет день опять».

Зинаида Захаровна вздрогнула. Подошла к дальним кроватям, где спали дети. Гоша только сейчас их заметил: четверо малышей. Никто из них не собирался хрюкать.

Он думал выскочить из-под кровати и прокричать: «сюрпризьь! Сюрпризный сюрпризик!» — но вдруг подумал: а что, если Зинаида Захаровна будет его ругать? Если приЩУрится, и скажет: «Как же так, Гоша. Ты расстроил маму и учительницу. Они выпустили тебя под личную ответственность, а ты так всех подвёл, убежал из дома, не закрыл дверь, даже куртку не застегнул. Ты казался мне гораздо самостоятельнее».

Зинаида Захаровна запахнула пончо, выключила телевизор и светильник. Она была так близко, что Гоша мог схватить её за ногу. Но он не схватил, и Зинаида Захаровна ушла в комнату нянечки. Гоша съёжился под кроватью и подумал, что теперь никогда не вылезет отсюда.

— «Правильно, — прорычал трусливый Кино Денц, — всё равно она нас забыла».

Гоша прикусил резиновое пузо динозавра.

— Она же не забыла хрюкнуть!

Кино Денц растерялся:

— «И правда! Но тогда почему ты всё ещё под кроватью?»

Гоша вылез из-под кровати и, шурша болоневыми штанами, пошёл в комнату нянечки.

Он не стал стучать, просто приоткрыл дверь: Зинаида Захаровна сидела на подоконнике, закутавшись в пончо, и скачивала на телефон новогодние открытки.

«Вы уверены, что хотите сохранить это изображение?» — нагловатого вида бельчата водят хоровод. Зинаида Захаровна не была уверена, что хочет их сохранить. Она вообще не была уверена, что хочет отправлять кому-то открытки. После того, как Полина её заблокировала. После того, как мама Гоши её заблокировала.

В непонятном порыве Зинаида Захаровна удалила разом все открытки и видеопоздравления: десятки тысяч крольчат, бельчат, цветочков, сердечек и розово-жёлтых шрифтов. После чего отложила телефон и посмотрела в окошко.

Стекло отражало её смешное носатое лицо и ещё кого-то в дверях: кого-то пухлого, растерянного, с динозавром.

— А я всё думаю, кто это там хрюкает? — сказала она и улыбнулась.

Гоша тоже улыбнулся, растягивая добрые, мягкие щёки, и неуклюже побежал к ней, одной рукой удерживая штаны, другой — динозавра. Зинаида Захаровна помогла ему взобраться на подоконник, крепко обняла и поцеловала в макушку.

64

Колючая шерсть, запах столовой и хозяйского мыла. Они посидели так немного, а потом нянечка спросила:

— Ну чего ты?

И Гоша ответил:

— Ничего.

— В школе как, всё хорошо?

— Хорошо.

— А дома?

— Хорошо.

— Как мама?

— Хорошо.

— А ты?

— Хорошо. — ответил Гоша на автомате, потом немного подумал, и добавил

— Только... только я совсем один.

Зинаида Захаровна крепче притянула его к себе.

Они сидели, закутавшись в пончо, и смотрели, как падает снег.

Иллюстратор: Вика Левотаева

69

Анна Чудинова

Журналист, лингвист-переводчик, поэт и прозаик. Публиковалась в журнале «Пашня», коллективных сборниках литературной школы BAND; автор мистического триллера «Отель „Блэц“».

ФИЛЬКИНА КРУЧА

Сквозь маленькое оконце избы на толстую серую стлань, лежащую на полу рядом с колченогим столом, спускались косые солнечные лучи. Филимон не спал, он лежал на полатях полностью одетый: тёплые порты, тулуп, шапка, на ногах меховые чуни.

Филимон подготовился, так что суетиться не было никакой необходимости, внутренние часы работали чётко. Он знал, что выйдет на крыльцо за мгновение до скрежета в дверь и просто начнётся новый день. А пока можно было последить за мерным танцем пылинок в потоке света, заполнившим всю горницу.

У окна что-то зажужжало. Филимон перевёл взгляд на узкий деревянный подоконник, бесшумным прыжком спустился с полатей и медленно подошёл к окошку.

— Эка сцепились... — тихо, почти шёпотом, проговорил он.

Две чёрные мухи, неизвестно откуда взявшиеся зимой, звонко бзыкая, передвигались скачками. Сцепленные лапками, они то взлетали вверх по стеклу, то скатывались вниз на подоконник. Мухи в отчаянии трепетали своими тончайшими крыльшками, но ни одна никак не могла оторваться от другой, чтобы улететь.

Филимон так засмотрелся на чёрных плясуний, что чуть не прозевал время. Охнув, он метнулся к полке с коробочками и склянками. Страбастал большую прозрачную банку с вялеными кроличьими лапками, наскоро отвинтил железную крышку, достал вытянутый, словно палка, кусок твёрдого мяса и кинулся в сени.

И только Филимон поднял ладонь, чтобы коснуться ручки двери, как услышал тихий скрежет когтей. Филимон сглотнул, но его тонкие, длинные пальцы всё равно потянулись вперёд. Не успел. От вышибленной снаружи двери Филимон отлетел назад. Сверху его придавили могучие лапы зверя. Смердное влажное дыхание обдавало лицо. Зверь утробно рычал, оголяя громадные челюсти с жёлтыми клыками, и опускал щерившуюся морду всё ниже и ниже. Шерсть на холке вздыбилась. Филимон не мог вдохнуть, но и не отводил взгляд. Он смотрел прямо в налитые кровью глаза.

Да, Филимон знал, сейчас его магия бессильна, ведь перед ним не человек. Но именно к человеческому в звере взывал Филимон. Уголки губ его еле заметно тряслись. Глаза старика широко распахнулись, словно принимая неизбежное.

Наконец кончики ушей зверя дрогнули, а широкие ноздри дёрнулись. В нос твари забрался тонкий запах вяленого мяса. Филимон уловил замешательство зверя и медленно и аккуратно стал приближать лакомство к раскрытой пасти. Голова зверя вывернулась. Исполинские челюсти быстро клацнули, вырывая добычу. Тугая чёрная щётка хвоста мелькнула в дверях, и зверь исчез.

Филимон, кряхтя и отряхиваясь от въедливой мокрой волчьей вони, поднялся. Доковылял до двери и вышел в новый день.

На крыльце Филимону полегчало. Он распрямился и закурил самокрутку. День разжигался. Холодное белое солнце слепило глаза. На высокой кривой сосне сидело чёрное вороньё. В оглушающей тишине хрипатое карканье птиц, казалось, разлеталось на сотни вёрст окрест. Между стволами деревьев просвечивал горизонт, где крепко сцеплялись голубая и белая ленты. Небо и снежное озеро.

Филимон левой рукой скользнул под полу тулупа, миновал лёгкий зипун и раздвинул ворот исподней рубашки. Кончики пальцев нащупали на груди, чуть ближе к шее, выпуклые и гладкие рубцы. Это был след от первой промашки Филимона. Но тогда они со зверем ещё узнавали друг друга, и каждый проверял другого на прочность. А сегодня... Филимон почесал затылок и хмыкнул.

68

* * *

В тот год, когда волколак впервые пришёл к нему, декабрь лютовал. Да и засушливое лето поскупилось на травы и коренья. Филимон фыркал, что наготовил снадобий «шиш да обчёлся», а прошлогодние запасы самых ценных лекарств подходили к концу. О том, чтобы обмениваться с другими знахарями сырьём для порошков и мазей, Филимон даже не помышлял, не к лицу ему это было. Что лес послал, тем и тешился.

Дружб ни с кем Филимон не водил, да и жил вдали ото всех — на озёрной круче. Избушка его терялась в маленькой, но густой осинової рощице. Дальше кольцом шёл непролазный тёмный урман, острой щетиной отделявший дом Филимона от ближайшей деревни и всего остального мира. В лес, где по ночам слышался волчий вой, никто никогда не совался. Приезжали к Филимону только днём, на телегах, с ружьями, и только в редких случаях: на грани жизни и смерти.

Старый знахарь Филимон принимал больных с неохотой, но не отказывал.

Осмотрев в тот день хворого мальчика, Филимон велел его отцу молиться Всевышнему о выздоровлении, а сам пошёл к полкам со снадобьями. Внутри одной скляночки белела густая мазь. Филимон схватил

Иллюстратор: Светлана Подаруева

Литературный журнал «Нате»

пузырёк и хотел было уже отдать всё рослому мужику в сапогах и богатом кафтане с меховой оторочкой, но немного подумав, откупорил склянку и отложил половину в другую посудинку.

— Вот... — Филимон обернулся, протягивая лекарство отцу ребенка. — Будешь язвы смазывать раз в день. А это... — Филимон виновато глянул на длиннолицые образы святых в красном углу, но тут же отвернулся и приложил к пузырьку свёрнутую квадратиком бумажку. — Положишь под лавку, где малец спит. Станет хуже, приходи ещё. Но не должно...

Мужик кивнул и звякнул увесистым холщовым мешочком по столу. После натянул тонкую нижнюю рубашку на исхудавшее, покрытое красными пятнами тело мальчика, завернул сына в тулуп и вышел из горницы. Старик поспешил следом, чтобы открыть ворота и выпустить тройку богача. Белый коренник беспокойно переступал с ноги на ногу. Бурые пристяжные лошади дергали головами и фыркали. Глаза животных были закрыты шорами, но Филимон и так знал, что они вытаращены от страха.

Проводив уезжающих и заперев ворота, Филимон вернулся в избу, зажёл лучину от углей в печи, поставил горящую щепу в светец. И только он хотел присесть, как раздался выстрел.

70

Старик метнулся на улицу. На дороге он увидел удаляющуюся телегу и ошалевшую тройку, которая несла галопом. Далекие чёрные пики елей упирались в сизое небо. На жёлтый серп луны наплывала туманная дымка.

— Ещё должен успеть отстреляться... — мрачно буркнул под нос Филимон, начертил носком чуни на снегу линию и юркнул к себе за ворота.

Волки не трогали знахаря, но на тех, кто оказывался в лесу, нападали.

В тот вечер, после отъезда мужика с мальчонкой, Филимон даже не успел почувствовать зверя. Старик задвинул железный засов ворот, и его тотчас же подкинуло вверх. Через мгновение Филимон упал навзничь на снег. Огромная чёрная морда нависала над ним и скалила клыки. Это был не обычный волк. Зверь оказался вдвое больше. Это был волколак. Под тяжёлыми лапами существа Филимон чувствовал, как вот-вот затрещат его рёбра. В чёрных хищных глазах он увидел не просто инстинктивный звериный голод, а жажду мести. Филимон знал, что ни одно его слово не подействует на зверя, и уже был готов принять смерть, но внезапно почувствовал, как в ладонь, лежащую на рыхлом снегу, закапали жгучие капли. Филимон услышал сладковатый запах крови. Дыхание зверя отяжелело, он скульнул и тут же снова оскалился. Сердце Филимона холонуло, но дух врачавателя отозвался. А это значило, что сегодня Филимону не умирать, а лечить.

«Господи Иисусе, Сын Божий, помилуй мя грешного», —
прошелестели его губы.

Зрачки волкоподобного существа сузились, зверь соскочил с
Филимона и в один прыжок оказался за стеной жертвенника в углу двора.

Филимон поднялся и, не отряхиваясь от снега, побежал в избу.

Лучина почти догорела, но он и в потёмках отыскал нужную склянку
с белой густой мазью.

Выйдя во двор, Филимон поспешил к круглой деревянной постройке
без окон, внутри которой он прятал от любопытных глаз жертвенник.
Люди давно уже отошли от языческих обрядов и верили в Бога. Филимон
тоже верил, но вера его была шире, она допускала тайну не только
божественную, но и других сил, из которых мир складывался. А потому
мелкую птицу да других зверёнышей иногда использовал для обрядов.

Зверь всё время рычал и скалился, дёргался и пытался вывернуть шею,
чтобы клацнуть зубами у самого лица Филимона. Филимон ловко уворачивался.
Как мог, он обработал простреленную насквозь заднюю лапу. Вытащил из-
за пазухи вяленую кроличью ножку и положил на снег рядом с волколаком.

Четыре дня приходил Филимон к зверю, а на пятый день хищник
исчез. Волколак не тронул его и дал ему вылечить себя. Но Филимон знал,
что зверь всегда остаётся зверем и он ещё вернётся.

Однажды утром Филимон услышал лёгкий скрежет в дверь сеней. Он
медленно спустился с полатей и вышел из горницы. Не успел старик схватить-
ся за ручку, как дверь вышиб волколак и в один прыжок сбил Филимона с ног.
Зверь проскочил в горницу и стал остервенело метаться из угла в угол и всё
крушить. Хищник что-то искал. Добравшись до полка со склянками Филимона,
зверь встал на задние лапы, совсем как человек. Голова его упиралась в
потолок. Передними лапами зверь расшвыривал в стороны банки и пузырьки.
В избе стоял звон бьющегося стекла. Наконец, тварь довольно взвизгнула.

— Ты что творишь, волчье отребье! — не выдержав взревел Фили-
мон, вскочил с пола и понёсся прямо на зверя. Через мгновение старик
был снова пригвождён к полу мощными лапами. Грудь пронзило острой
болью. Филимон закричал, вытаращившись на волколака.

Зверь смотрел на него сверху вниз. Чёрные, будто угли, глаза горели
яростью. В тисках челюстей торчали вяленые кроличьи лапки. Филимон
понял, что зверь хотел лакомство и что ради еды он чуть не вспорол
человеку грудь.

Филимон залечил рану от когтей и с тех пор стал подкармливать зверя. Главное — успеть вынести лакомство до скрежета когтей в дверь. Тогда волколак выхватывал аккуратно еду из рук и убегал. Такие набегали случались раз месяц.

Филимон знал, что зверь его не тронет. Каждая тварь, которой дали шанс выжить, будет благодарна своему спасителю. Стал ли волколак ему другом? Наверяд ли. Звери не люди. Более того, хищные звери всегда остаются хищниками, которые повинуются внутреннему инстинкту — убивать. Как ни всматривался своим видящим глазом Филимон в монстра, он не мог увидеть его намерения. Не видел старик так же ни разу, как волколак обращается в человека. Зверь всегда приходил только в образе зверя.

* * *

Филимон всё ещё стоял на крыльце. День выдался погожим. Лучилась кова поглаживали лицо. Воронье улетело, и теперь на ветках задорно щебетали воробьи. Справа небо на горизонте подёрнулось серым. Филимон принюхался, потёр занывшее плечо, цыкнул. С севера шла метель. Но на сердце у Филимона было спокойно из-за другого. Мухи и нарушенный зверем ход вещей. Два знака за утро... Это к худому. А может, зверь хотел о чём-то его предупредить?

72

Старик помотал головой и вернулся в дом.

Ближе к вечеру завьюжило. В ещё тёплой трубе завыл ветер. Пламя лучины отчаянно плясало. Перекрестившись перед образами, Филимон встал с колен и сел за стол. Ужин его был скромным: печёная картошка да ржаная лепёшка. Из глиняной крынки пахло хлебным квасом.

Филимон оторвал от лепёшки щедрую гомзулю и хотел было макнуть её в соль, как в дверь сеней кто-то заскребся. Филимон обернулся, но не встал. Скрежет повторился. Это не мог быть зверь. Волколак никогда не приходил к ночи.

За дверью слышались мужские голоса. Раздалась очередь гулких ударов.

Филимон схватил ухват, стоявший у печи, и пошёл к выходу.

— Эй, хозяин, отвори! — за дверью раздался грубый бас, а следом снова затарабанили.

— Уходите! — крикнул в ответ Филимон. — У меня ничего нет.

— Это мы посмотрим! — за дверью загоготали. — Отвори, не то

палить начнём, Филька!

Филимон сглотнул. Только деревенские его так называли, а значит, кому-то нужна его помощь. Скрепя сердце он подчинился.

В избу ввалились два мужика. Один высокий и широкий, как гора, в длинном чёрном бушлате с двумя рядами золочёных пуговиц, военной фуражке и высоких кирзовых сапогах; другой такой же высокий, но щуплый, в тоненьком полушубке, репсовых шароварах и суконном шлеме с красной звездой. Снег припорошил их макушки и плечи. Мужики казались растрёпанными, будто откуда-то бежали.

— Ты Филька? — из-под заиндевелой рыжей бороды загремел басом человек-гора. Его широкий нос напоминал красную картофелину. На переносице белел полумесяцем шрам.

— Ну я, — ответил Филимон, — чего надо?

— Да ты не гоношись, дед, мы за помощью твоей, — продолжил верзила. — Говорят про тебя в деревне всякое... маг... знахарь... Да мы-то знаем, что это всё пустое, да, Лексей Игнатьич? — рыжий подмигнул щуплому, но тот никак не отреагировал. — Не верю я в эту чепуху, дед, но схорониться бы нам от белых. Обогрей путников, Филька, а? Накорми, напои, а утром мы уйдём.

Филимон смотрел на гостей во все глаза.

— Будьте добры, — пролепетал щуплый. Он был совсем ещё зелен. Глаза — два светлых, почти прозрачных озера. — Нам действительно нужно переночевать где-то. Кругом лес.

Отодвигая в сторону направленный на него ухват, громила прошёл в горницу. Его спутник последовал за ним. Оба уселись за стол.

— До утра вам нельзя тут... — Филимон замотал головой. — Это опасно для вас.

— С этим, — бородатый верзила откинул полу бушлата, обнажая чёрный ствол нагана. — нам с товарищем Котковым ничего не страшно. Верно, Лексей Игнатьич?

— Так точно, комиссар, — с нажимом, будто пересиливая себя, ответил щуплый.

— Расчехляй остатки ужина, Филька, жрать хотим, как волки!

«К худому», — вновь подумал Филимон, но всё равно пошёл к печи. Отодвинул заслонку и подцепил ухватом горшок с едой. Из подпола старик достал плошку с солёными грибами и маленькую кадку с кислой капустой.

— Бать, а покрепче есть чего? — бородач понюхал крынку с квасом.

— Митрий Макарыч, служба ж ведь... — попытался запротестовать Котков.

— Отставить, сержант Котков, — взревел бородач, — ты мне ещё будешь указывать! — Он сплюнул на пол, потёр бороду и продолжил, уже смягчая голос: — Может, нас завтра колчаковцы схватят, так хоть последний раз дурнуть.

Сержант Котков потупил взгляд. Чуть погода расстегнул ворот тулупа и снял суконный шлем, обнажая коротко стриженную русую голову и оттопыренные уши.

— Да ты не дрейфь, Алёша! — бородач придвинулся ближе к товарищу и притянул его к себе за плечо. — Комиссар Рябов научит тебя, как после хорошей свары расслабляться. Без этого можно хоть сразу на погост. Так что там с самогоном, Филька? — Рябов оглянулся на Филимона.

— Ничего нет, — Филимон покачал головой.

— А это что? — Громила Рябов вдруг вскочил с лавки, подпрыгнул к полкам со снадобьями, выхватил наган из кобуры и выстрелил в одну из склянок. Пузырьки попадали. С полки что-то закапало. — Думаешь, я такой дурак? Из чего настойки-то делаешь, как не на спирту! Тащи, говорю!

Комиссар Рябов перевёл дуло пистолета на Филимона.

Филимон видел комиссара насквозь. Милосердия в нём было мало. Он давно перестал во что-либо верить, кроме счастливого случая. Сильное тело здоровяка съедала тихая смертельная болезнь, вызванная стенаниями души, но дух Рябова был всё ещё крепок.

— Товарищ комиссар! — вскочил из-за стола Алёшка Котков. Уши его пылали. — Простой ведь человек, не враг! Простого мужика — грех убивать...

Мальчишка был совсем из другого теста. Оказался не на своём месте, суровая лапа войны затащила его не в то логово. Сердцем он был мягок. Вся

жизнь его — мучительный урок отделения зёрен от плевел, поиск истины и разговор с совестью. Но не подчиниться он не мог. Комиссар был для него всем.

— Препятствуешь командованию, сержант? — рявкнул Рябов Коткову.

— Никак нет, товарищ комиссар! — громко отчеканил сержант, но всё ещё продолжал стоять между Филимоном и Рябовым. — Старик-то знахарь, а вам же надо было...

— Ну нет спиртяги так нет, — чуть мягче произнёс комиссар Рябов, опуская руку с наганом.

— Я только хвори лечу, — тихо, но строго ответил Филимон.

— А я и есть хворый, — со смехом сказал Рябов.

— Вижу, — продолжил спокойно Филимон, — с бабьём туго.

Комиссар Рябов остолбенел. Он не знал, как дальше обозначиться, ведь проблема была деликатная, а Котков разболтает всему гарнизону. Все будут смеяться над ним. Но он всё же пересилил себя, вспомнил короткие периоды мучительной боли внизу живота, косые струи с кровью и глухо выдавил:

— Слушай, дед, помоги! — Он приблизился к Филимону почти вплотную. — Как без баб жить, не знаю. А в этом деле слаб стал... Да, я отблагодарю.

На этих словах Филимон почувствовал, как ему в грудь уткнулся металлический ствол.

Рябов злобно ощерился.

— Бери колбу нужную! — комиссар толкнул знахаря.

Филимон засеменил к полкам. Взял первую попавшуюся с красной жидкостью и, оглянувшись на божницу, тихо вымолвил:

— Нельзя в избе лечить. Магия не действует тут. Место намоленное.

— Да что ты околел, дед! — вскипел комиссар. Ты и за тех, и за этих, что ли, ирод? И молишься, и колдуешь. Лечи, говорю!

— Не гневи Бога, комиссар! — снова встрял Котков. — Раз нельзя в доме, так нельзя. Иди, я с тылу прикрою.

Алёшка достал из-под полушубка свой наган.

— У, шельма! — цыкнул комиссар. — Ладно, пошли.

Рябов резким движением развернул Филимона лицом к выходу и приставил дуло ему к спине.

— Пшёл, говорю! — Комиссар пинком привёл Филимона в движение. — Котков, на стрёме!

Метель стихла. Небо нарядилось в чёрное бархатное платье, усыпанное сверкающими блёстками звёзд. С ветки кривой сосны, три раза ухнув, слетел филин. Если бы не забредшие к Филимону прилипчивые, как мошкара, путники, это была бы чудесная ночь.

Филимон хотел было зашевелить губами магическое заклинание, чтобы навести на путников туманящую разум хмарь, но его мысли всё время перескакивали на утреннюю схватку с волколаком. Что же всё-таки он хотел сказать ему? Было ли это предупреждение о приближающейся беде? Смерти? А может, зверь хотел убить его, чтобы избавить от более страшной гибели, той, что происходит от рук человека?

— Это лекарство не спасёт тебя, комиссар, — Филимон развернулся и посмотрел прямо в круглые тёмные глаза человека, державшего его на мушке. Позади Рябова, на крыльце, стоял сержант Котков. — Ты обречён, смерть уже изгрызла тебя. Боли в животе, кровь в том, что выходит, бессонные ночи под храп сотоварищей. Нет, Митрий Макарыч, нет тебе спасения в этом мире.

Филимон достал пузырёк, откупорил его и вылил красную жидкость перед комиссаром на снег.

Рябов вытаращился на старика. Челюсть застигнутого врасплох комиссара отвисла.

— Да... да... — Рябов словно набирал больше воздуха в грудь. — Да сдохни тогда, колдовская морда!

Комиссар поднял руку с наганом. В следующую секунду раздался оглушительный рык. Рябов успел ухватить взглядом огромную скалящуюся волчью морду, летящую на него откуда-то сверху. Он перевёл наган на исполинского зверя, но не успел выстрелить, волк-монстр сбил его с ног. Комиссар почувствовал, как туго вошли в плоть его руки острые клыки твари.

Филимон не мог пошевелиться. Он смотрел и смотрел на живой клубок, крутившийся прямо перед ним. Вдруг жуткую какофонию из остервенелого рыка зверя и хрипа бьющегося в схватке человека нарушила очередь из шести выстрелов. Котков разрядил всю обойму оружия в волколака. И только на последнем выстреле зверь взвизгнул и обмяк, ослабляя хватку челюстей. Из-под здоровенной чёрной туши торчали руки и ноги комиссара.

Филимон бухнулся коленями в свежий снег. Он смотрел на зверя, а зверь смотрел на него. Пасть его была приоткрыта, жёлтые зубы багровели кровью. От морды волколака скользнул еле заметный парок и тут же растворился в сверкающем морозном воздухе. Филимону показалось, что всё вокруг задёргалось, как в мареве жаркого июльского полдня, и над ним заплясали волчьи лапы и уши, а где-то послышались еле слышный скулёж и скрежет когтей, такой тихий, что он не мог разобрать, откуда же доносится вынимающий душу звук. Филимон обернулся к жертвеннику, но ничего там не увидел. Забрёл ли зверь случайно или пришел спасти его? Отплатить долг и освободиться? Сердце Филимона неприятно сжалось, руки затряслись, голова свесилась на грудь. Но он не чувствовал боль или сожаление, он ощущал оглушающую пустоту.

— Митрий Макарыч! — Голос Коткова заставил Филимона снова повернуть голову в сторону волколака. Щуплый сержантик подскочил к трупам и принялся сталкивать с тела комиссара мохнатую чёрную тушу. — Да как же так, товарищ... — шептал Алёшка. — Как же так?..

77

Котков перевёл взгляд на зверя, а затем на Филимона. Губы сержанта плотно сжались, ноздри раздулись. В свете луны его маленькая коротко стриженная голова светилась, словно у святого. В глазах стояли слёзы.

— Твоё колдовское создание? — рыкнул Котков Филимону.

— Не моё, сержант, — ответил ему Филимон, не поднимая головы.

— Эта тварь убила комиссара! — закричал Котков, но голос его сорвался.

— Пока что убийца здесь один. — Филимон наконец поднял глаза на сержантика и впился в него тяжёлым взглядом. — И это ты!

— Что? — ошалел Котков. — Да я тебя!

Алёшка кинулся к старику.

— Отставить, сержант! — услышал Котков знакомый бас и обернулся.

Комиссар мощными движениями высвобождался из-под оккупации мёртвого монстра.левой рукой он держался за рану.

— Помоги, Лексей! — Рябов скривился, усаживаясь на снег. — Надо перевязать. Найди какое-нибудь тряпьё, — Комиссар кивнул в сторону дома знахаря.

Котков, улыбаясь, как дурачок, вскочил на ноги и, запинаясь, полетел в избу.

— Что же ты, колдун чёртов, на честных людей отродье своё колдовское напускаешь?

— Толку нет напускать на того, кто скоро и так умрёт. Зверь и сам чует злой дух.

— Ох, сатрап старый, договоришься! — прошипел комиссар, стискивая зубы от боли. — Котков!

В избе слышался грохот мебели, звон посуды и матюги сержанта.

78

— А мальчика не чести ты учишь, а малодушию. Вот где грех-то, комиссар! А не отмолишься, так воздастся.

— Не тебе меня праведности учить, знахарь! — плюнул Рябов, переложил в левую руку наган, молниеносно поднял ствол и выстрелил.

Острая боль пронзила грудь Филимона. Старик вскинул руку и повалился на бок. Голова его больно ударилась о примятый снег. В горле словно что-то оторвалось и стало расплываться по всему телу. Он ухватил взглядом глаза волколака, голова которого лежала напротив него. Глаза зверя были открыты, и они смотрели прямо на него, будто живые, утягивая внутрь себя ещё не угасший до конца дух Филимона.

«Так вот они к чему, мухи-то, — успел подумать Филимон, — все мы сцеплены тем, что под одним Богом ходим. И у каждого своя дорожка наверх. Кто умрёт от пули, не умрёт от зверя. Всем нам изводиться поиском правды, да не каждому находить... А умирать в маяте — это ж место маятным делать. Господи Иисусе, Сын Божий, помилуй мя грешного. Господи Иисусе, Сын Божий, на тебя уповаю...»

Филимон закрыл глаза. Колкие снежинки перестали плавиться под его щекой.

* * *

Белёная облачная пелена снова напозла на месяц. Опять пошёл снег. То тут, то там, к пылающим щекам Алёшки прилипали снежные хлопья и тут же таяли, образуя на лице сержанта неприятную мокроту.

— Лучину взял?

— Так точно, товарищ комиссар.

— Спички?

— Есть.

— Если поторопимся, успеем до того, как метель совсем разойдётся, — Комиссар Рябов остановился, давая Коткову выдохнуть. Он понимал, что худосочному сержанту тяжело тащить его, раненого, поддерживая под плечо.

— Митрий Макарыч! — Котков снова шагнул вперёд, аккуратно подтягивая здорового комиссара за собой.

Рябов не ответил, но Алёшка услышал, как скрипнули его зубы, стиснутые от боли.

— Митрий Макарыч, ну может, вернёмся, а? Ну чего в ночь, да ещё и через лес идти в деревню? С утра бы выдвинулись...

— Оставить бунт, сержант! — прошипел комиссар. — Утром нагрянут на избу знахаря белые, а там труп простого мужика и какого-то бесового отродья. Не расстреляют на месте, так под трибунал. Пусть сами разбираются, что за дед и кого он в своей избе прикормил. Не наше это дело.

— В лесу волчье, — Котков снова остановился, давая Рябову отдохнуть. Среди деревьев как будто бы мелькнула чёрная тень. Котков помотал головой, словно стряхивая с себя морок. — До деревни далеко. Надо пройти вдоль всей кручи и ещё по лесу сколько! Опасно, товарищ комиссар.

— Опасно сейчас здесь стоять и трындеть! — Рябов попытался ответить как можно строже, но у него не получилось.

— А может, в той деревне и фельдшера-то нет?

— Зато там есть бабьё и самогон, а это все хвори лечит, дурья твоя башка! Пошли уже, хотя нет, стой, Лёшка!

Рябов замер на месте. Казалось, он смотрел куда-то в пустоту. Рыжая борода его снова зашевелилась, будто он что-то неслышно зашептал себе под нос.

— Возьми-ка, сержант! — деловито проговорил комиссар. Он убрал руку с шеи Коткова и достал из кобуры свой наган. — В моём ещё остались пули. Держи!

— Товарищ комиссар...

— Держи, я сказал! — захрипел Рябов. — Только ты у нас остался дюжий.

— Но Митрий Макарыч!

— Сержант Котков, приказываю доставить командира в госпиталь.

— Так точно, товарищ комиссар! — Алёшка взял оружие и снова подхватил командира. Они двинулись дальше.

80

Снег повалил сплошной стеной. Деревьев практически не было видно. Сержант с комиссаром натыкались на колючие ветки, делали отступление, шаг в право или влево, и снова шли вперед. Сапоги тонули в рыхлом снегу. Дорогу до деревни было уже не разобрать.

Больше всего на свете Алёшка хотел доставить комиссара к врачу, хотел, чтобы Рябов выжил. Он много раз вытаскивал Алёшку за шкуру из лап смерти на поле боя. Ему же за два года войны с колчаковцами даже не пришлось никого убить. Ни единого врага. Единственным мёртвым на его счету был зверь, которого он пристрелил у дома знахаря. Алёшка пытался отыскать хоть какое-то чувство в душе по этому поводу. Хотя бы гордость за то, что он наконец спас своего командира, но не чувствовал ничего, кроме усталости и ноющей боли в плече.

Среди деревьев снова мелькнула какая-то тень. Потом ещё одна, и ещё. Вдалеке послышался протяжный хищный вой.

— Алёшка, свет! — услышал Котков рядом. Болтающаяся всё это время, как у куклы, голова комиссара Рябова вскинулась. Его безумные глаза таращились куда-то между стволами осин.

Сквозь расступившуюся снежную стену Котков наконец увидел круглую крышу, а дальше два тёмных, словно глазницы черепа, оконца избы знахаря. Чтобы не закричать от ужаса, он стиснул зубы, отчего изо рта его вырвалось лишь сдавленное мычание.

— Котков, дошли? — голос комиссара совсем ослаб, а тело, напротив, стало невыносимо тяжёлым. Алёшка устало прикрыл глаза. Он не мог сказать Рябову, что всё это время они кружили по лесу и вновь оказались у избы знахаря. Сейчас они стояли посреди той дороги, по которой деревенские приезжали к дому Фильки.

— Дошли, Митрий Макарыч! — прорычал Котков и резким рывком подкинул вверх Рябова, чтобы он окончательно не сполз с его плеча. — Дошли, миленький!

Среди деревьев замелькали чёрные тени. Как будто кто-то шнырял туда-сюда. Котков никак не мог уловить ни одно существо взглядом. В уши стал заливаться приглушённый рык, повизгивание, скрежетание когтей, клацанье челюстей.

— Митрий Макарыч... — Котков дернулся влево, потом вправо, ему показалось, кто-то пробежал совсем рядом. И вот, снова. И снова.

— Зажги лучину, Лексей! — сказал Рябов. Его хватка на шее Коткова ослабла. Комиссар осел на землю.

Алёшка чиркнул спичкой: они с комиссаром были в самой середине шевелящегося звериного кольца.

Волки всех возрастов и мастей скалились и рычали. Они подходили всё ближе и ближе. Одна серая тварь с куцым хвостом кинулась к сидящему на дороге комиссару. Котков пальнул, волк взвизгнул и, поджав хвост, убежал обратно, смешиваясь с сородичами.

Раздался знакомый мощный рык. Звери немного расступились.

Котков и Рябов одновременно подняли головы. Прямо перед ними стоял волколак. Был ли он тем же самым, которого они встретили у знахаря, или другим, но с виду точно таким же, понять было сложно, да и неважно уже. Уголки скалившейся пасти подрагивали. Остальные волки прижимали уши, крутились возле исполинской твари и поскуливали, словно не решались кинуться на жертв без разрешения вожака.

— Хочешь ещё пулю получить? — закричал Алёшка срывающимся голосом, тыча в волколака наганом. Рука его тряслась.

— Не трать патроны, Котков! — прохрипел Рябов. — Всё кончено. Меня он возьмёт первым. Тебя потом. Успей выстрелить в голову.

— Митрий Макарыч, миленький... — губы Алёшки дрожали.

Справа снова мелькнула какая-то тень. Котков перевёл взгляд: тень, похожая на старика Филимона, скользнула мимо ворот. Алёшка заметил, что они были не заперты и находились всего в паре шагов от него: он успеет отстреляться, добежать и спрятаться. Но комиссар... Оставить его здесь, как жертву? Чтобы его глодали заживо? Отрывали от него кусками мясо? Да как же потом жить с таким грехом?!

Котков часто заморгал, чтобы избавиться от мокрой пелены, заставшей глаза.

— Давай, тварина, иди ко мне! — заорал он волколаку.

— С Богом, товарищ сержант... — ответил Рябов, с трудом выдавливая изо рта каждое слово.

«Успеть выстрелить в голову, — как молитву повторял про себя Котков, когда зверь медленно подходил к ним. — Успеть выстрелить в голову...»

— А-а-а! — зарычал сидевший на снегу комиссар. — Не сдамся тебе, бесово отродье!

Он попытался встать, но упал на четвереньки, заваливаясь на правую, раненую сторону. Фуражка слетела с его головы, обнажая вздыбленные редкие волосёнки. Зверь уже подошёл к комиссару почти вплотную. Пронзительный рык оглушил всё вокруг.

— Не сдамся... — повторил Рябов, поднял голову и протянул вперёд раскрытую ладонь, словно заслоняясь от мучительной смерти и одновременно взывая к Господу.

Зверь приготовился для финального прыжка и тут же взмыл вверх.

«Успеть выстрелить в голову».

Раздался выстрел. Волки взвизгнули.

Котков упал на колени рядом с Рябовым. Комиссар лежал на снегу, голова его была неестественно вывернута, из круглой дырки во лбу ползла вниз чёрная тонкая струйка.

— Прости, комиссар! — прошептал Котков. — Теперь не будет больно.

Алёшка уронил голову на колени и закрыл глаза. Молиться он не умел, но знал, что ему осталось совсем не долго. Рядом раздавалось чавканье вперемежку с сопением и хруст перемалываемых, словно в жерновах, костей комиссара.

«Не мог я иначе, Митрий Макарыч, не мог! Отдать тебя живым этим тварям на растерзание? Пришлось грех на душу взять. Да не сердчай на меня! Совсем скоро свидимся. Совсем скоро. И не придётся мне жить грехом, каждый день по кусочку душу теряя. Прямо сейчас-то за грех и расплачусь перед Богом. Жизнь свою за грех волкам отдам».

В нос Алёшке пробрался едкий волчий дух. Рядом с ухом раздался утробный рык. Казалось, он проникает под кожу, в самое нутро.

— Коли время моё пришло, принимаю то, — прошептал губами Котков и сильнее зажмурился.

Клацнули челюсти, но тут же всё стихло. Через какое-то время, опомнившись, Алёшка поднял голову и открыл глаза: вокруг никого не было, ни зверья, ни трупа комиссара, ни даже кровавого места расправы. Метель закончилась. Среди укрытых снегом голых осинок и высоченных тёмных сосен виднелся домик знахаря Филимона. Ворота так же были приоткрыты. В крохотных оконцах избушки маняще теплился свет.

— Не дрейфь, сержант! — Алёшка вдруг услышал знакомый бас. Он обернулся: комиссар Рябов выходил к нему из-за деревьев. Рослый бородатый офицер шёл, пошатываясь и держась за раненую руку. На голове его парадно возвышалась фуражка. Откуда-то с озера донёсся далёкий волчий вой. Рябов глухо, но довольно бодро кинул Коткову:

— Вставай давай, лучше бы и правда поторопиться. Волки могут достать, чего не хотелось бы.

— Но Митрий Макарыч, а как же... — Котков смотрел на комиссара вытаращенными глазами.

— Что как же? Я тебя должен был с собой отлить взять?

Котков пожал плечами. Губы сами собой расплзлись в широкой смущённой улыбке.

— Оставил тебя здесь подождать. Достал ты со своим бубнежом про

волков. Тьфу, накликаешь ведь! — Рябов сплюнул.

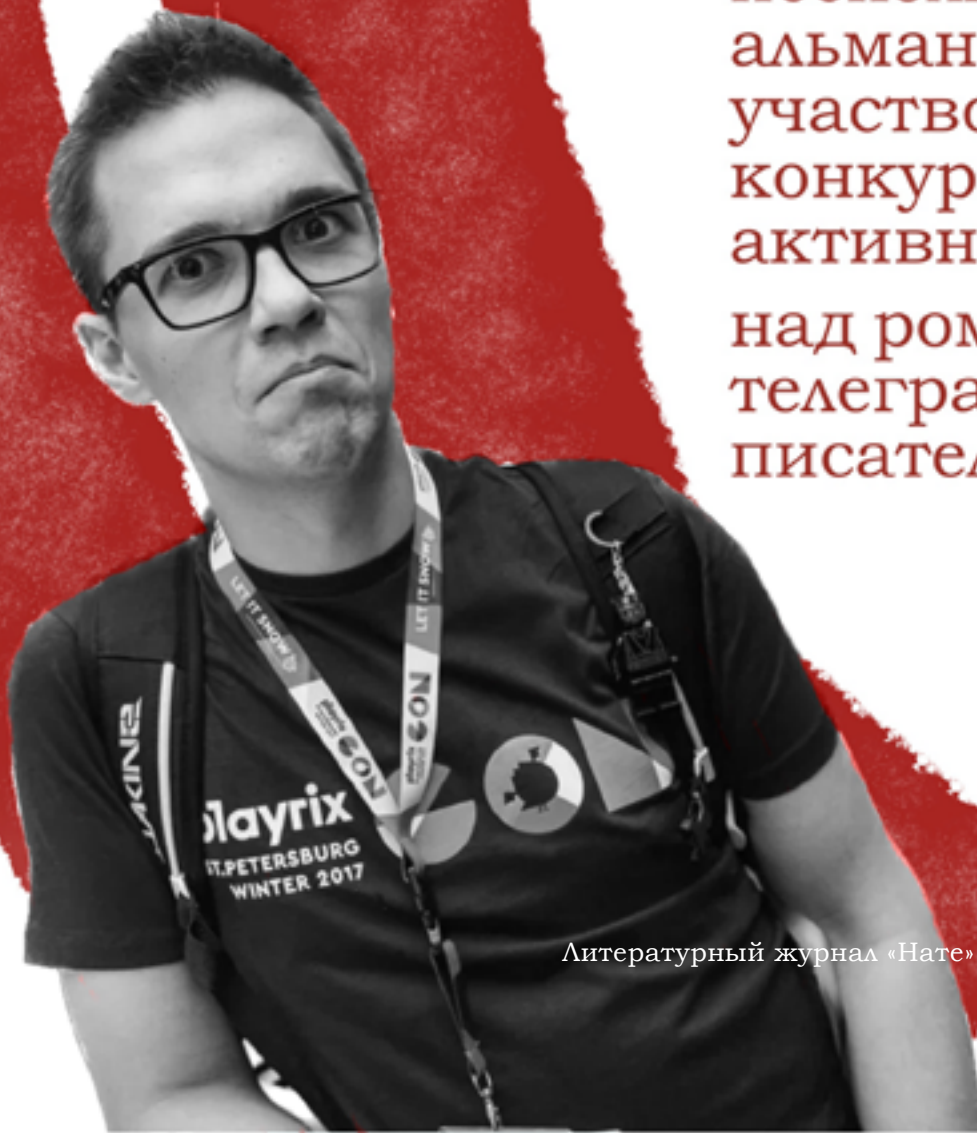
— Готов выдвигаться, товарищ комиссар! — Котков подскочил к командиру и подхватил его под плечо. Кирзовые сапоги захрустели по свежему снегу. Жёлтый рог луны плыл между деревьев, еле поспевая за ними. Котков и Рябов миновали Филькину кручу и вошли в урман, через пару километров их ждала деревня.

Комиссар был на редкость молчаливым, но его рука обхватывала Алёшкину шею крепко и уверенно, словно Рябов помогал ему тащить самого себя. Коткову вдруг показалось, что всё теперь будет хорошо, и он непременно выполнит свою задачу и доставит командира к врачу. От этой мысли Алёшке стало так тепло и радостно, что в легкие сам собой набрался глубокий вдох. Котков с шумом выдохнул. Но где же облачко морозного пара? Сердце Алёшки подскочило, разорвавшись от ужаса. Он сделал ещё несколько выдохов ртом, но пара от дыхания так и не было. В испуге Алёшка глянул на комиссара: из-под фуражки Рябова, рядом с белёсым месяцем шрама, виднелась тонкая чёрная струйка.

Юрий Никифоров

Родился и вырос в
НОВОСИБИРСКЕ .
Сейчас, в 34 года,
живёт в г. Лимассол
на Кипре. Работает
маркетологом в
компании
мобильных игр,
писать начал в
ИНСТИТУТЕ . Рассказы
публиковались в
нескольких
альманахах и
участвовали в
конкурсах. Сейчас
активно работает
над романом и ведёт
телеграм-канал о
писательстве.

ЧЕЛОВЕЧЕК, КОТОРОГО СДЕЛАЛ Я САМ

(рассказ)

В нашей двухкомнатной квартире на улице Кирова пол застелен большими пёстрыми коврами. На стенах также висят ковры. Их постоянно обрабатываемые специальной пахучей химией и мощным пылесосом узоры завораживают: я часами могу сидеть и не отрываясь созерцать замысловатость форм. Для моих небогатых родителей это очень удобно, потому что можно существенно экономить на игрушках. Ещё люблю уткнуться носом в мягкий ворс, глубоко дышать и ласково водить ладонями. Мне четыре года и, таким образом, я расту очень спокойным ребёнком, любящим ковры.

Время от времени родители всё же балуют меня. Например, около недели назад они купили для меня пластилин. Мама спросила у папы:

— Помнишь Светку Красильникову?

А папа ответил:

— Нет.

— Ну, с параллельного потока девчонка, она ещё забеременела на третьем курсе, — сказала мама.

— Не помню, — сказал папа.

— Короче, у них сын объелся пластилина и ему потом кишечник три дня промывали, представляешь? Всё залипло. Думали, не откачают.

Я посмотрел на мягкие манящие рельефные брусочки в засаленной картонной коробке и представил, как они плавно проскакивают мне в рот, один за одним — оранжевый, коричневый, зелёный... а потом в желудок, а потом обволакивают кишечник. Потом я представил, что аккуратно вскрывший мне живот врач держит метры моих кишок в руках и выдавливает из них пластилин, как я, бывает, выдавливаю последние остатки зубной пасты из тюбика.

С тех пор я полюбил ещё и пластилин и теперь расту очень спокойным ребёнком, любящим ковры и пластилин. Мне нравится ощущать, как он, тёплый и липкий, касается кожи между моими пальцами. Мне нравится впиваться в пластилин ногтями и потом смотреть на смешные разноцветные ободки на их кончиках. Я не пробую пластилин на вкус, потому что боюсь в нём разочароваться. Вместо этого я раскатываю идеальные шарики, пускаю их по полу и наблюдаю, как на них налипают ворсинки. Иногда я кидаю их в стену, и тогда они издают приятный звонкий звук и, если пластилин достаточно нагрет, остаются висеть там, на обоях. Я подхожу и открепляю шарики от стены, и на обоях остаются маленькие жирные пятнышки, о которых в этом доме знаю только я. Мои маленькие секретные пятнышки.

Поначалу я не смешивал цветов, но в скором времени начал

экспериментировать и теперь добился интересных мраморных оттенков. А некоторые шарики стали похожи на планеты. Я размазал один из них по ковру, втёр его весь, и в ту ночь меня били. Я не обижаюсь.

Однако, сделав вид, что усвоил урок, я стал играть с пластилином бережнее: я не могу рисковать, не могу допустить, чтобы его у меня отняли. Теперь я леплю фигурки. Сначала это были несложные животные, вроде змей и червей. Потом я начал делать уток, как было нарисовано на коробке. Мне нравятся утки, но всегда хочется чего-то большего. И тогда я создаю человечка. К тому времени, как я начал его лепить, осталось уже мало чистых цветов — мой пластилин в основном представлял из себя почти однородную бурую массу. Ничего: бывают, наверное, и такие люди. Возможно, после страшных побоев или после перенесённых заболеваний их кожа становится бурой. А может быть, это врождённый порок.

Я слепил человечка за три часа и тут же принялся играть с ним. У меня есть машинка, одна пластмассовая игрушечная машинка с открытым верхом, и (о счастье!) человечек по размеру идеально подходит на роль водителя. После каждой поездки он оставляет на жёлтых пластмассовых креслах частичку себя. Иногда я заигрываюсь до поздней ночи, просто сижу и играю, даже после того, как заканчиваются мои любимые телевизионные передачи. Я сижу на полу, в окружении пёстрых ковров, в уютном свете люстры из пяти лампочек. Я играю с человечком: он у меня может делать разные штуки. Иногда у него отваливаются конечности — но это не беда, это не проблема вовсе, потому что я могу с лёгкостью приделать их обратно, и он даже ничего не заметит. Я не знаю, где сейчас мои родители, я никогда за ними не следил. Возможно, они в гостях, а может быть — в соседней комнате, вместе, в постели — мне всё равно, потому что мне есть чем заняться.

Бывает, что я засыпаю за своей спокойной игрой, прямо при свете люстры, на полу, и тогда мне снятся яркие сны. Вот я сижу в окружении друзей, а перед нами — различные игрушки: в основном, конечно же, машинки. Мне, например, достался потрясающий металлический грузовик. Прекрасно осознавая, что всё это — лишь сон, я предлагаю своим друзьям взять игрушки в руки и крепче зажмуриться: так я рассчитываю проснуться с грузовиком в руках, взять его с собой из сна. И я действительно просыпаюсь, но грузовика в моих руках нет. Передо мной всё та же пластмассовая машинка, только вот человечек при этом куда-то делся. Более того, я не могу пошевелиться, и свет уже не такой уютный: он красноват и неприятно давит на глаза. Странное чувство. Я не понимаю, как так выходит, но из машинки понемногу, миллиметр за миллиметром, вылезает некая объёмная сущность. Поначалу это похоже на большой нарыв, но через какое-то время я чётко могу различить палец: странного цвета и без ногтя. За первым пальцем прорезается второй, третий — и вот передо мной уже полноценная рука, и она всё лезет и лезет дальше (как она только уместилась в игрушечной машинке?), медленно, но с пугающим упорством, роняя струпы на ковёр, тянется к моему горлу, из которого, в свою очередь, пытается и не может вылететь сдавленный крик. В моё раздираемое страхом безысходности сознание чудом прокрадывается спасительная мысль: «Нет, похоже, я не проснулся в тот раз, похоже, мне придётся вновь крепко зажмуриться!» И я делаю это, и оказываюсь в своей

кровати, лежащим на боку и смотрящим в окно на бледную круглую луну. Наверное, родители отнесли меня сюда, спящего. Теперь всё позади.

* * *

Утром я иду на кухню, где мама готовит мне кашу. Я не очень люблю каши, и поэтому ей приходится вареньем выкладывать для меня разные фигуры на тарелке. Она берёт чайную ложечку и капает сладкой красной массой на тёплую поверхность манки, уже успевшей покрыться тоненькой плёнкой. Таким образом, получается множество небольших пятен по периметру и несколько пятен побольше ближе к центру.

— Это клумба, — говорит мама.

Я не спорю. Пока я ем клумбу, цветок за цветком, мама уходит в спальню и говорит там по телефону. За окном солнце освещает морозную, окутанную паром от колодцев и открытых подвалов улицу. Машин нет. Я не слежу за временем: мне это не нужно, но почему-то у меня ощущение, что сегодня выходной, возможно, суббота. К тому времени, как мама, наговорившись, возвращается из спальни, каша уже почти закончена: остается всего пара окончательно остывших цветков. Я проглатываю их.

— Посидишь сегодня немножко один, хорошо? — говорит мама. — Сбегаю к тётке Ире — мне нужно у неё забрать кое-что — и вернусь. Я поставила тебе кассету с «Мышонком-Сыщиком». И можешь поиграть, ладно? Я скоро вернусь.

88

Хлопает дверь. Я слышу, как один за другим снаружи закрываются замки. Мне нравится смотреть, когда дверь закрывают снаружи: я представляю, как будто бы это запирается и остаётся со мной наедине невидимка.

В комнате работает телевизор, он действительно показывает «Мышонка-Сыщика». Несмотря на то, что я видел этот мультфильм множество раз, мне он по-прежнему очень нравится. Возможно, когда-нибудь во взрослом возрасте я посмотрю его снова и разочаруюсь из-за простоты сюжета или качества анимации, но сейчас я в восторге.

Я досматриваю мультфильм примерно до середины и понимаю, что забыл про своего человечка. Мне становится не по себе: возможно, он бы тоже хотел посмотреть этот замечательный мультфильм, а я не взял его с собой. И я иду искать его там, где в последний раз оставил: в пластмассовой машинке за диваном. Шторы в комнате раздвинуты, яркий свет пробивается сюда и отбрасывает густую тень на то место, где должна стоять моя машинка: я не вижу её. Нужно нагнуться и попробовать нащупать её рукой, но почему-то мне страшно. Что-то давит мне на уши, и хочется пить, поэтому я решаю сначала сходить на кухню и налить себе стакан воды, а потом продолжить поиски. Но на кухню мне тоже страшно идти, потому что сейчас в квартире я один и некому помочь мне в случае чего, у меня нет союзников в лице родителей. Тихо работает телевизор, и я решаю, что моим единственным другом сейчас будет его звук, пусть он сопровождает меня, пока я иду на кухню. Мне приходится очень аккуратно

ступать по полу, чтобы не нашуметь: нельзя, чтобы мои шаги заглушили звук «Мышонка-сыщика», иначе всё пропало.

Шаг за шагом.

Медленно и аккуратно, чтобы не нашуметь.

Уже начинает виднеться кухонный гарнитур, но вдруг я слышу, как что-то зашевелилось позади в комнате с телевизором, и останавливаюсь. Что это? А может, мне просто показалось? Нужно ещё немного постоять, послушать телевизор и успокоиться. Так я и поступаю. Теперь ещё несколько шагов — ещё тише и аккуратнее — и я уже почти на кухне: по правде говоря, я стою в дверном проёме и глазами ищу графин с водой. Всё очень просто, вот же он: стоит на столе, нужно лишь подойти и взять. Я прокрадываюсь к столу, протягиваю руку и осознаю, что телевизор умолк.

Сердце моё болезненно подпрыгивает. Страшно настолько, что я боюсь пошевелиться, даже глаза мои всё так же неотрывно смотрят на графин. Стекло графина отражает моё лицо и то, что находится за ним: какой-то еле заметный контур странного цвета. Я прищуриваюсь: не может быть! Оглушительно зазвенели столовые приборы. Перед тем, как происходит ужасное, я успеваю немного повернуть голову и боковым зрением увидеть моего пластилинового человечка, схватившего самый большой нож для мяса.

Очень больно, но боль продолжается недолго.

Теперь я вижу себя со стороны. Маленький мальчик с широко открытыми от удивления мёртвыми глазами и воткнутой по рукоятку между лопаток ножом. Узорчатый липкий линолеум залит кровью. Немного в стороне стоит и сокрушается моя мать: слёзы бесконечными ручьями льются из её глаз. Отец ещё не пришёл. Возможно, он даже ещё ничего не знает.

— Что же теперь делать? — спрашивает мать.

— Не знаю, — отвечаю я и осознаю, что у меня есть голос.

Вообще, похоже, что я стою здесь, на кухне, над своим трупом и смотрю на свою плачущую мать. И у меня большая шляпа и плащ.

Я — частный детектив.

И я знаю, кто меня убил: пластилиновый человечек. Не решаясь сказать это своей матери, я кладу руку ей на плечо и говорю:

— Я найду убийцу вашего сына.

Мне нельзя раскрывать ей все карты. Не сейчас. Это может её ещё больше травмировать. Наверное, мне необходимо найти пластилинового человечка и, скорее всего, уничтожить его. Но поможет ли это оживить меня? И откуда взялся этот частный детектив, то есть теперешний я? Это

тоже предстоит выяснить.

А пока мы с мамой вынимаем нож из спины прежнего меня и кладём моё прежнее тело в ванну со льдом. Так я рассчитываю сохранить тело достаточное время, чтобы оно не сгнило и чтобы можно было в него вернуться. Что будет с детективом, когда я вернусь в своё тело? Об этом я пока не думаю.

Я возвращаюсь на кухню, достаю с верхней полки шкафа мешок с мукой и сыплю на пол. Теперь на полу отчётливо видны маленькие пластилиновые следы. Их очень много, и они витиевато петляют по всей кухне: и около посуды, и около ведра с мусором. Я зачерпываю муку стаканом и сыплю её в коридоре: следы ведут в комнату с телевизором, и всю оставшуюся муку я рассыпаю там, на ковре. Из всего следует, что человечек выбрался из той самой пластмассовой машинки за диваном. Но куда же он делся теперь? Я открываю картонную коробку из-под набора с пластилином: там его, конечно же, нет.

— Есть ещё мука? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает мать. — Но есть сахарная пудра.

— Сгодится, — говорю я.

Я посыпаю сахарной пудрой всю оставшуюся площадь квартиры, что помогает мне увидеть, как следы уходят на стены. Ну конечно! Как я сразу не учёл, что пластилин может липнуть к стенам? Именно следы на обоях помогают мне понять, что человечек сбежал на балкон, и я сыплю сахарную пудру там тоже.

— Мы живём... — я осекаюсь, — то есть, Вы живёте на последнем этаже?

— Да, — отвечает мать. — Неужели вы не обратили на это внимание, когда заходили в дом?

Я ничего не отвечаю. Ребёнком я никогда не задумывался, на каком этаже мы живём.

— Следы ведут к люку в потолке, — говорю я. — У Вас есть ключи?

— Да, — отвечает мать и отдаёт мне их.

Человечек долго на крыше не протянет, и я это понимаю. Морозная зима должна будет сковать его пластилиновые руки и ноги: так-то я его и возьму. Чтобы пробраться через люк, мне приходится снять свою большую шляпу: она не пролазит.

На крыше ветрено, но вид открывается неплохой: вон вдали искрится в лучах солнца подёрнутая льдом речка, а в другой стороне — парк, там есть горки и колесо обозрения, обездвиженное, покрытое снегом, а ещё кругом красивые чёрно-белые голые деревья. Но всё это сейчас не должно меня

интересовать: сейчас я должен найти человечка, которого сделал я сам. К сожалению, пока что я вижу лишь телевизионные антенны да различный припорошенный снегом хлам. Следов почему-то нет.

— Я знаю, ты здесь, — говорю я вслух, достаточно громко, чтобы мой голос пробрался во все закоулки.

Но ответа нет. Видимо, он не так уж и глуп для пластилинового человечка. Ногой я начинаю сметать снег с крыши. Влево-вправо, вперед-назад. Пока ничего: лишь окурки, резе — бутылки, ещё иногда встречаются непонятные мне вещи, про которые я предпочитаю не думать. Я всё сметаю и сметаю снег ногой, но при этом мне кажется, что его не становится меньше. Вроде бы расчистил пятачок, и тут же его засыпало, пока водил ботинком поблизости. Неужели это будет продолжаться бесконечно? Но нет: внезапно я ощущаю под подошвой что-то твёрдое, необычной формы и наклоняюсь, чтобы разглядеть поближе. Моей радости нет предела: я нашёл его! Вот он: в странной позе, со странной гримасой (точнее, гримаской) на маленьком лице. Его конечности, как я и предполагал, недвижимы от холода. Я протягиваю руку и пытаюсь схватить его, но гладкий холодный пластилин выскальзывает, и человечек оказывается на краю карниза. Сейчас я должен быть очень осторожен и не смахнуть его вниз. Лишь сделав несколько шагов по карнизу, я слышу этот негромкий треск: очевидно, конструкция на мой вес не рассчитана. Ещё миг — и мы летим вниз, а я закрываю глаза, готовясь принять смерть. Ещё раз.

* * *

91

Теперь я в подвале, и надо мной, помимо тусклой лампочки, — зияющая дыра в потолке. Видимо, я не умер, а просто провалился сюда. Что очень важно — я всё ещё осознаю себя детективом. Быстро озираюсь вокруг в поисках человечка и почти сразу нахожу его на полу: он начинает оттаивать и начинает потихоньку шевелить своими пластилиновыми ножками, явно намереваясь убежать. Я не могу этого допустить и наконец-то хватаю его в руки.

— Говори, — трясую я его изо всех сил, — зачем ты убил меня?

Человечек лишь издаёт какие-то скрипящие противные звуки и быстро вращает своими выпученными пластилиновыми глазками.

— А ну говори, — не унимаюсь я, — Кто я такой теперь?

И снова эти противные звуки: видимо, так я ничего не добьюсь. И я отрываю ему голову, а тело скатываю в шарик. Человечек верещит, очень громко.

— Говори, что мне сделать, чтобы всё вернулось на свои места? — надрываюсь я.

Но он всё верещит и верещит. Я смотрю на него в отчаянии, не зная, что делать дальше. Ничего не приходит мне в голову. В моих руках

— дрожащий и кричащий в агонии бурый пластилин. Странно, но он всё равно остается для меня таким манящим, как и в тот первый раз, когда я его увидел, ещё будучи ребенком.

И тогда я понимаю, что нужно сделать.

* * *

Мы с родителями сидим за столом на кухне. Мама хлопчет у плиты, папа читает газету, радио около холодильника нащёптывает новости, утренний свет струится из окна. Мне тепло и хорошо.

— Хм, — говорит папа, — В доме двадцать три по улице Кирова (ба! да это же у нас!) недавно было найдено тело мужчины. По предварительным результатам медицинской экспертизы, неизвестный поперхнулся большим куском пластилина... Можешь себе представить, дорогая?

— Что? — спрашивает мама, — я не слышу: у меня вода шумит.

Папа, уткнувшись в газету, молчит. Так проходит несколько минут, а потом вскипает со свистом чайник. Я сижу и жду, когда мне дадут поесть.

— Ничего, — говорит папа.

Мама ставит передо мной тарелку с кашей и открывает варенье. Вскоре появляются два пятна и полоска.

— Это лицо, — говорит мама.

Я не спорю. Просто пытаюсь взять ложку, но она выскакивает у меня из руки. Тогда я решаю посмотреть на свою кисть и не вижу на ней мизинца. Его просто нет.

— Где мой палец? — спрашиваю я.

Папа, выглянув из-за газеты, отвечает мне:

— Ты что, не помнишь? Тебе пришлось его отрезать после того, как ты его отморозил.

Я встаю из-за стола и иду на балкон: мне нужно кое-что проверить. С трудом дотягиваюсь до верхнего засова и в нетерпении открываю дверь, осматриваюсь и — о да! — вижу её, большую шляпу: она лежит под лестницей, ведущей на крышу. Я не решаюсь спросить, откуда она взялась.

* * *

Пройдут годы, и многое в моей голове перемешается. Например, я не всегда смогу отличить воспоминание от сна. И, пожалуй, уже не смогу так умело сделать человечка из пластилина.

Без мизинца-то.

Родился в **Тбилиси** в 1967 году, окончил факультет истории Тбилисского Университета, учился в США и Израиле.

Директор Международного Образовательного Центра в Тбилиси, член Международного Творческого Союза современных литераторов «**Парнас**» (Грузия). Автор книг «Личный дневник Оливии Уилсон» (АСТ) и «Всему своё время», историко-биографических романов «Гении тоже люди... Леонардо да Винчи» и «Легенда о Пиросмани» (РИПОЛ-Классик), сборника психологической прозы «Трамвай её желания» и др.

Публикуется в России, Грузии, Армении, Германии, Италии, Финляндии, Дании, Бельгии, Греции, США, Канаде и других **страках**.

Лауреат литературного журнала «Сура», премий им. Пушкина и Гоголя (Россия), Марка Твена (США), Генриха Бёлля, Де Ришелье, «Лучшая книга года» (Германия), победитель премии «ДИАС», обладатель «Золотого Пера Руси», лауреат Литературной премии имени Марка Алданова за 2022 год (США), финалист премий им. Э. Хемингуэя (Канада), «На Благо Мира-2019», «Данко», «Большой Финал», лонг-листер премии им. Ф. Искандера.

**Вардолодзе
Марика**

ТАМ, ЗА СЕМЬЮ ГОРАМИ

(повесть)

Во славу предков, на память потомкам...

Придерживая рукой тяжёлую дверь, на которой висела грозная вывеска, способная навести страх на самого отважного смельчака, Геворк переступил порог. Чьи-то пытливые глаза долго изучали его документы и повестку с требованием явиться в Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров Грузинской ССР. А потом, охваченный невыносимым напряжением, он медленно брёл по угрюмым коридорам, окрашенным казённой бледно-зелёной краской, пока не вошёл в нужный кабинет с обшитыми дубом стенами и наглухо зашторенными окнами. За большим столом, покрытым зелёным сукном, на фоне обрамлённого в раму портрета Железного Феликса сидел обыкновенный человек небольшого роста, в сером костюме и с тёмными кругами под глазами от хронического недосыпания. Он, наградив вошедшего косым и недоверчивым взглядом, предложил сесть и сухо произнёс:

— Итак, товарищ Хачатуров... Геворк Давидович... считаете ли вы себя советским человеком?

Геворк весь сжался и почему-то сразу почувствовал себя преступником, стал тщетно перебирать грехи за всю свою прошлую жизнь, которые хоть как-то могли попасть под юрисдикцию столь всемогущей организации, но ничего не вспомнил. И тут же заверил чекиста, что он, конечно, советский.

— Ну раз так, тогда рассказывайте, — деликатно ответил тот и, потеряв руки от удовольствия, уставился на Геворка.

— Что рассказывать? — осторожно спросил он, искренне недоумевая.

— Расскажите откровенно всё, что знаете.

— Я ничего не знаю.

— Ну как же так, уважаемый Геворк Давидович, — наигранно заулыбался хозяин кабинета. — Ну что-то же вы знаете!

— А что именно вас интересует?

— Нас интересует всё. И вам было бы лучше говорить правду...

— Прошу прощения, я вас не понимаю, — произнёс Геворк, мучимый дурными предчувствиями. — Чего вы от меня хотите?

— А какие у вас отношения с иностранцами?

— Какие иностранцы? Я вообще ни одного иностранца не знаю.

— А родственники за границей имеются? — злоехидно спросил чекист.

— Нет.

— Так-так... Получается, гражданин Хачатуров, вы скрываете от советской власти, что имеете близких родственников во Франции...

Геворк съёжился от ледяного холода зрачков.

— Ничего я не скрываю!

Всё происходящее казалось ему бредом. Но хозяину кабинета было не до шуток. Его вопросы звучали так чеканно, что казалось, будто он специально репетировал свою речь, а все вопросы и ответы на них знал заранее.

— И вы даже не знаете, кто такой Арман Парсеваль? — спросил чекист, настойчиво давая понять, что его жертва давно уже попала в искусно расставленные ловушки, что запирательства её бесполезны: сколько верёвочке ни виться — всё тайное станет явным.

— Понятия не имею, — ответил Геворк совершенно чистосердечно.

— Арман Парсеваль, он же — Арменак Петросян. Разве вам не знаком человек с таким именем?

От неожиданности Геворк вздрогнул, лицо его вытянулось, а рот приоткрылся. Арменак Петросян был родным братом его матери, Марьям Хачатуровой, урождённой Петросян.

Но он без вести пропал на фронтах Великой Отечественной.

— Хм... Стало быть, говорите, пропал без вести, — повторил чекист. — А кто знает, что там было на самом деле. Может, дядька ваш дезертировал с поля боя, добровольно бросив оружие, или стал предателем, изменником Родины, убив своего командира и перейдя на сторону врага? Вы уверены, что всё было не так?

— Мой дядя был честным и глубоко порядочным человеком. Это правда! — твёрдым голосом ответил Геворк. — Моя бедная мать, которая умерла прошлой осенью, до самого последнего дня своей жизни не теряла надежды разыскать единственного брата, наотрез отказывалась слушать тех, кто говорил ей, будто прошло уже достаточно времени, чтоб обо всём забыть... Но, понимаете, долгие годы поисков и запросов в архивы не дали результатов. Как легко потерять прошлое и как тяжело искать правду, говорила моя мать...

— Так вы думаете, он погиб?

— Судя по всему, он пал смертью храбрых, отдав свою жизнь за Родину. Нет только могилы, куда можно пойти, поставить свечку и вылить чарку вина...

Уполномоченный глянул на Геворка исподлобья, сунул руку в карман и, бросив взгляд на извлечённые оттуда часы, недоуменно почесал в затылке. Потом он спрятал папку в сейф и сообщил, что их беседа закончена.

Геворк вернулся домой с сильной головной болью. Приняв таблетку

анальгина, он лёг, но до самого рассвета так и не сомкнул глаз, беспокойно ворочаясь во тьме с боку на бок и прокручивая в голове события дня. Будоражающий душу поток рассуждений взял верх над усталостью. Он так и не понял, с какой целью чекист спрашивал у него о дяде. Противоречивые мысли, одна другой нелепей, лезли в голову, переплетались друг с другом в некие метаморфозы и визуальные образы, то растворялись, то появлялись вновь, не давая ни минуты покоя — и он не заметил, как внезапно очутился в тех закоулках памяти, где жили обрывки воспоминаний его матери о событиях давно минувших времён...

* * *

Зима в Тароне¹ выдалась самой суровой за последнюю тысячу лет. Навалило много снега, он занёс горные тропы, и жители долины оказались отрезанными от всего остального мира. Ясная морозная ночь так сковала землю, что она звенела под ногами. Птицы и дикие звери забились в норы и притаились, поедая свои скудные запасы в ожидании весны. Реки подёрнулись ледяным покровом, и лишь стоя возле них, можно было расслышать глухой голос текучих вод: он то журчал грустно и уныло, то вдруг умолкал понемногу, немел, застывал. Встревоженные люди каждое утро первым делом обращали свои взоры на окрестности: не тает ли снег, не темнеют ли луга? Но толстый слой снега лежал неподвижно, искрился под лучами холодного, негреющего солнца и упорно не хотел таять.

96

В такой лютой день, лишь только свет отделился от тьмы и восток зарделся гордой зарёй, люди просыпались, вставали, умывались, говорили друг другу «бари аравот»² и отправлялись каждый по своим делам. А старики, расчёсывая на ходу бороды, не спеша выходили из домов и, бормоча под нос «Хайр мер»³ и здороваясь друг с другом издали, тесной гурьбой подходили к церкви, чьи своды в течение столетий слышали пение ревностной паствы: здесь вершились богослужения, венчали новобрачных, крестили в купели детей, отпевали покойников... Люди приходили так рано, что и епископа ещё в храме не было; говорили звонарю, чтоб ударил в колокол, и звон колоколов плыл над городом и долиной, рассветный ветер подхватывал его и уносил далеко в горы. Старики же, отвесив несколько земных поклонов, начинали судачить о семейных делах и, как заведено, жаловаться на трудные времена — пока, наконец, не являлся священник. Зажигали свечи, лампы — где не было масла, пономарь подливал. Священник с дьячком служили, люди крестились, становились на колени, присаживались, а горбоносый пономарь со сросшимися у переносицы бровями и грустными глазами то подрезал свечной фитиль, то затеплял лампаду или же, потирая лысину и позёвывывая широко, сновал взад и вперёд по храму: заправлял кадило, хлопал по голове юродивого, чтоб смиренно стоял, не поднимал шума и не перебегал с места на место. Время от времени пономарь доставал из кармана табакерку, встряхивал, сначала нюхал сам, чихал, крестился или же проклинал дьявола, потом, в знак уважения, угощал кое-кого из знатных горожан, степенно отходил и снова важно, чинно возвращался на своё место.

Молодняка на службе не было. Иное нынче подрастающее племя!

Старших не уважают, не ценят ни веры святой, ни могущества церкви Божией, ни молитвы прилежной. Не соблюдают обычаи, коими всегда отличался их народ. Глядишь, скоро и вовсе позабудут, как креститься надо: к груди ли сперва приложить руку или ко лбу, справа налево или слева направо. Вот за то Господь, столько благ сотворивший, на людей и гневается, оттого и посылает им беспрестанные испытания. Вот и сейчас — звали старики юнцов кареглазых с собой в божий храм, а они слова мимо ушей пропускали и, ещё не совсем стряхнув с себя сон, шли в хлев задать сена скотине и коням, убрать под ними, а потом свести на водопой, почистить лошадей скребницей да привести с песнями обратно в конюшню. Милые девицы-незамужницы, расчесав себе волосы, рядились в полотняные сорочки, легко и проворно орошали невинные личика водицей, и вот уже одна пол дощатый в доме метёт, другая заснеженный двор убирает, а третья, положив на стройный стан кувшин с заткнутым горлышком, идёт за водой родниковой.

Тигран был единственным сыном уважаемой в Муше семьи Петросян. Отменный рост его, тёмные очи, высокое чело и буйные кудри всякого сводили с ума. Многие матери мечтали взять его в зятя и окружить заботой. Молодые девушки, услышав голос или одно даже имя его, готовы были душу ему отдать. Его одного видели во сне и просыпались, вздыхая от любви к нему.

Тигран знал от отца, что могущество его народа — в семье.

— Силён тот народ, — любил говаривать старый Мушег, — который имеет крепкие семьи, живущие мирно и в добродетели.

Да и мать всё твердила, что ему нужна жена, а ей — помощница, ведь немолода она уже:

— Матери не вечны, женись, цавт танем⁴. Я и невесту тебе присмотрела.

— И кто она, майрик-джан⁵? Красивая хоть?

— Пусть даже будет некрасивой, лишь бы хорошей женой была, чтоб родила и воспитала тебе честных и достойных детей.

Но сперва надобно было построить дом: старый совсем обветшал и потрескался. Сначала отец с сыном вырыли маран для вина и вмазали в пол глиняный очаг — тонир⁶, чтобы внутри дома тепло было, добротные стены гхатуна⁷ возвели из дикого камня, крепкими досками устлали полы двух комнат, выходящих окнами в ущелье. А за окнами разбили сад. Потом пристроили амбар с отделениями для зерна и муки, а также кухню, на стены которой повесили соструганные вручную полки с глиняной и медной посудой. Поставили крышу с дымоходом на деревянных столбах. А позже перед домом соорудили большую веранду, откуда, если сидеть за столом, была видна узкая змейка реки на дне ущелья.

Говорят, каждый получает от Господа по мере того добра, которое он сделал в жизни. Вот и жена досталась Тиграну чудесная и понятливая: Анаит

была стройной, как чинара, с белым лицом, густыми длинными волосами и большими глазами под тоненькими, словно нарисованными, бровями — редко когда в девушке так сочетаются красота и ум. Часто вспоминала она, как мать Тиграна, Србуи, упокой Господь её душу, верная заповедям предков, идущих от самого Айка Наапета⁸, в один из дней облачилась в длинный тараз и, обмотав талию шёлковым шарфом, пришла на её смотрины, предварительно посоветовавшись со своим родным братом.

— Иду я нынче смотреть не только на Анаит, чтоб узнать, чьих она кровей, но и на её мать. Сначала надо обязательно увидеть, какая у неё мать, — сказала Србуи сыну на пороге дома. Сказала и, чтобы обеспечить успех переговоров, повесила на столб своего дома большой деревянный шереп, которым разливала апур. А потом, взяв с собой сватов из числа близких родственников, явились они в дом к родителям Анаит со словами: «Мы пришли взять из вашего дома горсть золы, чтобы смешать её с золой нашего очага; пришли, чтобы от вашего светильника зажечь наш светильник; пришли, чтобы ваш камень заложить в нашу стену; чтобы зачерпнуть горсть воды из вашей реки в нашу реку». Ответом им было, что надо подумать, посоветоваться с роднёй. Поэтому Србуи пришлось пойти туда во второй раз, прихватив с собой бутылку абрикосовой водки, сочные яблоки с воткнутыми в них монетами, несколько крупных ярко-красных как вечерняя заря гранатов, янтарного кишмиша и конфет, и только тогда отец девушки объявил о своем согласии, молвив: «Не будем спорить. Платок пусть будет ваш. Пусть наша горлица летит в ваш сад». Проворная мать Анаит накрыла стол, и они скрепили слово, преломив хлеб и распив по стакану принесённой сватами водки. Дальше устроили ахчиктэс⁹. Перво-наперво попросила будущая скесур¹⁰ у Анаит стакан воды, во все глаза следя за манерами девушки. Вслед за этим наблюдала, умеет ли она вдевать нитку в иголку, и спрашивала что-то очень тихим голосом — слух у молодой проверяла. Оставшись довольной смотринами, она поцеловала щеку девушки и положила ей на ладонь золотую монету в знак одобрения.

Со временем устроили пышное обручение, угощали гостей мясом, вином и сухофруктами со сладкой гатой. Арсаник¹¹ справили осенью, когда были закончены полевые работы и закрома тантикин¹² Србуи были полны всяческого добра, а карасы¹³ пенились молодым вином. Чтобы не допустить похищения невесты турками или курдами, двадцать пять мужественных макаров сопровождали Тиграна и его близкую родню до дома Анаит.

С громкой музыкой, шумным весельем и танцами во дворе женщины из родни жениха преподнесли подносы с подарками невесте: в одном находился свадебный наряд, в другом подарки отцу и матери, а в третьем — напитки, фрукты и сладости. Вскоре эти подносы будут наполнены подарками и уйдут обратно матери жениха. Под печальные звуки зурны красочно одетые подружки невесты в присутствии каворкин¹¹ одевали Анаит в окаймлённый золотой тесьмой красный тараз с вышивкой и опоясывали серебряным поясом с узорами, а лицо её закрыли вуалью. Вот один из музыкантов, присев на табурет и подперев свой инструмент к левой ноге, взял смычок в правую руку, слегка прижал его к струнам и... меланхолично запела четырёхструнная кяманча, ритмично застучал дол, дружно вступили

звонкий саз, протяжная зурна и голосистый дудук, погрузив собравшихся в свои чарующие звуки. Группа мужчин и женщин танцевали кочари, то держась за руки и двигаясь по кругу сомкнутым рядом, то плавно всплещивая руки в небо. Когда женщины отошли, мужчины, образовав круг, пустились в шалахо. Родня жениха ликовала, ведь они заполучили такую прекрасную девушку! Другая сторона немного грустила, особенно мать невесты: она не танцевала, а печалилась, что её дитя, чистое и непорочное, улетает из отчего дома. Звучали мелодии, поднимались тосты за родителей, за кавора¹⁴, за молодых... Арснакуйр, незамужняя подруга невесты, не пила и не ела, в течение всей свадьбы она в оба глаза «охраняла» невесту, зорко следя, чтобы никакая злая женщина не вознамерилась вшить ей нитку в подол. И отпустила её от себя лишь один раз для исполнения узундара — танца невесты.словно лебедь по глади пруда, очаровывая гостей своей грацией и целомудрием, медленно, легко и плавно ходила Анаит по кругу, вытянув спину и стыдливо опустив мокрые глаза: когда играет узундара, ни одна невеста не может удержаться от слёз, видя грусть своих родителей. Потом она целовала руку отцу и матери, благодаря их за всё и навсегда прощаясь с родительским домом.

Анаит шла замуж по доброй воле. Тигран нравился ей, и не одну ночь провела она, вздыхая по нём, не раз вставал перед нею его мужественный образ. И всё же сегодня, когда пришло время проститься с девичеством и стать женщиной, сердце её сжималось какой-то смутной жалостью к себе самой, и трудно ей было расстаться со своим прошлым. А прошлое своё она помнила хорошо: её всегда и всюду баловали, нежили, теперь же кто знает, что ждёт её в будущем?

У ворот дома Тиграна свадебную процессию встречала свекровь в окружении родни, стоявшей в тени абрикосового дерева.

— Да благословит вас Господь и да не разлучит вас человек! — громко провозгласила тантикин Србуи, соединив руки Тиграна и Анаит.

На пороге она положила глиняную тарелку, которую невестка должна была разбить на счастье ударом ноги, затем накрыла плечи новобрачных лавашем — чтобы дом был полная чаша, и дала отведать жениху и невесте по ложке мёда, чтобы жизнь их была бы такой же сладкой, как божественный нектар. Их осыпали лепестками роз, сладкими сухофруктами, янтарным изюмом, орехами и монетами. Три дня не было никому покоя. Вино текло в глотки, весело бляла зурна, выбивали ритм барабаны, и снова молодежь балагурила, смеялась, старики беседовали о грядущих судьбах Армении и ели хоровац, зажаренный в тонире, плов, ароматную хашламу, наслаждались гатой и пахлавой, кричали «туш» после каждого тоста и перешёптывались, гадая меж собой, какая постель, ковёр, хурджин¹⁵, посуда и одежда находятся в большом сундуке с приданым. А на колени Анаит посадили маленького мальчика из рода жениха, чтобы первенцем у молодых был сын, такой же красивый и здоровый.

Вступив с женихом в новый дом, Анаит первым делом поцеловала тонир в знак того, что отныне становится она хранительницей очага.

Вскоре она позабыла о правилах своей семьи и начала жить по новым: стала послушной женой и спокойной невесткой. На первых порах пряталась от всех за занавесом, там же и обедала, выходя оттуда только по приглашению, молчала и, как положено, не смотрела в глаза мужу и свёкру. Лишь спустя три месяца, преподнеся по требованию свёкра воду, она получила от него разрешение на «голос».

Мужчины семьи — отец и сын — возделывали собственный виноградник на склоне долины, ухаживали за ним как за ребёнком, поливали прозрачной родниковой водой, вскапывали, удобряли, и виноград потихоньку, под весёлое щебетанье птиц, тянулся к лазурным небесам, где величественно парили гордые орлы, набирался сил. Платя труженикам стократную дань за их трудолюбие, пролитый пот и веру в своё предназначение — жить на замшелых камнях, разбросанных повсюду, — земля давала корням винограда подпитку, а сияющее светило дарило тепло. Гроздья за лето успевали налиться сладким ароматным соком. Всякий раз, окидывая вьющиеся лозы своими глубокими, как колодец, глазами и вдыхая запах цветущего винограда, старый Мушег вспоминал библейскую историю о Ноевом ковчеге. Когда по воле Господа ковчег причалил к серебристым вершинам Араратских гор и праведник почувствовал под ногами земную твердь, он первым делом опустился на колени и вытащил из-за пазухи небольшой росток. Этим чудным ростком была виноградная лоза, привезённая из райского сада.

100

Во дворе их дома раскинулся большой фруктовый сад с инжиром, яблонями, старой шелковицей, гигантской орешинной и дикими абрикосовыми деревьями с наклонившимися до земли от созревших плодов цирана тяжёлыми ветвями. Полупрозрачными абрикосами, наполненными солнцем и ветрами Араратской долины, домочадцы щедро делились с соседской детворой.

— Пусть кушают на здоровье, — говорил старый Мушег, — и живут долгой и счастливой жизнью.

И сладкий липкий сок струился по гладким подбородкам, наполняя детскую душу блаженством. Нет, нигде больше не было такого сада и таких сказочно ярких абрикосов, как у их семьи! Из древесины дикого цирана Мушег вырезал дудук и играл на нём. Никто во всем Муше не превзошёл великого варпета¹⁶ в мастерстве. Да разве только в том чудесном живописном крае знали его? Ни одно важное событие не проходило без звуков этого уникального инструмента, называемого «циранапох», или «душа абрикосового дерева». Через все сёла и деревеньки Армении слава о нём передавалась из уст в уста. А сам он чувствовал себя едва ли не Богом, потому что мог повелевать людьми, вызывать то слезы, то улыбки, сеять печаль в душах и лечить её расцветающей от звучания его дудука любовью. Он знал самые потаённые секреты этого тонкого дела, которые когда-то принял от отца, деда и прадеда, оставляя в каждом рождённом им инструменте своё дыхание, своё изношенное сердце, ветхие думы о ранах Армении и возвышенные мечты. И с благоговением передавал все премудрости своему сыну.

— Ты продолжишь дело, которым занимаются все мужчины в нашем роду, — сказал он однажды Тиграну. — И займёшь моё место, когда я покину этот мир.

На плечах тантикин Србуи лежали все женские работы: она следила за чистотой и порядком в доме, ключи от марана, а также от кладовой всегда лежали в её кармане, без её разрешения никто не мог ничего взять. Она вставала на рассвете раньше всех и шла в хлев. Оттуда пахло навозом и соломой, слышалось кудахтанье кур и писк цыплят. Там тантикин доила корову, отгоняя локтем телёнка, который непрерывно тыкал мордой в вымя. На парном молоке она заквашивала мацун, готовила домашний панир¹⁷, сбивала масло из жирных сливок, пекла лаваш и варила апур¹⁸. В доме всегда вкусно пахло свежевыпеченными на садже лепёшками «женгялов хац» с разносортьем диких и огородных трав, и тающей во рту бараньей толмой из молодых виноградных листьев, и соусом из мацуна и чеснока.

Любя молодую невестку, тантикин обучала её всему, что умела и знала сама, не позволяла мыть ей ноги — берегла её, забеременевшую в первый же месяц, и во всём ей угождала, особенно в еде, чтобы ребёнок родился здоровым. Анаит платила тем же: почитала свою свекровь, как родную мать. Ожидая прибавления, семья надеялась на рождение мальчика. А как же иначе, ведь счастье при рождении дочери было бы неполным: придёт время, она выйдет замуж и уйдёт в другую семью. А сын — совсем другое дело! — он наследник и продолжатель их рода, их гордость, свершение их надежд и их бессмертие... Тигран очень любил жену, на руках носил, говорят даже, перед сном не только мылся, но и брился, чтобы не причинять ей неудобств.

Миновала угрюмая, холодная зима, унесла с собой свинцовые туманы, кутавшие в одежды скорби ущелья и горные вершины Тарона. Земля согрелась, растения ожили, трава почувствовала прилив соков, приподнялась, призвала на помощь солнце. Воздух оглашался пением и щебетом птиц, перекликающихся между собою, призывающих друг друга к радости, к жизни.

Время рожать пришлось на дождливый вечер в канун великого праздника Благовещения. В пустой комнате горела висячая керосиновая лампа. Поняв, что время пришло, тантикин выгнала мужчин из дома, оставшись наедине с невесткой и пожилой женщиной, известной на всю округу ведуньей и повитухой Сирануш, которая собирала в горах лишь ей известные травы, варила настои, лечила от всех болезней, принимала роды, предсказывала судьбу. Для защиты от злых духов, которые в это время всегда угрожают роженице, Сирануш распахнула в доме все двери, окна, сняла крышки с посуды, развязала всевозможные узлы и пояса, расстегнула одежду. У ног страдающей от схваток Анаит женщина разбила яйцо, а под подушку ей положила острые обереги от нечистой силы — кинжал и веретено.

— Ещё немного, и всё закончится, — протирая лоб роженице мокрым полотенцем, шептала ей на ухо тантикин, не отходя от неё ни на шаг.

Рядом суетливо хлопотала повитуха, заставляя Анаит тужиться, и, поддерживая её под руки, надавливала на большой живот. Вдруг молодая женщина резко закричала, её крик сменился пронзительным криком новорождённого. Это была сморщенная черноволосая девочка. Приняв дитя со словами «ачкед луйс»¹⁹, повитуха обмыла его в солёной воде, оберегавшей от дурного глаза и порчи, и запеленала.

В ушах Анаит звучал голос свекрови:

— Аствац джан²⁰, благодарю тебя!

Србуи взволнованно крестилась, сложив воедино три пальца правой руки и приложив их ко лбу, верхней части живота, левого плеча, затем правого, произнося при этом: «Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого. Аминь».

За окнами уже давно бушевала гроза с огненно-красными молниями и ударами грома, от которого дрожали горы и лес. А ветер ревел, как вишاپ²¹, и завывал на тысячу жалобных голосов в глубине ущелья.

— Тяжёлая будет судьба у девочки, — отчего-то молвила повитуха. — Это на лбу у неё написано...

— Ты не болтай попусту языком, Сирануш, — сердито оборвала её Србуи, взглянув исподлобья. — Сделала своё дело и ступай домой. А Бог не оставит нашу Марьям, Бог не оставит всех нас.

— Так ты не хочешь назвать её Бавакан²², тикин²³ Србуи?

— Нет, я назову её Марьям, в честь Пресвятой Богородицы — Заступницы нашей.

Она бережно взяла на руки маленький свёрток и глянула на торчащую оттуда крошечную головку:

— Ты так похожа на своего отца. С рождением тебя, бала джан²⁴! Пожалуй в эту жизнь.

Среди рёва и воя урагана, среди ударов грома вдруг послышались весёлые звуки. Это отец с сыном, счастливые, радостно надувая щеки, играли на своих чудных дудуках под окном.

Србуи выглянула в окно и подала им знак. Ей не нужно было повторять дважды: Тигран первым вбежал в комнату. Анаит лежала на кровати измождённая и бледная. Муж подошел к ней и нежно погладил по волосам, которые разметались по подушкам. Анаит открыла глаза и слабым голосом произнесла:

— Прости, что я огорчила всех вас рождением дочери. Вы так хотели сына. Я не исполнила вашу мечту.

Слеза потекла по её щеке.

— Не плачь, любовь моя. Я очень рад, что ты подарила мне дочь, — ласково ответил Тигран и взял маленький комочек на руки. — Она очень

похожа на тебя: такая же красавица. А теперь отдыхай. У нас ещё будет много счастливых дней, мернем кез²⁵, и ты обязательно родишь мне наследника.

После ухода мужа Анаит уснула глубоким спокойным сном. А через полчаса из-за туч выплыл месяц и заблестел, как новая монета. Ночной ветер, слабея, шелестел по испуганному лесу и осушал слёзы дождя на тёмных кустах. И время от времени ещё слышалась тихая неторопливая музыка дудука. Упоительный мотив улетал в горную мглу: в нём слышался и звон ручейка, и шум мощной реки, и пение птиц — и все звуки на свете...

Весь город поздравлял семью с такой радостью, неся подарки для молодой матери и ребёнка. Тантикин Србуи бегом собирала на стол, чтобы достойно встретить каждого. Гость в их доме был от Бога, христианин он или мусульманин. Бог — он един для всех. А что простому армянину нужно? Лишь доброе слово и честный взгляд соседа. Больше ничего ему и не нужно: всё остальное он своими руками сделает.

На восьмой день после рождения Марьям устроили крестины. Близкие родственницы приносили в дом плов, печенье, фрукты. Когда священник вместе с кавором вошли в дом, все уже ждали их: вода в большом котле была подогрета, а посередине комнаты стояло деревянное корыто, которое стало сегодня купелью. Священник, усердно молясь, трижды погружал ребёнка в купель с освящённой водой, после чего мазал тело новокрещённой святым миром, как когда-то Святой Григор Лусаворич крестил армянский народ в водах реки Арацани, укрепляя его духом и благодатью Божьей на веки вечные. Несколько дней люди гуляли, пили, ели. Сколько чёрных овец тогда зарезал счастливый отец, никто не считал. Каждый день он приносил горные цветы и, украшая ими голову своей любимой, спрашивал себя, есть ли в этом мире ещё какая-нибудь женщина, так похожая на Богоматерь, как его Анаит.

А Анаит плавала в волнах материнского восторга. Она беспрестанно ласкала и покрывала поцелуями пухлое розовое тельце Марьям, источавшее чудный аромат, который присущ только детям. Спустя время из их дома уже доносился детский смех, рассыпавшийся подобно жемчужному каскаду, дивными серебристыми нотами.

Когда у Марьям появился первый зубик, устроили торжество с приглашением кавора и близких родственников. Посадив ребенка на пол, накрыли ему голову скатертью и посыпали сверху кчехаш — варёную пшеницу с изюмом — а затем перед ним положили нож и гребень и стали ждать, к чему потянется ребёнок: если он возьмёт нож, это означало, что следующим у него родится брат, а если гребень — то сестра. Недолго думая, маленькая Марьям выбрала нож. Вслед за этим у неё впервые срезали ногти и несколько локонов, и тантикин Србуи надёжно спрятала их в щель дома, чтобы, ни дай Бог, они не попали на землю: иначе ребёнок мог захворать или даже лишиться своей жизненной силы.

Дочь росла на загляденье живой и весёлой. По утрам она забиралась на волосатую грудь отца и весело щебетала, а Тигран делал страшные глаза,

и она, восторженно визжа, убежала в соседнюю комнату, подглядывала лукаво из-за дверного косяка за отцом, и весело хохотала. А сердце его так переполнялось ранее неведомым теплом, что он и позабыл, что у армянских мужчин не принято проявлять любовь к своим детям на глазах у людей. Чтобы порадовать дочь, Тигран вытаскивал для неё кукол из обрубков абрикосового дерева. Вот было счастье для маленькой Марьям! Она называла кукол своими дочками и таскала их с собой повсюду, напевая им песенки, кормила густой арисой, брала в кроватку, чтобы даже во сне не расставаться с ними.

Эх, сколько застолий помнила их увитая виноградом веранда! Правда, больше печальных. Следом за Марьям Анаит родила и потеряла сына. А следующего не донесла, выкинула на позднем сроке. Для семьи весь мир будто стал чёрно-белым. Анаит истерично плакала, глаза её опустели, сердце как будто окаменело. По-прежнему готовила, убирала, заботилась, но... без любви, а потому что надо. А Тигран, большой и сильный, словно согнулся.

— Господи, за что ты отнял моих детей? — мрачно вопрошал он. — Чем же они успели пред тобой провиниться? Чем успели нагрешить? И после этого говорят, будто ты добр?! Ведь сказано: ни один волос не упадёт без твоего желания! Нет, Господи, нет! Не жди теперь от меня молитв. Теперь нам не по пути!

Казалось, он был готов изгнать Бога из своей души, если бы не отец. Когда солнце коснулось кромки гор и в их саду уже густели синие сумерки, старый Мушег снял с плеча хурджин, достал из него бутылку водки и два стакана, лаваш, завернутый в чистую тряпку, немного зелени и кусок бараньего сыра. Разлил водку по стаканам и приказал сыну пить. И сам выпил молча. И сказал, что коли нет в душе человека Бога — его место занимает дьявол. Потом достал из хурджина свой дудук, его пальцы зашевелились на трубке, звуки плавно перетекали один в другой, но не спешили, а плыли, грустные, плавные, мелодичные, порой прерываемые грустной песней чабанов и блянием молодого барашка...

* * *

Через год, в те яркие майские дни, когда весна царила в своей буйной стихии, когда расцвели молодые абрикосовые деревья в их саду, у Тиграна и Анаит родился долгожданный мальчик.

— Смотрите! Видите? У него родинка на лбу, как у моего Тиграна! Наша порода! — ликовала Србуи, наклонясь и с умилением глядя на ребёнка. — Бала джан, умереть мне за твою родинку...

Радости в доме было немерено, ведь сын в семье — это главная стена, на которую опирается крыша. Но Арменак появился на свет прежде времени и оказался слабым. Всем становилось ясно, что не жилец он на этом свете. Не хотела Анаит к нему привязываться. Не могла больше вынести потери. Даже от груди хотела отлучить. Но Тигран не дал, сразу полюбив наследника какой-то звериной, яростной любовью, и обвинял Анаит, что она недостаточно его любит. А Арменак глядел на мать большими печальными глазами, как будто прощаясь с ней каждый день. Опасаясь, что

он не выживет, тантикин Србуи торопила окрестить его. Даже к Сирануш за помощью обратилась, и та поила младенца своими горными травами. Три дня и три ночи не отходила от него старая знахарка. И наконец сказала:

— Не трогайте его, пусть лежит. Всё, что в моих силах было, я сделала. А там уж как Господь Бог пожелает.

То ли всеильные материнские слёзы двигали милосердием Господа, то ли помогли чудесные снадобья старой ведуньи, но однажды произошло чудо.

— Выжил! Выжил! — радостно закричала Сирануш, осматривая ребёнка. — Мёртвые звали его, но он не пошёл за ними.

Не прошло и года, как в их дом постучало новое горе. Занемог старый Мушег. Дудук, который он резал из древесины абрикосового дерева и в который дул, набрав в грудь побольше воздуха, прикрыв глаза и покачиваясь в такт музыке, был, как и прежде, лучшим во всей округе, душа от его звуков взлетала и парила высоко-высоко над горами и цветущими садами в лучах солнца. Но сам он, когда-то коренастый, крепкий и сильный, как вол, теперь постарел и согнулся, ходил с трудом, стал совсем молчаливым — бывало, за весь день слова не услышишь. А потом и вовсе захирел и слёг, кашлял и дрожал от озноба в своей тёплой постели на тахте. Србуи и Анаит поили его горячим отваром, чтобы прогнать лихорадку, кормили хашем и с горечью наблюдали за тем, как судорожно поднимается и опадает его слабая грудь. Взор его тихо скользил по комнате, из огромных глаз на землисто-сером, с запавшими щеками лице медленно катились холодные слёзы. Он понимал, что и его время пришло, ведь вокруг давно уже постарели и ушли почти все его ровесники — один за другим. Не спрячешься никуда от судьбы, ничем не сотрёшь свой тчакатагир²⁶, начертанный на лбу в момент рождения, и совсем скоро наступит тот день, когда явится к нему ангел смерти и заберёт его душу на небо. А сам он уйдет в ту же землю, из которой вышел. Он задремал. Прошло несколько часов. Вдруг он открыл глаза и слабо сжал руку жены.

— Прости меня, Србуи джан, — расслышала она. — Я много горя причинил тебе... Но ведь ты знаешь, как я всегда любил тебя...

Бедная Србуи, покорившись судьбе, не отходила от мужа ни на шаг, ловила каждый его взгляд, прислушивалась к каждому его вздоху и темнела на глазах. Только в молитве находила она отраду и черпала в ней силу для тех мучительных дней, для тех бессонных ночей.

Сплошная пелена густого тумана окутала Тарон. Похоже, опять богиня Астхик спустилась с горы Гргур, чтобы искупаться в священной реке Арацани. А чтобы жители не увидели её притягательную наготу, напустила на город непроницаемую мглу. Сквозь туман тускло мерцали звёзды, рассыпанные по небосклону, и слабо пробивался свет луны, придавая деревьям сада какие-то причудливые очертания. В тот час вспыхнула в Србуи вся её любовь к Мушегу, та любовь, которой она отдала всю жизнь с первых дней своего раннего замужества. И в сверкающем пламени свечи встретила она

благодарный взгляд мужа и сумела прочитать последние мысли в угасающих глазах. Она тихо встала и принесла его любимый дудук, с которым он хотел попрощаться. Старый Мушег поцеловал его, прижал к груди и навеки закрыл глаза. Крик вылетел изо рта Србуи, долетел до небес и вернулся обратно на землю. Никто не смел подойти и потревожить её. Наконец она встала с колен, перекрестила и поцеловала усопшего, а потом твёрдым голосом стала отдавать распоряжения сыну и невестке. Но стоило только взглянуть на её преобразившееся лицо — и становилась ясна глубина её безысходного горя.

Весть о смерти варпета быстро разнеслась по всему Тарону. По ведущей к их дому дороге потянулась вереница мужчин с печальными лицами и плачущих женщин. Мимо каменной крепости с башнями, где располагался турецкий гарнизон, мимо купольных церквей Сурб Киракоса, Сурб Саргиса, Сурб Пркича, Сурб Марине и Сурб Арутюна, мимо мечети с высокими минаретами, переделанной из церкви, под колокольный перезвон монастырей Мшо Аракелоц, Сурб Карапет, Сурб Ованес, в дом покойного шли и шли люди, чтобы утешить родных добрым словом и посетовать на большое горе, которое выпало всем им, потерявшим такого человека. Армяне несли с собой сахар и водку, приговаривая «Аствац твэц — Аствац верцрэц»²⁷, местные курды подносили мыло и шерстяные носки, а добродушные соседи-турки, Али и Джамиля, подарили отрез белой ткани и большой кусок сладкой халвы.

— Смерть — это воля Всевышнего, — тихо сказал Али, поклонившись Србуи, и качнулась чёрная косичка на его красной войлочной феске. — Прими её со смирением, джаным. Хороший был у тебя муж, с чистым сердцем и праведными поступками. Жаль, что он не был мусульманином. Аллах был бы рад иметь такого сына, как уста Мушег.

Когда пальцы Али перебирали бусины янтарных чётков, Джамиля что-то незаметно шепнула ему на ухо.

— Да-да, — кивнул Али, согласившись с женой, что сказал лишнее. — Хорошим был человеком уста Мушег, сестра. Да пребудет он на небесах, — и он поднял свою руку и медленно, торжественно приложил в знак приветствия к сердцу, губам и лбу. Потом он подошёл в Тиграну и сказал:

— Рано покинул нас твой славный отец. Но ты — его достойный сын — будешь для меня живым напоминанием, воссоздающим его образ.

Али часто бывал в хлебосольном доме Мушега, вместе с которым он вырос, иногда они даже попивали. Турки вина не пьют, это запрещено Кораном, но насчёт водки в Коране ничего не сказано — стало быть, её можно пить, не нарушая заповедей Магомета. А дружбу свою мужчины хранили в тайне из боязни навлечь на себя гнев. Разве мог Али говорить открыто, что его сосед-армянин — честный, хороший человек, что ему приятно бывать у него в гостях, поговорить с ним по душам, когда каждый день на базаре, в духанах и в мечетях младотурки и муллы вдалбливают в голову, что армяне — самые худшие из всех гяуров, что все беды правоверных — бедность, болезни и даже неурожай — исходят от армян?.. Муллы требуют истребления их всех, утверждая, что тогда на благословенную страну

великого султана спустится благодать аллаха. Нет, трудно турку открыто дружить с армянином, пусть он в душе и не верит словам муллы!

Бренное тело Мушега обмыл и одел старый обмывальщик Карапет. Он ходил вокруг покойного и разговаривал с ним, как с живым: «Ты, Мушегджан, на меня не обижайся, я твой друг. Я тебе больно не сделаю». В завершение он вложил в скрещенные, жёлтые, как пергамент руки Мушега его звонкий дудук, рядом зажёл лампаду, чтобы осветить душе варпета путь на небеса, а за услуги свои получил в дар одежду покойного. Похоже, Мушег был доволен. Старый и хрупкий, он неподвижно лежал в центре комнаты, во всём новом и чистом, с куском хлеба на груди, и, казалось, грустно улыбался, жалея оставшихся на этом свете. В комнате было зажжено несколько свечей, и тлела лампада перед иконой. Священник смотрел на нее чёрными очами, будто пытаясь выведать последнюю правду, и шевелил губами молитву. Женщины расселись вокруг гроба и оплакивали ушедшего речами и песнями, каждая из которых завершалась таким громким воплем, что даже вековые камни проливали слёзы. Несчастная Србуи распустила свои седые волосы, теребила их с горя и посыпала голову золой. Её лицо покрылось трещинами морщин, глаза впали — всего за один день она превратилась в семидесятилетнюю старуху с мутным бессмысленным взглядом, словно кто-то украл её годы.

Спустя три дня после смерти, когда солнце перевалило за полдень, дом Петросянов вновь наполнился родственниками. Сильные мужчины трижды оборачивали гроб с телом вокруг оси и трижды ударяли им о закрытую дверь дома, чтобы апостол Пётр услышал этот стук и открыл врата небесные ушедшей душе. А после, не оглядываясь назад, понесли умершего отпевать в церковь. Недавно прошёл дождь, и мокрая трава вбирала в себя отпечатки грубых мужских башмаков. Тигран первым бросил горсть земли в глубокую могилу, отдавая последнюю дань отцу. За ним то же самое делали и остальные со словами: «Доброго пути тебе, варпет джан, передавай привет нашим покойникам». Потом подходили к Тиграну и пожимали ему руки в знак скорби и утешения. На поминальном обеде подавали хашламу и куркут. Пили водку за упокой души умершего, за его «светлый путь», за то, чтобы он «в том мире» заботился об оставшихся на земле родных. Желали, чтобы за добро Мушега Бог его сыну и внукам счастья дал да жизнь их продлил, чтобы род не прекратился, а только множился. Парил над дворами голос дудука. Так умел играть только Мушег. Но это был не Мушег. Тигран занял место отца. А как он играл! Плакал и плакал его дудук. Рвал душу, воскрешая в памяти дорогие образы отца, детей, друзей — всех близких, кто покинул этот мир и ушёл в мир иной для вечного упокоения.

Србуи умерла, когда у подножия гор начали таять многометровые серые ледники, а в расщелинах каменистых гор из-под снега появились первые цветы: и трёх месяцев после смерти Мушега не выдержало разбитое разлукой сердце. Её, возлежащую в гробу с величественно строгим лицом и зачёсанными наверх седыми волосами, погребли рядом с мужем. Спустя год на том месте появился резной хачкар из розового туфа с крестом — символом распятия Христа, окаймлённый кружевными узорами. А под хачкаром был высечен дудук...

* * *

Пятнадцать лет после замужества Анаит пролетели как один день. Погрузившись в темноту, город Муш спал тревожным сном: обострённый слух его жителей ловил каждый шорох. Полный месяц сиял на чистом небе и струил белый свет на окрестные горы. Нежно мерцали побледневшие звёзды в предчувствии близкого дня. Но едва только первые блики солнца растворили ночную мглу и отбросили голубой туман с прохладных каменистых гор, Анаит, одетая в чёрный тараз, со скорбью в сердце поспешила к своим делам. После гибели мужа воспитание детей и груз забот легли на её плечи. Ничто в то утро не предвещало начала Великого Злодеяния. Врытый в землю глиняный тонира её дома разгорался всё сильнее, растопленный чехом — старой виноградной лозой, высушенной солнцем. Женщина перебрала и промыла дзавар²⁸ из круглозернистой пшеницы. Толстодонный котел с домашней курицей уже давно бурлил, клокотал. Она отделила курицу от костей и кожи. Мякоть разобрала на волокна, добавила в дзавар и влила процеженного бульону. Разок прошлась веником вокруг тонира, навела чистоту. Затем быстро просеяла муку и замесила тесто на тёплой воде и солёных слезах, добавив в него остаток кислого теста от предыдущей выпечки, разделила его на кусочки и из каждого скалкой раскатала тонкие лавашы. Натянула их проворными руками на тап — специальную овальную «подушку», приклеила к стенкам раскаленного тонира, закрыла крышку и стала читать «Хайр Мэр»: к концу молитвы на лепёшках обязательно появятся золотисто-жёлтые корочки. Пора! Анаит сняла крышку с печи и услышала привычный лёгкий вздох: это жар выходит, тонира дышит всё чаще, даже обиженно: не хочет тратить свой пыл попусту. Вытащила лепёшки железным прутом с острым загнутым концом и помянула мужа. Тигран всегда говорил, что «лаваш её светится золотом. Отломишь кусочек, вдохнёшь запах и понимаешь, что именно так пахнет рай!»

108

Сердце у Тиграна, царство ему небесное, было столь доброе, что он понапрасну не убил бы птицы, не задавил бы и муравья, но жизнь в Тароне стала невыносимой. Турки день и ночь притесняли армянское население Муша, за людей не считали, заставляя платить огромные налоги, а когда нападали на армян, либо грабили их дома, то преступление всегда оставалось безнаказанным: кому больше поверят в турецком суде: правоверному мусульманину или грязному гяуру²⁹? Ни один армянин, ложась спать, не знал, встанет ли он живым поутру. Сеял он хлеб и не знал, достанется ли ему урожай. Он больше не хозяин в своём доме, в саду, на пашне. И когда этому придёт конец? Тиграну ничего не оставалось делать. «Господь даровал нам жизнь, значит, он имел в виду, что мы будем её защищать. Я родился здесь, здесь и умру! Отныне наш Бог — оружие!» — сказал он и записался в фидаи³⁰, чтобы встать грудью на защиту родной земли. Взявшись за шашку или кремневое ружьё, в числе сорока других фидаинов бравого Зоравара Андраника он защищал монастырь Сурб Аракелоц от шеститысячного турецкого войска. Тогда армянский отряд в течение двадцати пяти дней успешно отбивал атаки на святыню. Османские войска потеряли убитыми более тысячи аскеров³¹, однако Андраник сумел вывести своих соратников из монастыря, потеряв лишь трёх человек.

Бесстрашие и храбрость Тиграна изумляли всех, даже Андраника. Он первым шёл против врага, а силища у него была такая, что он хватал взрослого аскера за пояс и подымал, как цыплёнка, выше головы. Казалось, ни пуля турецкая его не достанет, ни штык, ни сабля... Но через несколько лет верной службы в одном страшном бою в Сасуне до безумия храбрый Мшеци-Тигран³² — как его называл Андраник — был настигнут адскими всадниками османского султана, несущими смерть гяурам под зелёным знаменем пророка. Сражаясь не на жизнь, а на смерть, он был ранен в грудь изогнутым клинком турецкого ятагана. Единственное, о чём успел он попросить склонившегося над ним Андраника — это позаботиться о его семье. А ведь его благородное тело не было предназначено для того, чтобы истечь кровью на поле боя. Эту кровь, унаследованную от отцов и дедов, ему надлежало передавать из рода в род. Хотя для Анаит Тигран и сейчас жив, потому что у Бога нет мёртвых. Но сердце у неё всё равно болит.

— Отнесу первый лаваш Джамиле-ханым³³, — решила она, отогнав изнывающие душу воспоминания и вернувшись к делу. — Приболела она. А первый лаваш всегда относят больному человеку, чтобы насытился и выздоровел. Какая разница, христианин он или нет...

Закончив потеть над тониром, женщина попробовала ароматную арису, тягучую и густую, уже час томившуюся на тихом огне, вымесила её как следует, взбивая ложкой, бросила внутрь добрый кусок сливочного масла и щепоть соли и, наконец, присела в ожидании, пока проснутся дети.

Марьям и Арменак окончили в Муше церковно-приходскую школу, где священник обучал их армянской грамоте, счёту, истории и Закону Божию. У Марьям обнаружилась большая тяга к знаниям, потому она и пошла в гимназию: хочет стать учительницей. Вот и правильно: учёный народ не голодает. А младший её — Арменак — вылитый Тигран! Все соседи им любят, хвалят его и благословляют. А сердце у него какое! Если с кем-нибудь случается беда, он забывает самого себя, всегда спешит прийти на помощь. Кусок изо рта вынимает и отдаёт другому. Многие отцы и матери завидуют ей, видя такого доброго сына. А когда берёт он в руки голосистый отцовский дудук, в тот же миг все камни земли, все деревья, цветы — всё начинает дышать, говорить, распускаться.

Прошу тебя, Аствац джан, убереги детей от беды! Турки вновь бесчинствуют: поджигают армянские дома, а хозяев, вместе с несчастными жёнами и детьми, гонят с родных мест, грозя им шашкой и ружьём. Самых красивых юношей и девушек продают на невольничьих рынках Константинополя. Говорит людская молва, будто даже приказ есть о том, что всякий, кто на земле османов произнесёт имя Иисуса Христа, не должен оставаться в живых. Ещё накануне по городу слух пошёл, что и в Муш скоро войдёт турецкая армия, что нельзя здесь оставаться и рисковать жизнью, надо бежать отсюда. Но куда она побежит?.. Нет! Лучше отважно погибнуть, забрав с собой несколько жизней врагов, чем позволить им топтать могилы, где покоятся кости предков! Пусть и её здесь похоронят. Лишь бы дети остались целы и невредимы... Потом она покрыла голову платком, зажгла свечу, положила перед собой «Нарек»³⁴ и, опустившись на колени перед ико-

ной, шёпотом вознесла молитву:

«Пред Тобой преклоняюсь, Пресвятая Богородица, Тебе молюсь, Пречистая Дева, замолви слово и помолись за моих детей Сыну Твоему Единородному, чтоб спас их от врагов и избавил от грозящих бед. Аминь».

Много хлеба напекла, подумала она, вставая с колен. Большую часть лепёшек отправляю мужчинам, чтобы, защищая родину, были они сильными и стойкими; что-то раздам соседям, а оставшуюся часть подсушу, сложу в стопки по десять листов, укрою хорошенько полотенцем и сохраню в тёмном погребе. Взяв несколько горячих лепёшек, она завернула в них солёный панир с зеленью, оставив один край открытым. Её дети так любят бртуч³⁵...

Всё услышанное и увиденное за последние месяцы заставляло её быть крайне осторожной и ожидать только худшего. Нехорошие предчувствия теснили грудь. Этой ночью приснился ей страшный сон. Снилось ей, будто стоит она с детьми в поле. Внезапно небеса пролились огненным дождём, канули в небытие луна и звёзды, реки потекли кровью, и шагали мёртвые. Она пыталась спасти детей, но между нею и детьми с ужасным шумом разверзлась земля и выплеснула бурлящую лаву. Стоя на краю пропасти в изорванном платье, с распущенными волосами, она громко кричала и плакала, но вдруг услышала пение дудука и ясный голос Тиграна, который говорил: «Не держи их, пусть идут». И звал её, звал к себе...

110

Она взяла два больших дорожных хурджина, в один положила холщовый мешочек с оставшейся мукой, немного риса, сахар, соль, сушёные абрикосы, другой наполнила кое-какой одеждой да пожитками. Сбоку положила церковные свечи, дудук Тиграна и горсть земли с могил предков. Всё это для Марьям и Андраника, если им всё-таки придётся пуститься в нелёгкий путь, чтобы выжить. А золото и семейные ценности, сложив их в глиняный горшок, она на всякий случай закопала во дворе, глубоко под корнями дикого абрикоса.

* * *

Когда из ущелий выполз густой туман, закрыв собой ложбины, взору небольшого конного отряда из людей Андраника, вооружённых кто маузером, кто саблей, кто ружьём, предстала страшная картина: весь Муш был как на ладони, охваченный пожарами, клубящийся дым которых застилал небо. Подняв бинокль, молодой командир отряда стал рассматривать улицы: ни человека, ни собаки. Успели ли жители покинуть город до прихода турок? Воины хорошо ориентировались в этих местах, знали каждый камень, каждый куст. У поворота извилистой дороги придержали разгоряченных коней. Караульный пост у столба был пуст. Полные тревоги, они двинулись дальше по улицам, мимо густых деревьев, глиняных заборов, мимо больших и маленьких гхатунов, сложенных из базальта и туфа. От многих остались лишь каменные обломки и похороненные под ними почерневшие тела. Там, где раньше всегда слышался весёлый смех, теперь царил мгла и безмолвие. Многие ворота распахнуты, будто через них только-только телега проезжала или всадник проскакал. Внутри домов царил хаос — здесь после погромов и резни уже бесчинствовали мародёры: стены, некогда покрытые дорогами

коврами, были оголены, мебели не осталось, под ногами скрежетали осколки кувшинов, глиняной посуды. В некоторых местах дощатый пол был разворочен, стены пробиты — очевидно, аскеры искали клады с золотом и деньгами.

Ярость охватила командира, лицо передёрнула судорога, рука сама потянулась к маузеру. Он отчётливо представил себе, как турецкие полки своей артиллерией преодолели героическую самооборону Муша. Подобно жаждущим крови хищникам, аскеры, рота за ротой, с сопровождавшими их курдскими отрядами, ворвались в город, чтобы изгнать несчастный народ с мест, где они родились и куда никогда не вернуться, в ад безводных пустынь. Мушцы бились насмерть, используя для отпора врагу лопаты, ножи, топоры и мотыги. Но силы были неравны, и исход боя был явно предрешён. Аскеры рубили всех, кто попадался им под руку. Они ловили и связывали между собой сильных мужчин, превращая их в нескончаемую плотную колонну. Другие жители Муша, безропотно принимая свой жребий, собирали остатки сил, и, оставив свои дома, взваливали на спину драгоценную ношу: сын тащил на себе больного отца или мать, зять — тестя либо тещу, и так шли, решив, что лучше самим умереть, чем их бросить. Люди шли из последних сил. Даже лошадь единственной телеги, на которой были сложены вещи жандармов, пала. Чтобы не впрягать коней, на которых они ехали, конвоиры выбрали несколько женщин и впрягли их вместо лошадей. В курдском селе жандармы отобрали из колонны крепких подростков и выставили их на продажу. Во что ты, Господи, превратил мой народ! Весь мир был против него!

111

Сотни тысяч этих пленников вскоре погибнут от голода, холода, цинги и страшного тифа... Площадь в центре Муша превратилась в Голгофу: те, кто пытался воспротивиться конвоирам, были, как Спаситель, распяты на кресте. Чьи-то отсечённые пашкой головы торчали на древках, старики и старухи были сожжены заживо.

Церковь стала последним прибежищем для охваченных ужасом женщин, детей, стариков, увечных и простых мирных жителей, последним бастионом, в котором они укрылись в тот момент, когда все твердыни Муша уже пали под натиском врага. Мужчины изнутри укрепляли двери храма, обезумевшие женщины, прижав к груди своих малышек, молили священников о предсмертном причастии... и, подобно первым христианам, обращались к Господу в скорбных песнопениях, предвкушая близость мученической смерти. Турецкая конница вышибла входную дверь собора, и стая демонов с криками вломилась в храм, бешено набросившись на толпу, не разбирая, где стар, где млад. Ружейными прикладами они притиснули несчастных к стене, варварски топтали ногами кресты и евангелия, сдирали с людей одежду, золотые кольца, ожерелья, срывали вышитые шёлком таразы и парчовые архалуки, и били кулаками, и пинали под рёбра. Напрасно старый епископ взывал к иноверцам, прося остановиться: его голос утонул в чудовищном гвалте, и вместе с собратьями святой отец был обезглавлен, став одной из многочисленных жертв этой зверской расправы. В плену слепой остервенелой ярости аскеры не жалели ни женщин, ни детей. Прежде чем перерезать им горло, обесчестили несчастных женщин,

погубили их души. Одну молодую женщину раздели и привязали к кресту вверх ногами, а под крестом оставили её плачущего грудного младенца. Других, схватив за волосы и подталкивая ружейным дулом, босыми уволокли, отдали на забаву турецким солдатам, кого забили камнями, в кого вместе с детьми согнали к реке, и, разрубив на куски, сбросили с мостов в беспмятную воду бурлящей Арацани. Стоял такой вой и крик, какого никто не слышал от сотворения мира. Разом лаяли все собаки во дворах. Каркали все вороны на деревьях. Перепуганные голуби мигом исчезли, улетели прятаться за высокими горами. И только стервятники сидели на утёсах, расслаблено прогнув голые шеи, и невозмутимо наблюдали за происходящим внизу из-под полуприкрытых плёнчатых век. Казалось, ад развёлся, солнце вот-вот рухнет на землю... Но земля с закрытыми устами молча внимала! И небо, с открытыми глазами, спокойно смотрело, не содрогнулось в ужасе, не упало на землю, обагрённую кровью невинных!

От дома Тиграна остались одни стены да пепелище, посреди которого одиноко замер тонир. Он навеки погас, оставив вместо себя пустоту. Некому больше его разжигать. Некому печь в нём душистый хлеб и петь дивные песни.

— Город пуст, — произнёс командир негромко, будто говорил сам с собой. — Неужели все погибли? Что нам сказать Андранику, когда он спросит, позаботились ли мы о семье Мшеци-Тиграна, уберегли ли их, защитили ли ценой собственной жизни от всех опасностей?

112

Неподалёку стоял не тронутый пожарищем дом под железной крышей, в отличие от прочих домов и хижин с черепичными или даже земляными крышами. Густой сад и дом обнесены забором, сквозь щели которого был виден в окнах свет. Командир спешил и, подойдя к дому, постучал в дверь. Долго никто не открывал. Наконец на пороге появилась женщина с избороденным морщинами лицом, вся завёрнутая в чёрное покрывало.

— Селам Алейкум, — произнесла она мягким голосом, подозрительно оглядывая незнакомца.

Лицо командира исказилось: турчанка?

— Кто вы? Армяне? Что вам надо?

— Мы ищем женщину по имени Анаит, вдову Тиграна. И их детей — дочь и сына. Вон там стоял их дом. Вы не знаете, где они? Что с ними?

— Зачем вы их ищете? — спросила она, опасливо косясь на кобуру с маузером.

— Нам важно их найти, — упрямо ответил командир. — Их отец был нашим большим другом...

— Ах, какое большое несчастье, какое несчастье! — запричитала старая женщина. — За что это бедным людям? Ох, чёрный день!

— Где они? — командир подался вперед. — Ну же, говорите правду, не бойтесь!

— Живы дети, слышите, живы, — тихо прошептала она, приложив палец к губам. — Бог миловал. Я спрятала их. В нашем доме их никто искать бы не стал, но я всё равно велела им тихо сидеть в подвале и носа оттуда не высовывать... И хурджины их с ними, мать собирала в дорогу...

— А где она сама?

— О-ох, горе мне, горе! Не сберегла я Анаит, не успела, — положив руку на сердце, ответила женщина и слёзы покатались по её лицу. — Никогда не будет мне покоя! Сердце кровью обливается. Такая была добрая женщина. Наверно, угнали её турки вместе с другими армянами, — она указала рукой в сторону выжженных солнцем сирийских пустынь.

Повисла тишина, которую нарушал лишь негромкий храп лошадей. Растерянно молчала старая турчанка. Как скала, упершись взглядом в землю, стоял перед ней дюжий командир с едва пробивающимися бородой и усами.

— Вы рисковали собственной жизнью, укрывая этих детей в своём доме...

Она заметила в глазах армянина искру благодарности.

— А как по-другому! Они выросли на моих глазах. Куда вы хотите их увезти?

— Мы пойдём в Егегнадзор, а оттуда в Тифлис. Там, за семью горами, сестра моя родная за хорошим человеком замужем, там есть, где жить.

— Не допустите, чтобы с ними что-то случилось, прошу вас. У меня долг перед их матерью...

Поодаль ржали осёдланные кони, нетерпеливо ударяя копытами в землю. Турчанка опять заплакала и не могла больше говорить. В горькие минуты последнего прощания она крепко прижимала к груди растерянных Марьям и Арменака, ласково гладила их по волосам и говорила дрожащим голосом:

— Дети мои, я знаю, нельзя смириться и простить того, что сделали с вами эти слуги шайтана, да покарает их небо! Но живите, прошу вас, и пусть будет счастье вам и вашим детям! Да сохранит вас Всевышний от всяких напастей!

И подняла руку, словно благословляя их.

Не останавливая коней, отряд уходил всё дальше и дальше от этих мест, мимо груд мёртвых тел на обочинах ухабистых дорог, над которыми кружились большие стаи коршунов, мимо армянского кладбища и разрушенных церквей, окружённых обломками древних хачкаров и могильных камней, с которых ветры и ливни ещё долго не сотрут надписи на армянском языке. Как заклинания, всю дорогу Марьям шептала младшему брату слова «морацир», «морацир»³⁶. Но забыть это всё невозможно. И сердца всадников сжимались от тоски, рвались на части, хотелось плакать, но гла-

за оставались сухими: они точно искали, ловили повсюду очертания дорогих образов. Из темнеющего ущелья ползли туманы, они тянулись к долине, и, прощаясь, хотели со стоном обвиться вокруг шеи отцов и матерей, жён и детей. А с трёх сторон на людей виновато взирали горы и два уцелевших на высоком выступе тополя, как молчаливые свидетели Великого Злодеяния.

* * *

То апрельское утро скользило по Тбилиси блуждающим лучом, задевая купола церкви. Старый вагончик фуникулёра старательно карабкался к вершине Святой Горы, оттуда дул тёплый ветер, открывший цветы абрикосов и распутивший вербу. Зелёные сады вдоль тенистой старинной улочки залились бело-розовой пеной цветения, наполнились писком, свистом и чириканьем. Долгожданный запах весны пришёл в каждый дом вместе с нарциссами, тюльпанами, мимозами — и хрущёвской оттепелью.

Внезапно раздавшийся стук в дверь оторвал Геворка от изумительного великолепия красок, которые он созерцал из окна своей квартиры в Сололаки³⁷. На площадке стоял почтальон, который принёс ему бандероль, отгиснутую чернильным штемпелем и хранившую следы вмешательства бдительной цензуры всеильного ведомства. Вскрыв пакет, Геворк извлёк оттуда письмо. В нём некая «Инюрколлегия»³⁸ сообщала о том, что его «разыскивает дядя, гражданин Франции Арман Парсеваль, он же Арменак Петросян». Что? От неожиданности Геворк вздрогнул, сел в кресло и несколько минут молчал. Значит, брат его матери, Марьям, жив! Как жаль, что она не дожидается до этого дня, как бы она сейчас была счастлива! Потом он открыл глаза и снова взял в руки письмо. Ниже, в виде короткой справки, говорилось, что в одном из сражений с фашистскими захватчиками дядя был контужен и взят в плен, откуда попал в концлагерь Меппен в Западной Германии. А в июне 1943 года был переправлен во французский Бордо на строительство базы подводного флота. Там несколькими военнопленным удалось связаться с подпольной организацией французской компартии, которая подготовила для них побег. В результате Арменак присоединился к группе Движения Сопротивления армянского антифашиста Мисака Манушяна и освобождал города Франции от коричневой чумы...

Геворк почувствовал, как к горлу подступил ком. Теперь он понимал, почему после войны дядя остался жить во Франции и никак не давал о себе знать: были времена, когда советских военнопленных, бежавших из нацистских лагерей, по возвращении на родину могли в любой момент поставить к стенке или отправить в лагерь как изменников этой родины. Да и самим фактом написания и отправки подобных писем он подвергал риску своих близких.

В бандероли, помимо письма, лежала трубочка. Это был настоящий армянский дудук. Дудук его деда Тиграна. Мягко, почти благоговейно, прикоснувшись к его поверхности, покрытой маслом грецкого ореха, он ощутил тепло абрикосового дерева. И, не сдержавшись, касанием губ начал наигрывать Комитаса³⁹. Он не вспоминал этот музыкальный отрывок более десяти лет. Пленительные звуки, исходящие из дудука, напоминали

человеческий голос и были наполнены чистотой седых вершин Арарата. Звонкие, похожие на печальную молитву, они проникали в те глубины его души, где хранились горькие воспоминания матери. И он заплакал, впервые за много лет. А звуки дудука, как жалобные крики журавлей, улетали всё дальше и дальше — сквозь туманную мглу в тот дивный мир за семью горами, которого больше нет — слава бессмертие умерших и стряхивая пыль забвения со священных камней давно остывших руин...

Примечания автора:

1. Тарон — гавар и одновременно историческая область Великой Армении, к западу от озера Ван. Главный город — Муш.

2. «Бари аравот» (арм.) — Доброе утро!

3. «Хайр мер» (арм.) — молитва «Отче наш».

4. «Цавт танем» (арм.) — дословно: «возьму твою боль на себя», в переносном смысле означает «разделю твою боль и горе».

5. Майрик (арм.) — мама. Синонимами «Джан» являются обороты «жизнь моя», «душа моя», или слова «милый»/«милая», «дорогой»/«дорогая» — в зависимости от того, к кому обращаются.

6. Тонир (арм.) — глубокая круглая яма в земле, стены которой выложены камнем. В тонире пекли лаваш, варили, жарили и тушили пищу.

7. Глхатун (арм.) — традиционное армянское национальное жилище, распространённое вплоть до XIX века.

8. Айк Наапет — легендарный прародитель армянского народа.

9. «Ахчиктэс» (арм.) — смотрины невесты.

10. Скесур (арм.) — свекровь.

11. Арсаник (арм.) — свадьба.

12. Танткин (арм.) — старшая в доме женщина, пользовавшаяся большим авторитетом в семье. Обычно это жена главы семьи, тантера.

13. Карас (арм.) — крупный глиняный горшок эллипсоидной формы объёмом от 400 до 1000 литров, используемый в Закавказье для изготовления и хранения вина.

14. Кавор (арм.) — крёстный в семье жениха. Каворкин — жена кавора.

15. Хурджин — традиционная восточная сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон.

16. Варпет (арм.) — мастер.

17. Панир (арм.) — свежий сыр.
18. Апур (арм.) — армянский суп.
19. «Ачкед луйс» (арм.) — дословно: «свет твоим глазам».
20. Аствац джан (арм.) — Боже!
21. Вишапы — драконы в армянской мифологии.
22. Бавакан — женское имя, в пер. с арм. означает «достаточно», т.е. хватит нам девочек.
23. Тикин (арм.) — госпожа.
24. «Бала джан» — «родной, душа моя», обращение к ребёнку.
25. «Мернем кез» (арм.) — дословно означает «умру за тебя».
26. Тчакатагир(арм.) — судьба, (букв.: надпись на лбу).
27. «Аствац твэц— Аствац верцрэц» (арм.) — букв.: «Бог дал — Бог взял».
28. Дзавар — крупа, полученная из сначала недолго отваренных, а затем высушенных и очищенных от оболочки зерен пшеницы.
29. Гяур — презрительное название немусульман у турок.
30. Фидаи, фидайны (араб.) — участники национально-освободительных движений.
31. Аскер (тур.) — солдат.
32. Мшеци, то есть из города Муш.
33. Ханум или ханым (тюрк. яз.) — госпожа, красотка; присоединяется к женским именам, придавая оттенок уважения.
34. «Нарек» — «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци.
35. Бртуч (арм.) — блюдо армянской кухни, состоящее из тонколистового лаваша с завернутой в него начинкой.
36. «Морацир» (арм.) — забудь!
37. Солولاки (груз.) — исторический район в самом центре Тбилиси.
38. Инюрколлегия (Иностранная юридическая коллегия) — организация, практикующая в области международного частного права. Основана в Москве в 1937 году.
39. Комитас — армянский композитор, музыковед, фольклорист, певец, хоровой дирижёр, священнослужитель Армянской церкви (вардапет).

Андрей
Велесюк

Родился в **Сибири**, вырос на Дальнем Востоке, на границе с Китаем, почти 10 лет прожил в Москве. Сейчас вместе с семьей живёт в Тбилиси, в сентябре планирует переезжать в Сербию. В разные годы учился на религиоведа и социального работника, чтобы в итоге стать журналистом.

За 12 лет карьеры прошёл путь от региональных газет до федеральных медиа, его материалы можно встретить на таких ресурсах, как Постнаука, Forbes, Hightech FM, IncRussia, РБК, ПЖ.

ПРОВЁЛ

около 1000 интервью, писал заметки разной длины и мечтал стать профессиональным писателем. Как писатель печатался в онлайн-журнале «Пашка», сборник верлибров опубликовал в онлайн-журнале «гУрУ», рассказы — в журнале «Чайка» и сборнике «Ризома. 66 похитителей снов».

ДИЧЬ

Часть №1. Город

«Вот бы вас, блядей, СПИДом позаражать».

Мысли в моей голове подобны птицам: колотятся о стены, измазанные гуано, истошно орут и дохнут. Я сделал из черепной коробки зеркало Гезелла: данные проходят внутрь, но никто снаружи не понимает, что там происходит. Прозрачные стены с одной стороны, тёмные мысли с другой.

«Вот бы вас всех, блядей, СПИДом позаражать».

В метро я вижу, как люди с пёсыми головами трут носы памятникам. Я думаю, что было бы классно натереть тряпочкой с вирусом СПИД-а эти блестящие носы. От их света хочется кривиться, и я кривлюсь. Вот бы вас, блядей, всех...

Меньше слов — пора идти, меня ведут ненависть и бесконечная изжога. Встаю на эскалатор, который карабкается на очередной холм этого города. Я слышу, как стонут и повизгивают его механизмы. Мой дорогой, мой крепостной, не плачь: ты переживёшь многих, кто сегодня топтался по тебе.

У метро стоит истукан марабу, давний друг — знакомы то ли три года, то ли десять, то ли семь. Он озяб, кусачий ветер сегодня двигает краски строго горизонтально. И мой друг хочет ванную.

— Мне нужна ванная похолоднее, такая, чтобы слегка парила — парила точно! — хочу такую ванную, чтобы аж парила! Кипяток! Мне нужна полная ванна кипятка!

Молча ускоряю шаг, марабу втискивается в пространство рядом со мной. Город вокруг выглядит как естественное продолжение серого неба. Ряды высоток подпирают облака, протыкают их, и грязь, скопившаяся над нашими головами, потоками льётся по стенам домов, уходит в канализацию, чтобы затем смешаться с подземными ручьями, испариться и снова набухнуть облаками. Бесконечный цикл грязи, стекающей по моему когда-то оранжевому плащу.

Бьюсь о гранит, за которым вязкая субстанция, в прошлом считавшаяся рекой. Слева мост, справа мост, на тротуаре полоумная — глаза в кучу, слюна по щеке, французский берет — лезет в коляску.

— Это нямка, — она дёргает левой рукой с огрызком яблока, — повторяй, дорогой, ням-ка. Ня-я-я-я-ям-ка-а-а. А вот это, — вступает правая рука, там зажат дохлый голубь, — бя-ка. Бяка! Бя-я-я-я-ка-а-а! Повтори, ня-я-я-ям-ка-а-а и бя-я-я-ка-а-а.

— Выбор между едой и любовью, если голубь означает это, сам по себе идиотский, мама, — звучит в ответ из коляски. — Ты должна знать, что мне в таком возрасте важно не яблоко, мне нужен мой собственный взрослый, а лучше двое — люди, которые научат меня жить в этом мире. Твой огрызок, если тебе угодно, можно сравнить с безусловным базовым доходом: идея не сработает, если будет отсутствовать эмоциональная поддержка индивидуума. Ты просто сожжёшь ресурсы впустую, и на земле станет одним несчастным больше. Если я буду только жрать, а не взаимодействовать с любимым человеком, это неизбежно приведёт меня к психологической травме. Слышишь, мам? Неизбежно! И ещё — ты думаешь только о том, как набить брюхо, но тебе стоит мыслить шире. Капитализм, мама, вот что должно нас тревожить. Если мы хотим быть счастливыми и жить в любви — капитализм должен умереть.

Полоумная мать щебечет.

— Конфетку, сыночек? Ты хочешь кушать конфетку? А хочешь зефирку? Кушать?

Из коляски доносится тяжёлый вздох, и спустя пару секунд младенец опускается до уровня взрослого.

— Уа-а-а-а, уа-а-а-а, люли-люли, ням-ням.

120

Бам! С моста в реку упал автомобиль, оставив дыру в ограждении. Из коляски выглядывает ребёнок, он с интересом смотрит на то, как машина идёт под воду. Я смотрю тоже. Остальные как будто не видят. В машине женщина, она поднимает автомобильные стекла и смотрит, как мир уходит от неё вверх. На помятом капоте нарисована рука, сжатая в кулак, символ борьбы. Мы с ребёнком тоже устали бороться, нам легко её понять.

— Двенадцать, — меланхолично произносит друг. — Уже двенадцать, а раньше было меньше. Здесь что-то не так. Хотя, по-моему, всё нормально.

Понимаю, что ещё сутки в этом городе — и я сам превращусь в серую картину, написанную масляными красками. Шагну в эту змееобразную субстанцию, когда-то бывшую рекой. Спасую, как ребёнок пасует перед сумасшедшими по принципу старшинства.

Задираю голову и начинаю сдирать висящие в воздухе лозунги давно прошедшего времени. Склеиваю их воедино.

— Мне нужно в народ. Там поприще, жизнь, там знания. Здесь тоска и бессилие, значит, надо к народу. Он знает, как служить, он знает, как вести дела.

— О чём ты?

— Уезжаю. В деревню, — чувствую, как мои ноги наливаются силой,

достаточной, для короткого рывка.

Спустя много зажмуриваний я у вокзальной кассы. Простуженный марабу остался рядом с замёрзшим гранитом, передо мной стекло с роботом по ту сторону. Робот интересуется, куда мне. В деревню? В какую деревню? Да, их много, и наши автобусы ходят в 35% доступных деревень, до прошлогодней оптимизации маршрутов ходили в 76%. Так вам в какую? Не морочьте голову, в какую любую? А вам зачем? Что значит не моё дело? Сами вы железяка бездушная, я сейчас охрану позову.

— Алло, алло, Иваныч? Так что там с моим мизинцем? — громко кричит в телефон мужчина рядом, явно рабочий с завода. Оба мизинца у него на месте. — Да-да, повторяю запрос. Что? Там? С моим? Мизинцем? Что ты мне за него дашь? Повышение или прибавку к зарплате? А может заодно пересмотреть размер моей пенсии? Нет, это я не могу, я указательный на правой отдал уже, чтобы не идти на войну. Выбрать что-то одно? Как насчёт пенсию пораньше и побольше? Я не торгуюсь, Иваныч, я интересуюсь. Ты же начальник цеха, я тебе свой мизинец отдам, а ты мне что?

Робот почти незаметно подкидывает мне билет, сразу видно — обучали на датасетах МВД. Предлагаю машине в качестве платы свои радужки, она брезгливо отказывает: роботы не хотят видеть этот мир моими глазами. Роботы не хотят понимать живых. Особенно тех, которым в последнее время не по себе. Роботов легко понять, в отличие от собственных сородичей.

Крупа из двуногих скручивается водоворотом и уносит меня в случайный автобус. Я падаю на первое попавшееся сидение. Я засыпаю.

Часть №2. Тополь

Скрип тормозов, автобус резко останавливается, бьюсь лбом о сидение передо мной и просыпаюсь — пора выходить.

— Туда заезжать не буду, чего я там не видел, — водитель автобуса чешет голую ляшку, одежды на нём негусто: рваные кеды, трусы в мелкий синий горох, подранная под мышками тельняшка, военная фуражка с приклеенным вручную логотипом Pepsi. — У меня впереди ещё десяток таких деревень, все одинаковые. Тебя, Сашок, завтра отсюда же заберу, в 6 утра буду.

— Я завтра сюда не приду, — решительно отвечаю. — У меня тут двоюродная бабка живет, останусь у неё навсегда, буду жить, корову заведу. Или козу.

— Ну с козой завтра приходи, только не опаздывай, Сашок, — дверь захлопывается, и водитель уезжает.

Вдыхаю сладковатый воздух, он явно не помещается в мои прокуренные городские лёгкие. Воздух катается по трахее, щекочет меня

изнутри, выдавливая из тёмных глубин забытую влагу. В городе я не плакал, — может, никогда не умел, а может, разучился в детстве, — сейчас же внутренний интроверт, заблудившийся в коридоре депрессии, старательно мимикрировал под социальную особь. Мне становится невообразимо жаль, что я не Сашок.

— Либертен! Либертен!

Оглядываюсь, кто столь грубым и негалантным способом прервал моё единение с природой. На въезде в деревню стоит высокий тополь, к нему привязаны качели, на качелях сидит дед в телогрейке и валенке на левой ноге. Сидит высоко, метра три над землёй. У него в руках баян, на котором он наигрывает «Интернационал» и порой невпопад орёт:

— Либертен! Либертен! Даёшь им свободу! Либертен!

У тополя стоят три мента, распознаю их сразу: самый толстый — это главный, потоньше — заместитель — и худющий помощник. Задрали головы, смотрят на деда с баяном, переговариваются.

— Нарушает, — вздыхает главный.

— Совершенно с вами согласен, — поддакивает зам. — А что именно нарушает, товарищ капитан?

— Не знаю, вроде ничего конкретного, но явно нарушает.

— И моё сердце тоже чувствует, товарищ майор, что нарушает, — вступает в диалог тростиночка. — Но высоко, не достанешь. И захочешь взять у него показания, то как его на стул посадить?

— Опять же, сидит. Но не там, где положено, товарищ подполковник, — повышает ставки заместитель. — И язык явно иностранный.

— Язык не наш, товарищ полковник, — соглашается помощник, — все слова непонятные.

— Либертен! Либертен! Даешь свободу, либертен!

— Товарищ архиполковник, я совершенно уверен, пора принимать меры!

Помощник начинает похрюкивать над выражением «архиполковник», но быстро осекается. Старший поворачивается спиной к тополю и поочерёдно смотрит в открытые рты своих подчиненных.

— Думаю иногда, что от одного из вас было бы больше пользы, чем от двух сразу. Но сейчас вы мыслите верно, потому что, — он выпятил грудь и поднял вверх указательный палец правой руки, верный признак того,

что сейчас будет пафос. — Потому что, дорогие коллеги, наша задача — сделать улицы и жизнь граждан безопасными. А чем больше преступников за решёткой, тем меньше на улице негодяев. Следовательно, чем больше граждан там, тем безопаснее жизнь тут.

— Либертен! Либертен! Мы всё просрали, как всегда-а-а-а!

Помощник и заместитель достают блокноты и начинают бешено строчить: записывают светлую мысль начальника, который уже деградировал до генерала. Я не могу вспомнить дорогу к бабке и размышляю, стоит ли спросить у ментов или лучше не рисковать своей жизнью лишней раз. В это время рядом, будто бы из ниоткуда, материализуется весёлой мужичок: глаза в разные стороны, одет беспорядочно и пёстро, между ушами блуждает то ли улыбка, то ли оскал, сразу не разберёшь.

— Коленька, ты ли это?

— Допустим.

— А я тебя сразу узнал! Помню, как ты к бабке своей двоюродной приезжал, совсем был мальцом, мы тебя ещё всем селом травили, камнями кидались и крапивой хлестали. Хорошо, что вернулся! Я вот теперь стал председателем колхоза, главный тут!

Зовут меня точно не Коля, детство своё я тоже не помню, в остальном всё сходится. Может, и правда это меня они тут ненавидели? Было бы неплохо, ведь тогда выходит, что я объединил целую деревню, помог людям найти смысл в жизни. А может, не было ничего, и этот косоворотый просто спятил, как и все мы. Надо же, ничего не помню, меня лет до 14 будто не существовало.

— ...а ты ловок, сразу нашу главную достопримечательность нашёл, — слова льются изо рта председателя. — Раньше-то мы были совхозом «Путь Ильича», как ты помнишь, но когда это было? Но теперь всё, теперь время другое — быстрое. И надо ему соответствовать, от времени не убежишь! Так что решил я, будем мы строить русскую Шотландию!

— ...в дрянце по шее, Либерте-е-е-ен!

— Почему Шотландию?

— А что не так?

— Ну обычно русскую Швейцарию строят. А вы Шотландию взяли. Почему?

— А я читал в энциклопедии, была у нас такая книга в библиотеке, пока вместе с ней не сгорела, много у нашей деревни с Шотландией общего. У них озёра, и нас по весне речка регулярно топит, у них есть чудовище Лох,

у нас тоже вот, свой чудо-лох на дереве, — он кивает в сторону безумного баяниста. — Будем вокруг него строить свой туризм, привлекать городских, ну типа тебя, напечатаем путеводители.

— Как мне к бабке пройти?

— Бабок будет гора, клянусь! Всем хватит!

— ...не мешки ворочать, Либертен!

После слов о бабках ментовская троица не сговариваясь разворачивается и начинает семенить в нашу сторону. Свиные рыла вытягиваются в волчьи, значит, пора валить — я оборотней на дух не переносу.

— Идти мне, говорю, куда?

— А, — очухивается от мечтаний председатель совхоза. — Да вон туда, по этой улице, возле разрушенного зернового двора направо свернёшь, а там топай на дым из трубы — и не заблудишься. Бывай!

Часть №3. Соль

— Феденька, подай соль.

124

Моя двоюродная бабка под старость заделалась полоумной. В доме постоянно топится печка, а она сама только и делает, что крутится у кипящего котла. Вот и сейчас режет какое-то очередное мясо, скорее рвёт зазубренным ножом волокна. Морщинистые руки полностью красные от крови.

— Мы голодали, зато вы не будете. Всем еды хватит, всем, всем наварим... Соль, Федя!

Я, конечно же, не Федя. Мерзкая жижа в кастрюле кипит и смердит уже пару часов, но никак не приготовится. Соли тоже не видно.

— Ох, как мы голодали, Федя... Всегда, всегда голодали. При Сталине, я тогда ещё девочкой была, осоку ели — слава Богу, отца в лагерь забрали, на один рот меньше. При Хрущёве, как сейчас помню, в огороде крапива хорошая пошла, мы из неё супы варили и в банки закатывали. Лучше всего жилось при Брежнев: мужу тогда, твоему деду, удалось в колхозе курочку украсть, такую жи-и-ирную-ю-ю-ю, месяц ещё косточки обсасывали. Мы много голодали, Феденька, много, да... Помню, нам дали от колхоза собственное поле, а его вода залила, и весь урожай пропал. Я над сгнившей картошкой плакала громче, чем над своей дочкой, когда та от туберкулёза истлела. Детей я ещё нарожаю, а вот картошку где взять? Как же страшно голодать, ты не представляешь, как же не хочется.

Она снимает крышку с котла и сыпет туда порванное тупым ножом мясо, после чего достаёт из холодильника новый шмат, кровавее предыдущего, и начинает яростно терзать его. Дед умер недавно, то ли год назад, то ли восемь. И я подозреваю, что не весь он доехал до кладбища, часть отправилась в этот кипящий вечноголодный котел.

— Но ничего, мы своё отголодали, теперь всех накормим, все-е-е-ех... Только соль нужна, Феденька, — она впервые поднимает на меня свои глаза, и я вижу там глубоко укоренившееся безумие, — без соли никак. Сходи, в огороде посмотри, может там соль есть? Заодно травок нарви, каких-нибудь пахучих.

Резко встаю и выхожу в дверь, из избы ещё некоторое время доносится: «Всем еды хватит, всем-всем наварим». Чтобы пройти во двор, достаточно нескольких шагов, далее калитка, вкопанная в грязь. Обхожу её и выхожу на огород.

Но есть одна проблема: передо мной овраг. Никакого огорода нет и в помине.

У края оврага стоит толстая пожилая женщина. Она щурится, глядя в кусты малины, которыми покрыты склоны. Подхожу к ней и тоже начинаю щуриться, ищу соль, но её нигде не видно. Осоки не видно тоже.

— А мы ваши соседи, — начинает очередной бессмысленный диалог женщина. — Вы тоже их ищете?

— Да, — говорю я, — мы тоже их ищем. Кого?

— Домовых, домовых. Сбежали они, все как один сбежали, не хотят больше о нас заботиться. А молодёжь в них не верит, да и в нас тоже. Одни мы остались, совсем одни-и-и-и, — на этом соседка берет неприлично высокую ноту, будто бы хочет разбить стекло, и прячет угреватое лицо в чёрные от грязи ладони.

— Лёва, привет! — поворачиваюсь на жизнерадостный голос: передо мной стоит сияющий от счастья председатель колхоза, под левым глазом синее свежий бланш. Значит, прихожу я к неизбежному выводу, кто-то из ментов правша. — У тебя нюх, он как у орла! Опять нашёл нашу главную достопримечательность!

— Эту? — поглядываю на плачущую соседку.

— Именно её, наш горнолыжный спуск! Ты тут давеча говорил, что нужно строить русскую Швейцарию, так всё сходится — это мы! Вот здесь, — он указывает рукой на малиновые кусты, — сделаем горнолыжный спуск. Вон там будем водку продавать, а рядом казначейство, чтобы деньги хранить. Туристическая жемчужина!

— Думаешь, получится?

— Конечно получится, осталось только дожждаться, когда снег выпадет, а мы его лопатой разравняем!

— И лопата есть?

— Украдём в соседней деревне. Я тебе так скажу, Лёва, — он переходит на шёпот, — горнолыжный курорт у нас обязан получиться. Потому как я теперь на счётчике, господам полицейским денег должен. Они говорили про какие-то фээз, грозили каким-то укой, я ничего не понял, но было страшно. А я бояться не хочу, меня, Лёва, страх очень пугает. В общем, — к председателю возвращается его привычный звонкий голос, — буду я тут сидеть и снега ждать. Как снег посыпал, так, считай, и деньги пошли.

На этих словах он запинается за куст малины и кубарем скатывается в овраг. Мы с соседкой молча смотрим вслед. Размышляю, стоит ли рассказать ей о том, что я не Лёва.

— Ненавижу свою спину, — внезапно говорит женщина. — Раньше мне её домовой разминал, а теперь она только и делает, что болит. С утра до вечера болит, даже ночью. Может, хотите её купить?

— Не думаю.

— Я недорого возьму.

— Лучше скажите, у вас соль есть?

— Вы всё о своем... сходите к нам домой, — она машет в сторону, — там мои оболтусы сидят, дадут вам соли. А я ещё тут постою, повыглядываю. Может, вернутся наши домовые?

У её дома меня встречает щуплый пацан в грязной футболке и подгузнике. Зовут Мартын. Жил в городе, учился где-то и на кого-то, затем вылетел и вернулся к маме.

— Энд, ю ноу, мне здесь прям зашибись, бразе, — чешет пах Мартын, — свежий воздух, литералли легче дышать, дальше от города — меньше проблем. Мы же должна жить в кайф, ю фил ми? Жить в кайф! Евриван!

— ХОРОШ, ЧЁРТ! ХОРО-О-О-О-О-ОШ! — Доносится из их дома. Кажется, ревет чудовище, но я не подаю виду, мало ли этих чудовищ было в моей жизни. Мартын морщится, но тоже делает вид, что ничего не происходит.

Сын соседки говорит много и путано. Становится понятно, что сказать ему на самом деле нечего. Прерываю поток мысли и спрашиваю, где соль.

— А-А-А-А-АТ, ССССУКА!

Неизвестная вопящая мразь начинает привлекать моё внимание — очень хочется зайти внутрь и посмотреть, что же это. Юноша в грязном подгузнике готов выступить провожатым. По его словам, если и есть где-то соль, то только в доме.

Окна зашторены, и я жду, когда глаза привыкнут к темноте. Спустя некоторое время различаю кресло, в котором сидит старик: яйцеголовый, полукруг лысины, крючок носа будто бы вкручен в обветренное лицо, тонкие губы, руками с выпирающими венами цепляется за ручки кресла. Одет в футболку с надписью «Titanik» и растянутые на коленях спортивные штаны, на ногах тапочки. На стене над его головой на левом ухе висит будёновка, красная звезда перевернута вниз. Старик смотрит в аквариум, его глаза белее молока.

— Батя ослеп, — шепотом будто бы извиняется Мартын, — выпил какой-то паленый самогон и ослеп. Теперь круглые сутки сидит в кресле.

— КУДА ЖЕ ВЫ, БЛЯДИ, А?!

— Зато нас с мамкой больше не бьёт, — утирает внезапную соплю Мартын. — Знал бы, что такое случится, давно бы его напоил каким-нибудь говном... Впрочем, щит с ним. Вот ю вонт, мейт? Если я райт помню, соли?

Разочарованно вглядываюсь в чудовище. Я ждал что-то краснокнижное, а оказалась самая банальная разновидность. В наше время живая курица удивительнее тирана. Перевожу взгляд на аквариум и смотрю в глаза краснопузой рыбины, дрейфующей вдоль стекла. Этот взгляд я знаю издавна. Рыба сдохла.

— ДА ЧТОБ ТЕБЯ РАЗЪЕБАЛО!

— Держи, бразе, — из кухни приходит дурачок в подгузнике. В руке он держит мокрую пепельницу, полную крупной соли. Хочется сказать, чтобы он проветрил их пещеру, чтобы снял подгузник, что живущее здесь чудовище теперь не испугает даже рыбу. Но вместо этого я беру пепельницу и просто ухожу.

Часть №4. Школа

Магазин маленький, но строгий: вдоль стенок идут четыре ровные полки, на которых стоят продукты. Очень хочется жрать, а бабкино варёво никак не приготовится. Поэтому я пошёл в магазин, он в деревне один остался, когда-то их было три. Кроме меня в магазине сутулый тип непонятного возраста и полная продавщица с фиолетовыми глазами.

— Антоша, посторожи кассу, я сейчас, — продавщица снимает фартук и исчезает. Мы остаемся вдвоём с сутулым (повадками он напоминает

чёрта). И я замечаю, что на продуктах нет цен, ни одной.

— А еще они все протухли, — материализуется у меня под мышкой сутулый чёрт. Он смотрит на меня снизу вверх, приоткрыв рот. Рогов на голове не видно, значит, недавно спалил. — Сколько я тут покупаю, столько здесь торгуют протухшим. А знаешь, кто виноват? Они!

Я хотел назвать постельных клопов. Нет злее на земле существа, чем постельный клоп. Разве что люди, но их я давно вынес за все возможные рамки — люди равны только самим себе. Загадочные «Они», свившие улей в мозгу собеседника, явно не люди.

— Ведь именно они строят интернет Тел, чтобы объединить его с интернетом Вещей. Ты же помнишь, ещё столетием назад человек, подключённый к интернету, был невозможен. А что теперь? Кардиостимуляторы, умные часы, умные колонки, таблетки с электронными сенсорами внутри, бионические технологии давно стали реальностью. И кто за этим стоит?

— Они, — послушно отвечаю я.

— Почти! Пока интернет Тел только собирает данные, но вот увидишь, уже скоро устройства станут двуполосными, смогут менять наши тела. Они изучают, как мы существуем, но кто имеет доступ к этой информации? Для чего её будут использовать? Могут ли ее использовать во вред?

— Могут.

— Вот видишь! Это же всё подтверждает! Они строят интернет Тел, чтобы потом подключить его к интернету Вещей. Они взломают нашу божественную ДНК, каждый человек на планете станет вещью. Они хотят охватить своей Сетью весь мир, чтобы потом словить ею нашего русского Бога! И убить его! Убить нашего Бога!

— А кто за ними стоит? Не могут же они сами по себе всё делать.

— Пошли ко мне на урок, сам всё увидишь!

— Ты учитель?

— Учитель информатики — другие в эту глушь ехать отказались. Тут вообще проблема с кадрами, поэтому мне одновременно приходится преподавать патриотизм, Слово Божье, защиту от сглаза и учить, как смешивать составляющие для коктейля Молотова. Если уж мы тут с тобой совсем нараспашку, то знай: других учителей в деревне нет.

— Еда будет?

— Хлебный мякиш.

Хлебный мякиш меня устраивает, поэтому я выхожу вместе с учителем. Продавщица с фиолетовыми глазами стоит на улице и слушает ветер — тот шепчет ей, в каких странах он бывал и что там видел. Женщина счастливо жмурится.

— Пока, Антоша, — машет она мне рукой. Буркаю, что я не Антоша. И даже не Антон.

Двухэтажная школа стоит в аккурат у кладбища, которое кажется её логичным продолжением. Большинство стёкол в ней выбито, входной двери нет. Когда-то давно она была белой, но сейчас цвет ближе к скандинавскому серому, если бы скандинавы ненавидели себя и свою жизнь.

— Веничка, дорогой! — вездесущий председатель колхоза мчится к нам, потирая шестипалые мохнатые руки. — Как хорошо, что я тебя нашёл.

— Как?

— Очень, очень хорошо! Прямо сейчас презентую тебе свою новую идею, мы с господами полицейскими тут надьсь покумекали, — замечаю новый бланш у председателя, уже под правым глазом. Видимо, мент амбидекстр. — В общем, туристы могут приехать, а могут и не приехать, дело ненадёжное. Надо ориентироваться на собственных жителей. Поэтому будем мы все вместе строить в деревне русский Китай. Нужно соответствовать быстрому времени, от них убежишь.

— От него.

— Интернет Тел будете строить, — влезает в разговор чёрт.

— Это как полицейские скажут. Если скажут, то и цифровой лагерь тут возведём, на радость местным. А начнём, как известно, со школы, всё оттуда начинается. Представь, покрасим школу в красный цвет, застеклим окна, новые учебники напишем — всё сразу заработает.

— А деньги откуда возьмёте? — подозрительно щурится учитель.

— Деньги из города пришлют, думаю, завтра. Ну, самое позднее — лет через 12, — председатель дергается в радостных конвульсиях, вот-вот изо рта пойдёт пена. — Осталось подождать, перетерпеть — и будем жить в раю!

На радостях он начинает хлопать руками и шагать взад-вперёд, после переходит на жужжание. Сутулый хватает меня за руку и тащит внутрь разбитого здания. На ходу формулирует: заходим в класс, я здороваюсь (он нет, учителю не положено), после чего переходим к официальной части — моей лекции. Я должен разъяснить детишкам насчёт полетов человека в космос. Судорожно вспоминаю, что я знаю насчет космоса — там пусто, там холодно, там тихо. Стремглав преодолеваем отсыревшие коридоры с полопавшейся краской на стенах, попутно обходим вспученные полы и уворачиваемся от

пары оборзевших жирных крыс. Рывком открываем дверь класса.

— Здравствуйте! — Зачем-то кричу запыхавшийся я.

Могильная тишина. Передо мной пустой кабинет, парты аккуратно выставлены в три ряда, классная доска стоит на полу, её прислонили к стене. Окна в классе выбиты, как и везде в школе, сквозь дыры в стеклах посвистывает гуляка-ветер. Сутулого эта картина, кажется, не смущает.

— Итак, дети, сегодня в расписании у нас стоит история, но какая может быть история с современными технологиями? Как изменилось это понятие, или как его изменили мы, люди? Ведь в наше время в историю попадает каждый, кто родился, каждый, кто регался в социальных сетях. Человеческая история сейчас напоминает улей наоборот: миллиарды обленившихся трутней, стенающих на все лады о смысле своей жизни, пока машины делают их работу. Кто-то даже находит смысл жизни в воспоминаниях, чудики... многие из нынешних воспоминаний созданы машинами. В общем, история в наше время — это подлость, поэтому вместо неё будет лекция «Летал ли человек в космос», которую расскажет наш гость, как же вас там... неважно! Важно что помнить? Правильно, дети! Важно помнить, что космоса на самом деле не существует. Итак, давайте!

Последняя фраза явно адресуется мне. Скользю взглядом по пустым партам и пытаюсь придумать, с чего начать свой рассказ — хочется быть точным, умным и общественно значимым.

130

— Если поднять голову вверх, то становится понятно, — поднимаю голову и вижу осыпавшийся потолок, — ммм... становится понятно и до болезненного очевидно, что...

— ...что космос — это выдумка! — воодушевлённо поддерживает учитель. — А всё, что вы за него принимали — это либо художественное кино, либо откровенная липа и постановка, которую сняли где? Правильно, ТАМ! Лекция окончена, давайте похлопаем гостю!

В пустом классе звучат гулкие одиночные хлопки, напоминая выстрелы в спину. Мне всегда говорили, что с учителями не спорят. И я не спорю. Тем временем сутулый демон суетится, ему нужно начинать урок.

— Сегодня мы будем учиться делать четки, — он носится вдоль парт, раскладывая на них хлеб и проволоку. — Дело важное, в будущем пригодится. А мечты о несуществующем космосе оставим дурачкам, которые верят в историю.

— Слушай, где бы мне поесть? — спрашиваю шёпотом, чтобы не мешать уроку.

— Еда... сходи к Ульяне, она в хрущёвке рядом живет, — чёрт замедляется. — Мне иногда кажется, что мы с ней вообще единственные

люди на всё село, больше тут никого не существует. А Ульяна есть, я её точно видел. Только странная она, ненормальная, вещь в себе.

Аккуратно выхожу из класса, стараясь не скрипеть дверью.

— Мы же переходим к литературе. Запомните: лучшая метафора, на данный момент изобретённая человечеством, это виртуальный мир, — слова гулким эхом отражаются о стены пустого класса. — Также из литературных приёмов явно выделяются гипербола и эвфемизм. Например, вместо «чёрт» разумнее произнести «лукавый» или «нечистый»...

Часть №5. Гамбург

Однокомнатная квартира увешана велосипедными камерами.

— Это мои камеры наблюдения, — улыбается растрёпанная девушка.
— Стараюсь, чтобы у меня дома всё было, как в лучших городах мира.

Эта квартира — единственная жилая в трехэтажной хрущевке, самом высоком здании деревни. На кухне в полу виднеется дыра размером с баскетбольный мяч, а кровать, стоящая в комнате у стены, сломана чётко посередине. На переднем плане розовощекий подросток Ульяна. Она напоказ пышет здоровьем и счастьем, мне становится понятно: суицид стучится в её дверь.

— Я мечтаю уехать в Гамбург, где дома □ стоят у воды. Вы были в Гамбурге? Я так счастлива, что вы ко мне зашли, я так редко принимаю гостей, — она без остановки щебечет, будто боится тишины. — Гамбург, такая красивая мечта... Правда, я не умею плавать и не люблю оленей. Как в их домах помещают олени, как вы думаете? Я читала, что немцы обожают разводить оленей.

— Наверное, вы имеете в виду ненцев.

— Немцев?

— Ненцев, то же слово, только третья буква «Н». Как в слове «кончина».

— Ненцы, как чудно... никогда не слышала. Даже не думала, что в Гамбурге могут жить ненцы. Вы знаете Мартына?

Переход настолько резкий, что я теряюсь. Ну конечно, подсказывает мне мозг, мы знаем Мартына. Мы видели его, это такой грязный дурачок в подгузнике, который любит своих родителей и боится их покидать. Однажды он убьёт своего отца, продолжает мозг, а свою мать будет оплакивать до конца дней и искать похожую на неё. Ты на неё совсем не похожа, Ульяна, на этой помойке жизни ты самый необычный и красивый цветок, взошедший вопреки всем правилам и наперекор здравому смыслу.

Я молчу.

— Все в деревне говорят, что мы должны жениться. Правда, мы никогда не видели друг друга, но разве это помеха? Я думаю... Нет, я уверена! Я уверена, что Мартын — это славный рыцарь с гербом в виде рыбы.

Разочарование — неизбежность жизни. Меня разочаровывало многое, однажды это удалось даже мёртвому. Было теплое время года, и я увидел мёртвого дядьку на улице. Помню своё негодование по этому поводу: не мог он дома умереть, чтобы никто не видел? Нет же, надо у всех на виду! С таким же успехом можно опорожнить кишечник в огромном торговом центре, внутри которого установили аквариум. Там плавают живые рыбы, которые смотрят на живых людей. Говорят, тот торговый центр построили на бывшем военном аэродроме.

— Вы случаем не знаете, сейчас нет подходящей войны? Я так люблю войны, — Ульяна от восторга прикрывает ладонями рот, — они так романтичны. Мой Мартын мог бы отправиться на войну и проявить доблесть! А какой сегодня год?

— Я точно не знаю, но мне кажется, что война идёт всегда. Как и годы. Ульяна, вы сможете меня покормить?

132

— Конечно, присаживайтесь, — она делает грациозный полукруг рукой, который подразумевает «Будьте как дома, странник, сейчас я вас досыта накормлю, а затем уложу к себе в теплую постель и буду любить вас так долго, пока вы не отключитесь и не заснёте от усталости». Меня всегда привлекали девушки на грани самоубийства, в них проявляется что-то неподвластное эволюции.

Ульяна достает из полупустого холодильника кусок арбуза, мажет его сметаной и солит, а затем протягивает мне: угощайтесь. Судя по запаху, сметана пропала ещё пару недель назад. Из вежливости откусываю кусочек — невероятная мерзость, выплюнь это и никогда не ешь! — проглатываю через силу и возвращаю. Так и сидим друг напротив друга: две фарфоровые куклы с нарисованными улыбками, почти люди, но не совсем.

Я всю жизнь тревожусь из-за тех вещей, которые полюбил. Взрослые (те самые настоящие взрослые) рассказывали, что, будучи пятилетним мальчиком, я постоянно выбрасывал из окна квартиры игрушки, к которым привязывался. Меня за это регулярно наказывали, и тогда я научился подавлять свой страх привязанности, проявлять его менее ярко. Вот и сейчас я выдерживаю паузу, прежде чем сбежать.

— Ульяна, вы не знаете, где достать козу? Очень хочу ухаживать за козой.

— Конечно! У меня есть одна знакомая козочка, совсем молоденькая, по ночам пасётся на могилах. Я её сегодня найду и обо всём договорюсь.

Приходите завтра утром к автобусной остановке, знаете, где она? Я отдам вам козу, а сама уеду в Гамбург! Или поедете вместе?

— Обязательно, Ульяна, я всегда мечтал повидать ненцев, — с этими словами выхожу за дверь и чётко осознаю, что розовощёкую мечтательницу я больше не увижу никогда.

Часть №6. Коза

Просыпаюсь рано утром, ещё затемно. На диване лежать неудобно: в спину постоянно что-то втыкается, то ли старые пружины, то ли кости мертвецов. Мне неуютно и холодно, к тому же хочется есть. Проверенное средство от голода — покурить. Вылезаю из-под простыни и одеваюсь. Бабка спит на кухне, свернувшись калачиком у печки, в котле булькает варево. Старуха сквозь сон шепчет заклинания.

— Ловись, рыбка крупная и мелкая. Дивись, чудо редкое и лепное. Пошли, Господи, нам любое горе. Лишь бы было что на стол. Ловись, рыбка крупная и мелкая...

Я выхожу из избы, подхожу к забору и облакачиваюсь. Осталось достать сигарету из помятой пачки и закурить — плёвое дело для того, кто на прошлой неделе в очередной раз бросил никотин. Почти не смущаясь самого себя, подношу зажигалку и замираю: из темноты доносятся странные звуки. Что-то скрипит, булькает и хрипит одновременно.

— Кто ты?

— Леший, — отзывается темнота. Ну слава Богу, что не человек.

— А ты чего по деревне бродишь, леший? Чем тебе лес не угодил?

В ответ на меня льётся поток стенаний: леший начинает причитать, что ныне в деревне тише, чем в его уютном лесу. Оказывается, в его угодах с прошлого года вырыли тысячи землянок, в которых ютятся мужики, бежавшие из городов. И землянок этих так много, что они превращаются в один бесконечный лабиринт, в котором даже леший может заблудиться. Ещё и мужики эти постоянно что-то ломают, жгут костры, воруют друг у друга еду и массово трахают сырую землю.

— Задолбали они, до смерти задолбали, — изливает мне душу темнота. — Вот я и сбегая сюда после захода солнца, чтобы душу отвести, побродить в одиночестве.

— А мне что делать? — звучит вопрос. Кто это спросил, кто настолько отчаялся, что советуется с природой? Неужели это я?

— Исчезни, сделай планете добро, — ругается в ответ невидимый леший.

— Так куда ж я исчезну? Я родился и существую, пусть не просил об этом никого. Но теперь я стал часть мира, и как ты избавишься от факта моего существования?

— Запросто избавлюсь, тут куда ни глянь — отличное место для могилы. Замерзай, ямщик, кладбище у нас большое. Самое большое в мире.

— Я не хочу умирать в деревне, меня бабка пустит в суп.

— Эта полоумная, что деда своего сварила? Она может, — соглашается темнота. — Не знаю, не знаю, что тебе делать. Делай что хочешь, только от меня подальше.

— Значит, надо возвращаться в город?

— Значит, надо, — после этих слов скрипение начинает удаляться. Немного подождав, я открываю калитку, выхожу и аккуратно закрываю её за собой. С бабкой мне прощаться не хочется, вещей я с собой не брал, остаётся просто уйти.

К автобусной остановке прихожу уже засветло. Деревня окутана туманом, из которого выступает каменный навес с деревянной лавочкой у стены. К лавке привязана коза чёрного цвета, совсем молоденькая. На шее у неё плетеный шерстяной ободок, к которому приколата розовая бумажка — записка от Ульяны. Я смотрю в глупые навывкате глаза козы. Они напоминают гигантские блестящие бусины, в которых одновременно отражаются небо, земля и серый туман, плотно связывавший эти два полотна. Я вижу себя в глазах козы, пока она лижет мне руку.

— Серёжа, доброе утро, — снова председатель, видимо, он никогда не спит.

— Я, к сожалению, не Серёжа.

— Твоими молитвами! Уезжаешь? Жаль, не застанешь наше преобразование. Мы тут подумали... мы тут подумали... Будем мы возрождать «Путь Ильича». Денег нет, работы не будет, зато всё снова станет понятным и простым, как раньше. Может, однажды к нам снова придет какой-нибудь чужой ребёнок, будем его закидывать камнями и бить крапивой. Своих-то в деревне не осталось.

— Звучит толково.

— Вот и я так решил. Потом будет хорошо, и мы всё, что придумали, обязательно построим. Обязательно! Но когда-нибудь потом, не сейчас. Сейчас надо потерпеть.

Из тумана слышится урчание, и жёлтые фары автобуса режут кисель пространства. Автобус резко тормозит, раскидывая гравий в разные

стороны. Мы с председателем еле успеваем прикрыться руками, после чего в нас впадают острые камни. В козу ничего не попадает. Автобус шумно выдыхает и открывает дверь, с водительского сидения выглядывает мой старый знакомый. Сегодня к кокарде приклеена георгиевская лента, в остальном без изменений.

— Садись, гуляка, пора возвращаться.

Хватаю козу под мышку и тяну руку председателю. Тот в ответ отдаёт мне честь, разворачивается на 180 градусов и уходит строевым маршем в туман. Захожу в автобус, сажусь и разворачиваю записку, приколотую к ошейнику. Она звучит в моей голове странным, чужим голосом, будто бы Ульяна за одну ночь резко повзрослела, прожила тяжёлую, полную лишений жизнь.

«Эдик, я чувствую уверенность, что скоро сойду с ума. Я чувствую, что мы не можем пройти через это страшное время, и если я сегодня выйду, то уже никогда не вернусь. Это были волшебные фантазии, но сегодня праздник закончился и лампы погасли. Извинитесь за меня перед моим рыцарем, как жаль, что я не досталась ему. Прощайте, Эдик, я начинаю слышать голоса».

Сминаю записку, скармливаю её козе и откидываюсь на сиденье. Ничего удивительного не случилось, на самом деле Ульяна сошла с ума задолго до того, как научилась писать. Мне немного жаль её, но тот факт, что я не Эдик, расстраивает меня сильнее.

За окном проплывает сломанный тополь, качели валяются рядом, деда не видно.

— Куда делся баянист? — спрашиваю у водителя.

— Это который про свободу пел? — смотрит он в зеркало заднего вида. — Вознёсся. Давно уже собирался, но всё его что-то держало. А сегодня вот, вознёсся.

Логично, думаю я. Наконец-то хоть кто-то поступил логично.

Иллюстратор: Габриель Александр Бернадотт

№5 (август 2023)

АНДРЕЙ
ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ —
БЕЗБАШЕННЫЙ

Писатель, автор
сборника
юмористических
новелл «Верить в
себя!» (2018).

ОСКОРБЛЕНИЕ РАЗУМА

(новелла)

Семён Семёнович принципиальный был человек, но, улетая в командировку в Австралию, чувствовал себя что-то неважно. На то были причины! Одна — штрафы из ГИБДД, что называются королевскими (это когда на полную мощность, ой, просите меня, на полную сумму!), а другая — по его квартире на первом этаже двенадцатиэтажного панельного дома после того, как под домом прорвало трубу с горячей водой, прошла трещина, которая с каждым днём увеличивалась, и Семён Семёнович страшно боялся, что дом рухнет, и его насмерть завалит! И забудут о нём на следующий день.

— Я живой никому не нужен, а мёртвый тем более... — в самолёте грустил и печалился командировочный. Впрочем, в его душу закрадывалась маленькая надежда, что дом рухнет тогда, когда его дома не будет, но надежда была очень маленькая, так как всё у него было по принципу «Если кто-то и поскользнётся, то просто ругнётся, а он обязательно ногу сломает». Штрафы же приходили ему от души, с фотографиями: и машина вроде его, и номер машины, и цвет, но вот на багажнике и на капоте — наклейки, которых нет на его машине, всё это значило только одно, что у него есть машина-двойник, то есть точно такая, с такими же номерами, и владелец её это знает, только штрафы приходят к нему, от чего на душе у Семёна Семёновича было очень печально и как-то совсем неприветливо.

138

Перелёт до Австралии долгий, ещё с пересадкой — так перед самой Австралией Семёныч уснул, и ему снилась жена, которую он всё время пытал: «Скажи мне, моя дорогая, если меня, например, заберут в армию воевать за нашу отчизну, где я пропаду на три года, а то и четыре, скажем так, без вести, то... выйдешь ты замуж, или не выйдешь? А если вернусь, и ты выйдешь замуж, то как нам тогда быть?» Но сон до конца Семёнович не досмотрел, так как объявили посадку.

* * *

Работа в Австралии прошла гладко и быстро, быстрее, чем думал Семён абу Семёнович. Так, выпал ему день до отлёта, хороший и очень свободный, и он решил провести время на пляже в одиночестве, с джином объёмом 0,75 литров и крепостью 75 градусов, что, согласитесь, имеет значение! Уединившись в скромном углу австралийского пляжа, чтобы никто не мешал, с мыслей совсем не сбивал и смуту в душу бы не вносил, Семён Семёнович стал наслаждаться жизнью — до самого неприличия!

А австралийский пляж — это просто верх наслаждения жизни, особенно после того, как всё сделано! Это лазурный прибой, это южное солнце, это мягкий песок с мелкими камушками, это отдых от надоевших проблем... это та степень полёта души после купания в мировом океане, что если этот полёт усилить чуть-чуть джином (для начала самую капельку!), всё сразу возводится в пятую, нет, в тридцатую степень! А может, и в триста тридцать вторую! Человек очень странно устроен, так как мысли до бесконечности усиливать не может: по пути к бесконечности усиления он

либо отключится, либо куда-нибудь вяпается.

* * *

Вполне возможно, что день и окончился бы прекрасно, если бы (опять это проклятое сослагательное наклонение, что не имеет обратной силы!) Семён Семёнович вскоре не оказался в отделении травматологии австралийской больницы. Нет, его не укусила акула. Разговор, что произошёл в кабинете у травматолога, мы приводим ниже и для простоты понимания переводим с английского на русский:

— Милый мой батюшка, пострадавши за правое дело, да кто же вас так расписал, кто же вас так изувечил на пляже? — посмотрев на больного, всплеснул травматолог руками и как-то странно поморщился. — Места живого от вас не осталось: все рёбра поломаны сзади и спереди, и как вы ещё только дышите, даже Господу Богу не ясно! Вы словно в бою побывали! Одна радость, что память осталась. Пропали бы без вести в амнезии: при вас и документов-то не было, пролежали бы три или четыре года в приюте, пока память бы к вам не вернулась, и вашу личность бы не установили, за это время жена с вами развелась бы и замуж вышла. И как было бы вам поступить, если б вы вернулись? А как бы жена поступила, даже ей не известно... Ну, теперь расскажите всё по порядку: здесь без полиции не обойдётся. Ведь то, что с вами произошло — прямое оскорбление разума! — схватился доктор за голову.

Семён Семёнович тяжело вздохнул и начал рассказывать:

* * *

— Я человек по жизни принципиальный, в жизни всё — дело принципа! — снова тяжело вздохнув, начал больной. — Лежу я на пляже и загораю, ну, самую малость расслабился в одно лицо, так как рядом не было ни-ко-го, — заострил внимание бедный многострадалец.

— А выпили сколько? — спросил травматолог.

— Ну так, самую малость, даже джин ещё не допил... для русского человека это ничто! — витийствовал пострадавший.

— А дальше что было?

— А дальше пошёл искупаться, нырнул в океан, освежился, вернулся на место, где и лежал, а там на моём коврике лежит наглый мужик в шубе и фыркает от удовольствия. Я его ткнул пальцем в бок: экая наглость! Но он даже не среагировал, потом посмотрел на меня, глаза какие-то мутные-мутные, как с бодуна-бодуница. Ну, думаю, тяжело другу, наверное! Предложил ему выпить-опохмелиться, по-дружески, по-человечески.

— А он? — улыбнулся врач.

— А он ноль эмоций... Я ему — шубуними, жарко на улице, на

русском ему говорил и на английском, а он, ну... просто никак не реагирует! Как-то обидно мне стало, допил я бутылку, сижу вот и думаю, эмоции изнутри раздирают, клокают, словно вулкан, какое неуважение к русскому человеку? Мы русские — народ безобидный: сначала долго всё терпим, а после...

— А что было после, потом?

— Потом... и зачем я стал кидать в него камешки? До сих пор не пойму. С обиды, наверное. Кидал камешки и кидал — опять ноль эмоций.

— Ну а что было после?

— А после он вскочил как ужаленный, песку целую тучу поднял, и кэ-эк дал мне ногами! Я метров сто пролетел, после догнал, с хвоста отпружинил и снова кэ-эк дал мне ногами! Когда я от него убежал, ещё метров двести летел до самого океана!..

— А дальше?

— А дальше я оказался у вас.

— А он?

— А он убежал.

140

— М-да... — перебирал врач пальцами по столу, не зная, что делать и что сообщать в полицию. — Всё, что вы сумели запомнить, — мутный взгляд и был в шубе... Ещё говорите, с хвоста отпружинил? Наверное, вы перепили, — резюмировал врач, — хроникус-перепитикус с галлюцинациями, стало быть, белочка, — констатировал доктор. — Но то, что вас так хорошо расписали и конкретно отделади, просто по самое не балуйся, имеет значение, так как поступок ваш не одобрили.

— Доктор, простите меня, но... не я же лёг на его коврик на пляже, я, можно сказать, проявил благородство, просто камешками кидался, без тяжёлых увечий!

— М-да... — снова постучал врач пальцами по столу.

Тут Семён Семёнович взглянул на календарь, что висел на стене в кабинете у доктора, и увидел фотографию нападающего крупным планом.

— Доктор, он, это он, это его физиономия, прямо целый портрет, это он, мой обидчик, и шуба такая, и взгляд такой мутный! Тот, кто меня изнахратил! — ткнул пальцем в календарь Семёнович. — Это он, пусть его арестует полиция!

Доктор повернул голову на календарь — и вдруг затрясся от смеха. На календаре было фото кенгуру.

Виктор Михайлов с дочерью Машей

Виктор Михайлов

(1901–1990 гг.) **ДОКТОР**
технических наук,
действительный член Академии
архитектуры и строительства
СССР, член Американской
академии железобетона,
заслуженный деятель науки и
техники РСФСР.

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

(повесть)*

Глава 9. Моя первая тайна — Тамара

Тамара возникла передо мной внезапно, когда я пробирался сквозь малинник нашего сада. Малинник простирался вдоль забора завода «Лагидзе» до самой Западной улицы. Она сидела на корточках, так что полностью скрывалась в гуще малинника и ела малину. Застигнутая в траве, она вскочила и хотела убежать, но я крепко схватил её за руку и заставил присесть снова. У неё было смуглое лицо, чёрные, как смоль, волосы, стянутые в тяжёлую косу, и чёрные блестящие глаза, в которых уже стояли слёзы.

— Что ты здесь делаешь и откуда явилась в этот сад? — воскликнул я, крепко держа ее за руку.

— Генацвале¹, деда², — плаксиво прошептала она и рукой показала в угол нашего сада, где малинник примыкал к стене.

И я увидел в этом месте щель между стеной и могучим стволом акации. Щель была закрыта доской, но сейчас доска была отодвинута, и открылся небольшой просвет, через который девочка проникла в наш сад. Может быть, уже и не в первый раз.

— Гамарджос³, девочка, — поздоровался я и протянул ей шоколадку, которую дала мне Люля и которая лежала в моём карманчике. — Кушай, кушай, генацвале, — прибавил я, садясь рядом с ней. Будем лапоракать⁴.

— А ты не позовёшь садовника? — вдруг на ломаном русском спросила девочка и развернула шоколадку. Она, по-видимому, перестала бояться и прониклась доверием ко мне. Я ответил, что меня зовут Виктором, что практически я хозяин сада, потому что все заняты новым членом нашей семьи — братиком Серёжей. Теперь всё внимание — малышу, который по ночам плачет и мешает спать.

— Я приглашаю тебя приходить в гости в наш сад, когда ты только захочешь! Здесь много чего растёт: яблони, груши, сливы, унаби и мушмула; сейчас наступает фруктовый сезон и всего будет вдоволь. Как тебя зовут?

— Меня зовут Тамара, меня привезли погостить к тёте, у которой я

1 «Мой дорогой» (груз.). Здесь и далее прим. М.В. Михайловой.

2 «Мама» (груз.)

3 «Здравствуй» (груз.).

4 «Говорить» (груз.)

*Главы 1–4 см. «Нате» №3, главы 5–8 см. «Нате» №4.

Вступительная статья М.В. Михайловой: <https://nate-lit.ru/zhurnaly/zhurnal-3/yarkaya-zhizn/>

и живу. Это прямо за забором. Но скоро меня заберут, и я уеду.

— Тамара, мне будет грустно без тебя. Правда-правда! Ты мне понравилась, приходи, когда хочешь.

И в это время раздался голос Люли, которая звала меня. Тамара вскочила и сказала:

— Завтра я приду опять, хорошо? — И она ласково посмотрела на меня своими чёрными глазами и скрылась через щель в углу забора.

— Ты что же не отвечаешь? — голос Люли раздался уже гораздо ближе.

— Да я здесь, иду, чего ты разоралась? — сердито огрызнулся я.

Почему-то я сразу решил никому ни слова не говорить о Тамаре. Пусть это будет мой секрет. Эта мысль отчего-то мне очень понравилась.

Мама родила Серёжу очень скоро по возвращении из-за границы. Роды были тяжёлые, но братец родился здоровым и большим крикуном. Конечно, Серёжа сразу занял первое место в нашей семье, и я получил большую свободу. Однако пользоваться ею мне особенно не приходилось: ведь мне предстояло осенью идти в гимназию.

Один дедушка оставался неизменно спокойным и продолжал считать меня центром молодого поколения нашей семьи. Однако и дедушке я ничего не сказал о таинственном возникновении Тамары.

Мы же встречались с Тамарой ежедневно, как правило, по утрам. Проводили время большей частью на мушмулиновом дереве, плоды которого должны были скоро созреть. Как ни странно, но у нас в Кутаиси мушмулиновое дерево давало ежегодно лишь один урожай, в то время как на Зелёном мысу, под Батуми, у тёти Елены урожай снимали дважды в году.

Я увлёкся своими рассказами, занимая этим Тамару. Она слушала меня молча, смотрела на меня внимательно и, по-видимому, гордилась нашей дружбой. Она совершенно свободно отлучалась из дому, поскольку её родственница рано уходила на работу и возвращалась в 6 часов вечера. Она тоже ничего не знала о том, что её племянница вместо того, чтобы сидеть и караулить дом, пропадает на свиданиях со мной.

Тамара была ровесницей мне и приехала в Кутаиси из Алпаны⁵. Это очень красивое место на реке Рионе, зажатое между двумя хребтами так сильно, что с шоссе едва видно небо. В Алпану я попал гораздо позже, когда мне было 26 лет: я проводил летний отдых на курорте Шови⁶, у Мамисонского

⁵ Алпана — населённый пункт, вблизи села Твиши. От него берет начало дорога Алпана-Цагери, которая ведёт в сторону Мамисонского перевала.

⁶ Шови — горноклиматический курорт на высоте 1600 м. Имеется множество источников минеральных вод.

перевала⁷. Об Алпане я узнал кое-что из рассказов Тамары. Тамара была влюблена в родное селение на крутом склоне одной из гор, стиснувших Рион в бурный шумящий поток. Она рассказывала об этих местах с таким вдохновением, что я решил, когда вырасту, обязательно повидать это загадочное ущелье.

Однажды, когда мы с Тамарой сидели в малиннике и оживлённо обсуждали, когда же созреет унаби, перед нами внезапно возникла фигура дедушки. Это было для нас так неожиданно, что я растерялся и не знал, что предпринять. А Тамара как сидела на корточках, так и замерла без движения, боясь шелохнуться.

— Вот, Витюша, я и накрыл тебя с поличным! — промолвил дедушка, и на его лице расплылась добродушная и ласковая улыбка. — Ты думаешь, я ничего не знаю про твоё времяпрепровождение с этой славной девочкой? Девочка, ты меня не бойся, — сказал он и грузно опустился рядом с нами на камень. Сидеть на камне ему было неудобно, но дедушка старался не показывать, что он старенький.

— Как же тебя зовут, девочка? Как ты здесь очутилась? — повторил он по-грузински.

— Тамара, так меня все зовут. А я вот оттуда, — и она показала на щель в заборе. Говорила она тоже по-грузински, так что я ничего не понял.

— Ну и молодец, Тамара. Наверное, Витя тебе рассказал, что я сердитый и меня надо бояться? — сказал он уже по-русски.

— Как можешь так говорить! — воскликнул я взволнованно. — Тамара мне хорошая подруга, и я рад, что ты теперь её узнал.

— Не теперь, а уже несколько дней, как я знаю о ваших встречах. Я только хотел поближе с тобой познакомиться, Тамара, и узнать, откуда ты здесь появилась. Ты, наверное, очень хорошая и послушная девочка, иначе Витя к тебе не привязался бы. А показывал ли он тебе все свои укромные уголки? А рассказывал ли он тебе разные истории? В этом он большой мастак! Витя, пригласи Тамару в дом. Пойдём пить чай, накормим Тамару сладким пирогом.

Но Тамару никак нельзя было уговорить идти в дом, и дедушка сказал:

— Хорошо, завтра я приду к вам с тортом, и мы угостим Тамару.

Так моя тайна была раскрыта, и свидания, привлекательные таинственностью, потеряли свою остроту. К тому же приближался день расставания. За Тамарой скоро должны были приехать родные. На следующий день дедушка пришёл с большим пакетом, и мы уже не в малиннике, а

⁷ Мамисонский перевал расположен на высоте около 3000 м., проходит через Главный Кавказский хребет в западной части Большого Кавказа.

открыто на новой набережной нашего участка устроили пикник и отлично пообедали. Я давно не видел дедушку таким жизнерадостным: он шутил, смеялся и рассказывал разные забавные истории. Потом он ушёл, а мы с Тamarой опять забрались в малинник и просидели там до обеда. Тут на меня опять напала хандра по случаю скорого расставания с Тamarой. Приуныла и она. Так сидели мы молча и глядели друг на друга, пока не раздался голос Люли, зовущей меня обедать.

На следующий день я пришёл в условленный час в малинник, но Тamarы там не оказалось. Полагая, что она сейчас придет, я сел и стал ждать. Но Тamarы не было. Я начал беспокоиться, подошёл к щели, через которую она проходила в сад, отодвинул доску, но, увы, пролезть в щель не смог: она была слишком узка для меня. Что делать? Надо, наверное, ещё подождать. Она должна прийти. Не ошибся ли я часом? Может быть, было установлено встретиться в другое время? Что делать, как тут быть? Я даже не знал, в каком доме на Заводской улице жила Тамара. Как я мог так легкомысленно отнестись к своему знакомству с этой черноглазой девочкой?! Я сидел и ждал, но всё было напрасно! Прошёл час, другой, и я стал плакать. Слёзы текли по моим щекам. Я размазывал их кулаками, но они все текли... Было уже поздно. Наверное, Тамара заболела, у нее жар, и потому она не пришла. Думая так, я немного успокоился. В это время раздался голос Люли, которая пришла звать меня обедать. Только бы никто не заметил, как я расстроился! Украдкой пошёл мыть лицо и руки.

— Что ты там пропал? — позвала меня мама. — Еда стынет. Да что это ты? Упал, что ли? Весь красный! Вижу — заплаканный!

Мама заволновалась. Но я взял себя в руки и засмеялся.

— Успокойся, мамочка, — сказал я, — всё в порядке. Я сейчас приду и буду обедать.

Насилу кое-чего поел и ушёл в детскую, где уткнулся в книгу. На душе было тоскливо и грустно.

— Мама, позволь мне пойти в сад, — попросил я, — ведь ещё совсем светло.

— Иди, дорогой, только не задерживайся долго и приходи назад сам. За тобой некому ходить. Люля ушла в гости.

А я тем временем метался по саду. От щели к стене, от стены в малинник, затем опять к щели. Тamarы не было...

Тamarы не было и завтра, не было никогда. Что же случилось? Может быть, приехали родные и забрали её в Алпану? Тамара исчезла из моей жизни навсегда. Дедушка, когда узнал от меня об исчезновении Тamarы, поручил садовнику Петру пойти на Заводскую улицу, обойти дома и отыскать черноглазую девочку. Но, увы, поиск ничего не дал. Тамара исчезла бес-

следно и навсегда. Может быть, её и не было никогда? А было это лишь моё воображение? Но ведь дедушка её видел много раз, говорил с ней... Увы! О Тамаре остались лишь одни воспоминания. Долго в моей памяти светились её чёрные глаза и помнились ласковые прикосновения рук. Прощай, Тамара, я помню о тебе.

Глава 10. Дружба с Мишей Котченко

Первый день в гимназии — это событие, которое запомнилось на всю жизнь. Было и страшно, и любопытно, и очень необычно. Привела меня в гимназию мама, представила воспитательнице, вручила ей букет из роз и тюльпанов и оставила меня одного среди мальчиков, разных и незнакомых.

Воспитательница, по-видимому, очень довольная цветами, посадила меня на вторую парту, прямо напротив себя. Я тут же сообразил, что мне в этом очень не повезло. Быть всё время в поле зрения учителя — значит, совсем не принадлежать себе. И тут же я решил, что это надо поломать во что бы то ни стало. Но как? Это было совершенно неясно и невозможно, неосуществимо.

Воспитательница, она же наша классная надзирательница и учительница русского языка, тем временем знакомилась с нами. Она расспрашивала, кто что знает, кто что умеет, заставляла читать букварь, повторять прочитанное, рассказывать стихи и даже напевать песенки. Я с места в карьер решил ни в чём от других не отличаться и, упаси боже, не показывать свои способности и таланты. Многие ученики читали по слогам едва-едва, так что я тоже старался читать плохо и медленно, однако воспитательница как-то сразу угадала подвох и заметила с улыбкой:

— Что-то ты мямлишь, читай громче и быстрее, а главное, с выражением, никто тебя за хорошее чтение не накажет. Наоборот, ты должен быть примером для многих и помогать им.

Пришлось читать быстрее. Скоро я вошёл в роль отменного чтеца и перестал притворяться. Воспитательница смотрела на меня с любопытством и, несомненно, дружески. И наконец спросила:

— А что вообще ты читал? Только говори правду. Мне сдаётся, что литература — твоё призвание. Только не скрывай ничего.

— Вы правы, Мария Васильевна (так звали воспитательницу), читать я люблю и читал разные книги, знаю многих авторов. Таких, как Марк Твен, Джек Лондон, Майн Рид и некоторых других, читал их по нескольку раз.

И покраснел, как будто в чём-то провинился.

— Я так и подумала сразу, — сказала учительница и засмеялась, — когда ты так неумело притворялся, что плохо читаешь. Но это хорошо, ты

будешь мне помощником, и я прикреплю к тебе отстающих ребят.

Вот так сразу я и влип в первый день своей учебы. Я малость приуныл. Оказывается, что вместо лёгкости в учебе, как всё твердила мама, мне сразу будет трудно, поскольку придётся возиться с отсталыми учениками. Тут раздался звонок, все вскочили с места. Мария Васильевна встала и ушла в учительскую, а несколько мальчиков окружили меня и начали расспрашивать, что я читал? Оказывается, некоторые из них тоже читали приключенческие рассказы и были способными мальчиками, впоследствии мы всегда обменивались впечатлениями о прочитанном.

Понемногу учёба вошла в свою колею. Учиться мне было легко. Я был хорошо подготовлен и мог бы сразу поступить в 1 класс, но мне было всего 6 лет и дальше приготовительного поступать было просто нельзя. Однако уже всем в гимназии было известно, что оставлять меня в приготовительном тоже невозможно. И вот однажды к нам в класс пришёл директор гимназии и сказал, чтобы после урока я зашёл к нему. Я обомлел: что случилось? Какие неприятности ожидают меня? Чем я провинился? Правда, вчера, когда Вера пришла с подругой Маней, я дёрнул её за косу. Но ведь это было дома, а не в гимназии. Сердце моё билось, как колокол, когда я постучал в дверь директорского кабинета.

— Войдите, — послышался голос директора.

Я вошел и остановился у двери. В кабинете сидела наша воспитательница и ещё какая-то дама.

«Ну, конечно, — подумал я, — это за дёрганье косы, вот ябеда какая».

— Подойди ближе. Ещё ближе, — сказал директор. — Что же нам с тобой делать? Не могу я оставлять тебя в приготовительном.

— Но я ничего плохого не сделал, — уже со слезами в голосе пролепетал я.

— Да не в этом дело, — засмеялся директор, — ты пойми, что тебя нельзя оставлять в приготовительном, так как ты слишком много знаешь и пользы тебе от занятий в приготовительном классе нет. Скажи маме, что я переговорил с попечителем и получил, в виде исключения, разрешение перевести тебя сразу в старший приготовительный, так что к концу учебного года ты перейдёшь в первый класс. Наверное, ты и язык какой-нибудь знаешь. Не так ли? В первом классе начинается французский язык, а во втором — немецкий. Знаешь ли?

— Знаю немного, — выдавил я из себя. — А как же Мария Васильевна? Я не хочу уходить от неё, — воскликнул я с волнением.

— Мария Васильевна останется преподавателем русского языка, а воспитательницей у тебя будет Ольга Фёдоровна. Вот она здесь с нами си-

дит.

И он кивнул в сторону другой дамы.

— Скажи маме, чтобы завтра пришла ко мне на приём в 2 часа дня. Обещаешь?

Когда я шёл от директора вместе с Ольгой Фёдоровной, которая повела меня в старший приготовительный, я думал только об одном: надо сесть на последнюю парту, свободной ведь вперёди не будет. Так это и получилось. Все парты в классе были заняты. И только одно место на предпоследней парте оказалось свободным. Это очень меня устраивало. Наконец-то я буду не под непосредственным наблюдением учителя.

Дома, когда я рассказал всем, какое событие произошло со мной в гимназии, мама воскликнула:

— Боже мой, что мы будем делать, когда ты кончишь гимназию?! Ведь тебя никуда по молодости не примут — ни в университет, ни в политехникум! Я прямо не знаю, что делать, что решить!

Папа был более рассудительным, он заявил:

— Зачем заглядывать в будущее? Что будет тогда, будем решать в своё время. Кроме того, директор решил вопрос без твоего согласия и уже перевёл Виктора в следующий класс. Надо только поблагодарить его за внимание и заботу. А тебе, Витя, надо не осрамиться и быстрее нагнать те предметы, по которым ты, естественно, отстал, ведь класс работает и учится уже полгода. Вот о чём надо думать. Я сам помогу тебе нагнать пропущенное.

Всё устроилось самым простым образом. И вот я уже два месяца хожу в старший приготовительный, где я легко сориентировался по тем предметам, что входили в программу обучения. По русскому языку я и здесь был далеко вперёди, по другим предметам быстро остальных нагнал и стал одним из первых в классе.

На одной парте со мной сидел смуглый, черноволосый мальчик, на два года старше меня — Миша Котченко. Он был сыном сапожника. Одного со мной роста, но очень сильный, имел характер замкнутый, был нелюдимый и неразговорчивый. Но первый наш разговор состоялся в первый же день моего прихода в класс. Дружелюбно и доверительно начал я разговор с ним на большой перемене:

— Как тебе нравится учёба? С кем ты дружишь? Почему сидел один? — спросил я.

— Что тебе от меня надо? — отрезал он.

— Ничего не надо, но сидим мы с тобой рядом. Естественно, будем

дружить.

— Волк овце не товарищ, — отрезал он, — а учёба мне не нравится, и я ни с кем не дружу, и лучше всего сидеть одному, никто не пристаёт с вопросами. Лучше отвяжись.

— Кто же это волк? Ты или я? — спросил я и улыбнулся.

Я не сердился на Мишу. Мне было просто смешно, почему он такой злой?

— Конечно, ты, — пробурчал Миша, — все вы, богатые сыночки, эгоисты. И с вами лучше не иметь дело.

— Во-первых, я не богач, это у меня дедушка богатый. Отец же мой простой чиновник акцизного управления, и живём мы на его жалование. Правда, дедушка любит маму, даёт ей денег, сколько надо. Однако мы с тобой дети, ничего не имеем и во всём равноправны. Мне очень хотелось бы дружить с тобой. Я так много могу рассказать тебе интересного из того, чего ты не знаешь, а узнав, удивишься. Хочешь, я буду помогать тебе в учёбе? Учиться мне очень легко, я научу так же легко учиться и тебя. Поверь мне и подумай. Будем друзьями.

— Хорошо, подумаю. А у меня в четверти двойка по русскому. Ты считаешь, что она пропадёт? — И, подумав, добавил: — А за что тебя выгнали из младшего подготовительного? Вам, богатым, всегда все удаётся, вы преодолеваете все препятствия. Ведь ты выиграл в учёбе целый год!

И он отвернулся от меня.

Я приблизился к нему и сказал:

— И ничего меня не выгнали из младшего! Просто я подготовлен к старшему подготовительному классу и, как говорят, к первому. Вот директор и решил исправить ненормальное положение хотя бы частично. Поэтому я в вашем классе. А двойки у тебя больше не будет. Вот тебе моё слово. Ты только слушайся меня. А чего не знаешь — спрашивай меня.

Раздался звонок, и мы побежали в класс. В этот день я с Мишей больше не разговаривал. На уроке по русскому языку Мария Васильевна вызвала меня и спрашивала с пристрастием. Но для меня всё, что проходили в классе, было трин-трава, и отвечал я отлично. Мария Васильевна была довольна. (Впоследствии я числился у неё в любимчиках, что не нравилось ни мне, ни другим ученикам).

На следующий день Миша сам подошёл ко мне и угрюмо сказал:

— Ну, давай дружить... Но увидишь, тебе дома за это не поздоровится. Ведь я сын рабочего. Куда мне до вашей семьи! Я даже ходить к тебе домой

не смогу. Сразу выгонят, и все кончится.

— Что ты! — воскликнул я радостно, — мои родные добрые. Ты полюбишь их, а они тебя. Как я рад, что ты согласился дружить! Я покажу тебе наш сад, нет, мой сад, он зачарованный! Приходи к нам в гости в это воскресенье, прямо на целый день, ты не пожалеешь! Родные тебя пустят. Скажи, что ты приглашён официально. Ты ещё не знаешь мою маму. Ты полюбишь её, поверь мне!

Так мы болтали с ним о том о сём. Но я ничего не рассказывал ему о нашем саде. Я хотел его удивить. Условились, что Миша придёт ко мне в ближайшее воскресенье, то есть через два дня. Дома я сказал:

— Мама, я пригласил к себе в гости в воскресенье своего товарища Мишу Котченко, что сидит со мной за одной партой. Он мой друг, и я прошу его любить и жаловать...

И замолчал. До этого дня, в течение полугода, я никогда никого из товарищей не приглашал и потому не знал, какая будет реакция.

Мама посмотрела на меня внимательно и спросила:

— А почему ты приглашаешь мальчика, не получив заранее разрешения родителей? И кто его родители, интеллигентные ли они люди? Сможем ли мы бывать у них? Объясни всё это, пожалуйста...

150

И она вновь внимательно посмотрела на меня. Я был в затруднительном положении. Действительно, я поспешил. Почему я не спросил её разрешения? Почему не сказал, что Миша — сын рабочего? Я просто не подумал, что реакция её может быть отрицательной.

— Видишь ли, мама, — начал я, слегка запинаясь и подыскивая слова, — Мария Васильевна поручила мне подтянуть Мишу, потому что у него двойки. Я как мастер взял Мишу на поруки. Как же я могу не дружить с ним? Что подумает обо мне Миша, если я буду ему не другом, а кем-то вроде наставника? Естественно, он должен бывать у нас, чувствовать, что я для него свой, друг, приятель, помощник. Его отец рабочий. Он единственный его сын. Мать давно умерла. Они очень бедные, и тебе совсем незачем у них бывать, папе тоже. Приходить будет только он к нам. Ты полюбишь его, вот увидишь!

Я разволновался, в глазах у меня стояли слёзы, и я готов был расплакаться. Мама поняла меня и не стала возражать. То есть она ничего не сказала, ни да ни нет, только прибавила:

— Папа, я не сомневаюсь, разрешит Мише приходить к нам. Но дедушка, как он воспримет эту новость? Лучше ему ничего пока не говорить. Воскресенье не за горами. Миша придёт к тебе. Ты заберёшь его в сад, покажешь ему свои тайники. Старшие увидят Мишу только за обедом. От

того, как Миша будет вести себя за столом, зависит, примут его взрослые или нет. Заручись поддержкой Веры, она девочка умная и, если надо, поведёт разговор так, как будет всем нам выгоднее. Однако меня радует, что ты становишься общительнее. Наконец-то у тебя появляются друзья-мальчишки. До сих пор ты дружил только с девочками, правда, хорошими. Но ведь это только девочки, что для сильного, здорового, ловкого и способного мальчика совершенно недостаточно. Сейчас у тебя не тот возраст, чтобы дружить только с одними девочками. Это хорошо в далёком будущем, но не сейчас. Ты ведь у меня умница и способный.

Я бросился к маме в объятия, крепко прижался к ней и расцеловал ее.

— Вот так мама! Умница, — воскликнул я, — это ты талантливая, красивая, молодая всем на удивление. Разве я не вижу, как чужие мужчины поглядывают на тебя? Я всё-всё вижу. Ты стоишь такого внимания и всеобщего восторга. Мой папа должен быть счастлив, что у него такая жена.

Я сыпал фразами и цитатами, которые вычитал из романов и приключенческих повестей. Мама совсем растаяла от моих похвал и сказала, что рада встретить моего друга Мишу в воскресенье и что ему будет оказан радушный прием. Лишь бы он не оказался хамоватым мужланом. Затем она прибавила:

— Всё остальное зависит от тебя и Веры, которая обязательно должна быть с ним ласковой. Я попрошу её пригласить кого-либо из её многочисленных подруг. Ты только не таскай их за косички. Создашь потасовку и всё испортишь.

И вот настало желанное воскресенье. Проснулся я, когда было ещё совсем темно, и никак не мог заснуть вновь. Как-то пройдет день? За эти три дня моей дружбы с Мишей я привык к нему. Мне показалось, что он как бы немного повеселел, стал общительней и перестал подчёркивать разницу нашего социального происхождения. В 10 часов утра раздался звонок, и я, будучи давно наготове, раньше прислуги Даши открыл дверь и впустил Мишу. Подоспевшая Даша воскликнула:

— Что это Вы, барин, сами беспокоитесь?

— Ничего, Даша, — сказал я, — это ко мне мой школьный товарищ, Миша. Прошу любить и жаловать. Я приму его у себя. Идём, Миша, ко мне.

Через анфиладу комнат мы с другом прошли в спальню, где я спал вместе с Люлей, а затем в детскую, где мы с сестрой готовили уроки и играли в часы отдыха. Миша был одет в новую форму, она ему шла. Это я сразу заметил и остался очень доволен.

— А ты мне говорил, что вы не богатые, — заметил Миша, — смотри, сколько у вас комнат, квартира, поди, на 10 палат.

— Дорогой мой, ведь нас много, нужно ведь каждому по одной комнате; ты видишь, что даже спальня у меня общая с Люлей. А потом ведь мы ничего за квартиру не платим. Дом принадлежит дедушке, и квартира у нас бесплатная. — Но, как говорят взрослые, время – деньги, — добавил я. — Почему так говорят, не знаю. Но, наверное, в этом есть какой-то смысл. Я должен открыть тебе свою тайну. У нас при доме большой сад. Как все говорят, он практически мой. В саду много фруктовых деревьев, и в том числе мушмулиновых. На многих из них я свил себе уютные гнёздышки. Я покажу их тебе, ты увидишь, как там уютно. В саду есть деревья унаби, там гнёзд нет, но плоды этих деревьев очень вкусные. Сейчас весна, и вообще плодов нет, но гнёзда по-прежнему уютны.

И я повёл Мишу в сад. Проходя мимо Вериной липы, я объяснил, что этому дереву уже девять лет, столько же, сколько сестре. Мишу интересовало всё. Я показал без труда, как надо быстро взобраться на дерево. Миша был, видно, тоже любитель лазить по деревьям. Разговор шёл без принуждения, тёплый, дружеский. Когда же я привёл его к набережной и рассказал, что, когда её строили, я сам таскал камни и помогал рабочим укладывать бетон, Миша проникся ко мне большим уважением. Мы не заметили, как пробежало время и наступил час обеда. В будние дни мы обедали в четыре часа, по праздникам — в три часа. Было уже два часа 40 минут, и издали со двора раздался голос Люли.

152

— Дети, Виктор, Миша, где вы там? Пора идти обедать. Вы слышите меня?

— Слышим, слышим, Люля, и сейчас придём. Миша, идём, пора обедать. Сейчас ты познакомишься с моими родными.

— А, может быть, мне лучше домой? — заговорил Миша. Было видно, что он оробел и сильно волнуется. Я успокоил его:

— Что ты надумал? Разве сейчас можно уходить? Идём. Сначала познакомься с мамой.

И мы быстро пошли домой. По дороге я спросил:

— А там, где ты живёшь, есть сад?

— Да что ты, откуда сад! Так, маленький огородик. Там картошка и всякая зелень, но нам не хватает, надо покупать на базаре, где всё очень дорого.

Так, беседуя, мы поднялись вверх, прошли галерею и вошли в комнату, где сидела мама. Я пристально посмотрел ей в лицо. Она осмотрела Мишу, протянула ему руку и сказала:

— Здравствуй, Миша. Витя много говорил мне о тебе. Вы друзья и сидите за одной партой. Будем друзьями. Я рада видеть тебя у нас. Витя,

наверное, показал тебе наш сад. Сад — это неприкосновенная территория, за ним бережно следит садовник, но делает всё так, как ему скажет Витя. Я тоже люблю наш сад и очень им горжусь. Но вы, наверное, изрядно проголодались. Идёмте обедать.

Мы встали и пошли за мамой через детскую прямо в столовую обедать. Там уже были Вера, и Люля, и подруга Веры Ира. Мама познакомила их с Мишей и села на своё место, я на своё, а рядом посадил Мишу. Он, не отрываясь, смотрел на Верочку. По случаю воскресенья она оделась особенно нарядно. Платье из муслина¹ было расписано цветными нитками, а волосы подвязаны под цвет муслина фиолетовыми лентами. Пышные банты красиво оттеняли хорошенькое личико девочки. Вера улыбнулась Мише и спросила, был ли он в саду и как ему понравился наш сад?

— У вас прекрасный сад, — сказал Миша. — Я даже представить не мог, что в Кутаиси есть такие сады. Правда, ваш дом в самом центре Кутаиси, но и для центра сад чудесный.

— О саде заботится Витя, он застрельщик всех чудес в саду, и надо сказать, что садовник Пётр души не чает в Витеньке. Я слышала, что ты сидишь за одной партой с братом. Он не обижает тебя в гимназии? Ну и хорошо. А вот всех моих подруг он таскает за косички! Конечно, не серьёзно, но им это не нравится.

В этот момент, почти одновременно, вошли дедушка и папа, и оба уставились на Мишу. Ира часто бывала у нас. А вот мальчик пришёл впервые. Мама объявила, что пригласила в гости друга Виктора по гимназии — Мишу Котченко, который сидит за одной партой с сыном и который, по решению классной воспитательницы, находится под его попечительством. На этом мама сделала особое ударение. Миша и Ира встали, подошли к дедушке и папе и пожали протянутые им руки. Дедушка задержал руку Миши в своей и сказал:

— А рука у тебя чёрствая. Наверное, помогаешь матери в работе?

— У меня мать умерла. Я помогаю в работе отцу и делаю всё, что нужно по дому.

— И молодец, — сказал дедушка и сел во главе стола.

Папа сел на своё место рядом с мамой, и дедушка позвонил в колокольчик. На этот сигнал вошли повар и служанка с блюдами, на которых стояли салатницы с закусками. Они обходили стол и по старшинству клали на тарелки закуски. Миша, который не привык к такому заботливому уходу, смотрел с удивлением и интересом. Разговаривали взрослые, мы, дети, молчали, поскольку нам не разрешалось самим вступать в разговоры и задавать вопросы. Нарушала этот порядок обычно Вера. И сегодня, когда на момент воцарилась тишина после оживлённой беседы о каком-то

¹ Муслин — тончайшая ткань полотняного переплетения преимущественно из хлопка.

театральном представлении в местном театре, Вера обратилась к дедушке с вопросом:

— Дедушка, помнишь, прошлый раз ты говорил, что в театре подготовлена детская пьеса и надо на неё сходить? Мы что-то заждались этого представления! Ты об этом не забыл ли?

И Вера ласково посмотрела на дедушку и улыбнулась. Её перебила мама:

— Дедушка никогда не забывает своих обещаний, Верочка. Детский спектакль пойдёт первый раз в следующее воскресенье, и за нами уже закреплена литературная ложа². Миша, мы возьмём с собой и тебя, не забудь, пожалуйста, об этом.

— Верочка, это правда, — вмешался дедушка, — пьеса, говорят, очень интересная, называется «Верные друзья» и предназначена для самых маленьких. Ты, Маруся, хорошо сделала, что пригласила в театр товарища Вити. Витюша, дорогой мой мальчик, дружба — это великое чувство, береги его. Миша, ты тоже.

Далее разговор пошёл на политические темы. Нам это было неинтересно, и Вера шёпотом начала расспрашивать о чем-то Мишу, но мама посмотрела на неё строго, и она замолчала. Обед закончился пудингом с кремовой подливкой, которую я очень любил: она делалась из сбитых сливок, наш повар был большой мастер этого блюда. Папа объявил, что обед кончился. Это значило, что дети должны встать, сказать «спасибо» и уйти. Взрослые же остались пить кофе. Мы направились в детскую, где могли болтать, сколько хотели. Миша уселся около Веры и ждал, что она скажет. Однако она молчала, а потом вдруг сказала мне.

— Вот Ирочка хочет послушать, как ты умеешь интересно рассказывать. Подумай и расскажи что-нибудь интересное, но такое, чего мы ещё не знаем.

Я посмотрел на Мишу. Ни ему, ни кому-либо вообще в классе я никогда не говорил, что умею интересно рассказывать, и смутился. Но вскоре справился и сказал:

— Верочка, дай мне 5 минут на размышление. Для Ирочки я расскажу нечто особенно интересное.

Не прошло и двух минут, как в моём уме сложился яркий и живой рассказ:

«Вы все знаете, что за городским кладбищем в ущелье находится вход в знаменитую пещеру. Никто никогда ещё не достигал конца всех

---

² Литерная ложа — зрительские места, расположенные очень близко к сцене. Обычно ложи обозначаются цифрами, но литературные получают буквы — А и Б.

разветлений этой пещеры. Можно идти по любому из них, конца им нет. Сталактиты и сталагмиты попадаются на каждом шагу, они имеют удивительные очертания и повсюду соединяются в причудливые столбовые образования. Чтобы всё это увидеть, надо брать с собой в пещеру несколько факелов и чётко делать отметки, чтоб найти дорогу назад и не заблудиться. Говорят, в пещере спрятаны несметные сокровища из золота и драгоценных камней, наподобие хранящихся в Гелатском монастыре³.

Это было 50 лет тому назад. Молодой принц влюбился в Колхидскую принцессу и стал добиваться её согласия на брак. Принцессе нравился молодой принц, но она была разборчива и решила испытать принца. Она заявила: «В пещерах близ Гелати хранятся несметные сокровища, но они запрятаны глубоко в сердце пещеры и охраняются свирепым драконом. Никто не смог убить дракона и овладеть сокровищами. Если ты любишь меня и хочешь взять в жёны, проникни в пещеру, убей дракона, завладей сокровищами и положи их к моим ногам. Тогда я полюблю тебя и буду твоей».

Принц не колебался ни минуты и стал готовиться к походу. Он был сильный, мужественный, ловкий и очень умный. Он понимал, что так просто в тёмной пещере он никогда не одолеет дракона, а если одолеет, то не сможет унести на себе драгоценный клад. Против дракона есть одно средство — святой огонь, который зажигается сам собой после произнесения волшебных слов и вновь гаснет, когда получает соответствующее приказание. Владел секретом этого огня волшебник, живший на горе Казбек. Но добраться до него трудно, а узнать тайну огня можно, лишь расположив волшебника к себе. Но как — никто этого не знал. Принц решил добиться расположения волшебника, угостив его сладким вином «Хванчкара»⁴, что приготавливается из винограда, произрастающего в долинах близ города Они⁵. Взяв бурдюки с вином, на прекрасном коне белой масти отправился принц в далёкое путешествие. Долго ли, коротко ли, но прибыл принц к границе снегов. Далее пришлось идти пешком. Наконец принц достиг дворца, где жил волшебник.

— Зачем, добрый молодец, явился ты ко мне? — молвил старец.

— А прибыл к тебе я, чтобы вручить тебе подарок и спросить, понравится ли он тебе? Вот тебе бокал знаменитого рачинского вина, оно должно развеселить твою душу.

Старец отведал вина и попросил ещё. После второй чарки он

3 Гелатский монастырь Богородицы находится вблизи Кутаиси. Это один из самых знаменитых средневековых монастырей в Грузии, центр церковной и культурной жизни С 1994 г. — памятник Всемирного наследия. Был основан царём Давидом IV Строителем в 1106 г. и стал его усыпальницей.

4 Хванчкара — природно-полусладкое красное вино, производимое из определенных сортов винограда Александрюли и Муджуретули, выращиваемых только в Амбролаурском районе Грузии.

5 Они — административный центр Онского муниципалитета в составе региона Рача-Лечхуми. Расположен у подножия Рачинского хребта на левом берегу реки Риони.

добродушно и ласково спросил:

— Чего же тебе нужно? Развеселил ты меня. Я исполню любую твою просьбу.

Рассказал принц о своем горе, о том, что ему нужен секрет святого огня и что без него ему лучше не жить.

— Будь по-твоему, — сказал старец, — но секрет святого огня состоит не только в волшебных словах, но ещё в кольце, которое должно быть надето на палец говорящего эти слова. Надо только не забыть повернуть кольцо камнем внутрь руки. Без этого (помни!) святой огонь не вспыхнет, дракон не будет ослеплён, и ты зря сложишь свою головушку без всякой пользы для себя.

— Трудно найти слова благодарности, которая переполняет моё сердце, — молвил принц. — Вечно буду помнить тебя и славить твоё имя.

— Скажи, добрый принц, — молвил старец, — как готовится напиток, что ты мне привёз? Я прикажу, чтоб его всегда мне готовили.

— Это невозможно, дорогой волшебник, — отвечал принц, — напиток этот делается из винограда, лозы которого растут, как я уже говорил, только в одном месте в мире. Но будь спокоен. Как только я одолею дракона и княжна станет моей женой, дважды в месяц летом мои гонцы будут доставлять тебе вино “Хванчкара” — то, которое тебе так понравилось. А теперь прощай, я тороплюсь. Спасибо, будь здоров.

156

Получив перстень с камнем и узнав необходимые волшебные слова “Смерть злу!”, принц отправился в обратный путь. И странное дело: днём, в пути, он был крепок и спокоен, но стоило ему ночью лечь на отдых, как принца начинали мучить кошмары. То снилось, что по возвращении он узнаёт, будто любимая забыла его и вышла замуж за другого — и он пробуждался с криком. То снилось, что любимую его похитили и увезли неизвестно куда. И снова, криком “Слава Богу, это сон!” он пробуждался. То принцу снилось, что по возвращении он видит вместо принцессы уродливую старуху. На душе у него было тоскливо, отдыха не предвиделось. Наконец, после многих дней пути, пережив множество тяжёлых ночей, принц достиг пещеры. Последний привал, после которого ему предстоит жестокий бой — и, конечно, заслуженная победа.

В пещеру принц вступил на ранней заре, когда ещё только начало светать. Факел бросал на стены причудливые тени. Принц, не оглядываясь, бежал, почти мчался вперёд. Бежать пришлось долго, встречались развилки, но инстинкт подсказывал принцу правильный путь. Вдруг перед его глазами открылся подземный зал, и в его глубине возник дракон такого гигантского размера, какой даже представить было страшно, не то что увидеть! Принц выхватил меч и бросился на чудовище, не забыв при этом повернуть кольцо со словами “Смерть злу!” Но увы, святой огонь не появился. По стенам зала

по-прежнему бродили тени от факела, который принц держал в левой руке. А дракон заревел, захохотал, повернул к принцу все пять голов, могучими лапами схватил его и поднял в воздух!

В одно мгновение тысячи мыслей и видений пронеслись в голове принца. Далеко внизу он увидел сотни черепов таких же, как он, храбрецов, перед глазами он увидел свирепые головы дракона, почувствовал, как захрустели его кости, и... проснулся весь в поту на траве у входа в пещеру!

Его белый конь мирно жевал траву и временами поглядывал на своего хозяина. Принц заплакал, а затем засмеялся, вскочил на ноги, посмотрел на руку и успокоился. Перстень украшал палец и сидел на нём правильно, камнем наружу. Так это был только сон, последний страшный сон перед боем. Усталости как не бывало! Сильный, бодрый и весь в напряжении принц ринулся в пещеру. Теперь бежал он в ней по-настоящему. Гулко раздавались удары сапог о каменный пол. Вот и первое препятствие — большое озеро. Не замедляя бега, принц зашагал по воде. Было неглубоко. Вода кончилась — и снова раздался гулкий звук быстрых шагов.

Вдруг к гулу шагов присоединился сначала далёкий, а затем всё более громкий рёв. Это ревел дракон. Он уже почуял врага и готовился поглотить новую жертву. Скольких смельчаков он победил и съел! От них остались только кости. Но принц как будто не замечал рёва. Он точно повторял путь, пройденный во сне. И вот, наконец, большой зал. Вот он дракон с пятью головами и чудовищными лапами. Теперь время повернуть перстень и произнести заветные слова. Кольцо повернуто, меч обнажён. «Смерть злу!» — восклицает принц. И весь зал заливаётся ярким огненно-красным светом. Чудовище начинает дёргаться в судорогах, ревёт ещё более страшным голосом, но свет ослепил его, и дракон тщетно старался спрятать свои головы на груди, заслонить крыльями и лапами. Смелый принц не стал медлить: одну за другой отсёк он все пять голов дракона, а затем и его двенадцать страшных лап. Дракон упал на землю и издох: из ран рекой текла чёрная кровь.

Теперь драгоценности были в руках принца. Он открыл сундук, который охранялся драконом, и его глазам предстали несметные сокровища. В отблесках святого огня они сверкали так, что слепили глаза. Но как же вынести сундук из пещеры? Этому принц не знал. Первая же попытка показала, что сундук он не может даже приподнять, не то что нести. Принц присел и задумался. Радость сменилась печалью. И вдруг принц услышал знакомое ржание. Он поднял голову и увидел, что перед ним стоит его белый конь. Оказывается, конь ни на шаг не отставал от принца и бежал за хозяином, несмотря на страшное рычание дракона, которое несло ему навстречу. Пристегнув сундук к коню, принц без труда вывез драгоценности из пещеры и, не задерживаясь, тронулся в дорогу. Нет необходимости рассказывать, как принц женился на принцессе и обрёл счастье. Но стоит отметить, что своё обещание волшебнику он выполнял аккуратно, систематически снабжая его вином «Хванчкара». Ура! Конец истории».

Все молчали, я поднял голову и увидел в дверях маму. Оказывается, она всё время слушала.

— Ну и фантазёр ты, Витюша, — улыбнулась она.

Все захлопали, а Ирочка встала, подошла ко мне и нежно поцеловала в щёку.

— Молодец ты, малыш, — сказала она. — Рассказываешь, как взрослый, и так захватывающе интересно. Надо тебя пригласить к нам на праздник в Заведение св. Нины. Обязательно надо!

— Откуда ты всё знаешь? — спросила мама, — где вычитал или же сам сочинил?

Но я не сказал, что весь рассказ сочинил сам в одну минуту. Одновременно я почувствовал, что подобными выдумками я могу очень повредить своей мечте стать звездонавтом.

Мы собрались в детской и молча смотрели друг на друга, думая, что делать дальше. Предложение высказала Вера:

— Идёмте в сад? Витя, сад — это твоя стихия. Веди, показывай и предложи что-либо интересное.

158

Мы гурьбой выбежали во двор. Стоял апрель, разгар весны, и было достаточно тепло. Почти бегом мы добрались до набережной. Рион вздулся, уровень воды был самый высокий, и стоять у барьера, совсем близко к воде, было страшно.

— Дети, — воскликнула Вера. — Будьте осторожны, не прикасайтесь к перилам. Это строго запрещено. Лучше посидим на скамейке под молодой акацией. Скоро она зацветёт и станет необыкновенно красивой. Дедушка посадил здесь три сорта акации: белую, розовую и сиреневую. Когда деревья подрастут и станут могучими, как акация в углу сада у забора на Заводской улице, набережная станет красивейшим местом нашего сада.

Я заметил, что Миша всё время приглядывался к Верочке. Наверное, она ему нравилась, но разговаривать с ней он не решался. Мне было очень уютно около Иры, я рассказал ей о достопримечательностях нашего сада и пригласил всех в заветное гнездышко на мушмулиновом дереве. Все согласились, и мы забрались в самую гущу мушмулиновой листвы. Всем хотелось получить места в моём гнезде, мы развеселились и хором спели весёлую песенку «Это мы, ребята». У Иры был хороший голосок, и в целом получилось приятно и весело.

В 6 часов Люля позвала нас пить чай. Чай детям подавали в детскую. Вера была старшая за столом, и мы могли разговаривать, смеяться и веселиться, как хотели. Чай подавала горничная. На этот раз был принесён

чудесный персиковый пирог, который мы уплетали с большой охотой. За столом возникли вопросы по теме моего рассказа:

— А правда ли, что существует такая пещера под Кутаиси? — спросил Миша.

— Ну, конечно, существует. Это несколько километров за городским кладбищем. Но жители её не любят и даже боятся, считая её заколдованной. Многие исследователи пытались изучить пещеру, но до конца не дошли; там есть туннели и большие непроходимые озёра.

— Откуда ты это всё знаешь? — спросила Вера.

— Наш садовник из тех мест и много интересного рассказывал об этой большой пещере. Одно время он пас стадо близ пещеры...

— А как ты думаешь, — спросила Ирочка, — есть ли в пещере спрятанные там драгоценности?

— Несомненно, есть, — твёрдо заявил я, — и, безусловно, большие, но завладеть ими будет очень трудно.

Так мы просидели час, и Люля объявила, что пора расходиться. Миша засуетился и готов был уже уйти, но я подсказал ему, что надо проводить домой Иру.

— Вот ещё что придумал, — воскликнула Ира, — я большая и сама дойду до дома.

Однако ушли они вместе, и горничная проводила их до дверей. После этого Миша часто приходил к нам, все к нему привыкли и полюбили его. Особенно хорошо относился к нему дедушка. Он уже знал, что Миша сын рабочего, но это не имело значения, он стал своим.

Несколько раз я был у Миши и познакомился с его отцом. Одно время он работал на какой-то фабрике, но его уволили за революционную деятельность, и ему пришлось заняться сапожным мастерством, чтобы как-то прокормить семью. Однако Мишин отец не порвал отношения с фабричными рабочими. Они приходили к нему и подолгу о чём-то с ним говорили. Об этом я узнал от Миши, который «до самого своего сердца», как он иногда выражался, привязался ко мне и был мне предан.

— Только из дружбы к тебе, — говорил он, — я буду хорошо учиться. Ты не беспокойся, я тебя не подведу.

И действительно, он вышел сначала на четвёрки, а затем стал получать и пятёрки. Наша классная наставница всему этому очень удивлялась и приписывала это моему влиянию, хотя ничего особенного я не делал. Сперва немного помогал Мише, а затем в этом уже не было надобности. Незаметно

прошла зима, наступила весна. Надо было думать о лете. И однажды мама сказала мне:

— Витенька, скоро лето, и мы поедem отдыхать. Как ты думаешь, не взять ли нам с собой на дачу Мишу? Ты теперь совсем большой, переходишь в первый класс, и тебе нужен надёжный товарищ. А ты все льнёшь к девочкам. Это для мужчины не годится.

Я прямо обомлел от такого предложения, настолько оно показалось мне заманчивым. В действительности я об этом даже думать не смел.

— Дорогая мамочка, — воскликнул я, — неужели это возможно? Я так подружился с Мишей, что со страхом думал о лете и о разлуке с дорогим другом. Теперь же и летом мы будем вместе. О, мамочка, как крепко я тебя люблю!

И я повис на шее матери, целуя её в губы, в щёки, в нос.

Мама засмеялась и сказала:

— Ты раньше времени не радуйся. Ведь Миша ещё ничего не знает и может не согласиться. Наконец, отец может не отпустить его. Завтра же поговори с Мишей. Пригласи его... Проси, чтобы он переговорил с отцом.

160

Ночью я плохо спал. Всё мне казалось, что Мишу не отпускают с нами на дачу, и я плакал во сне. В гимназию я пошёл раньше обычного. Люля, которая провожала меня, удивлялась, почему я так спешу. Я ничего ей не сказал, ведь, может быть, она ещё ничего не знала о намерении мамы. Почему-то и Миша пришёл в гимназию раньше других. До начала уроков было ещё 20 минут. Мы с ним уселись в коридоре у нашего класса на скамейку и начали разговор.

— Витя, сегодня я плохо спал, — сказал Миша, — что-то беспокоило меня. Я всё вертелся, пока отец не прикрикнул на меня. Я притворился, что сплю, но спать не мог! Заснул только под утро.

— Я тоже плохо спал, но у меня была причина. Знаешь, мама приглашает тебя ехать на лето с нами. Пустит ли тебя твой отец? Хочешь ли ты сам ехать с нами? Говори...

Миша задумался, улыбнулся, посмотрел на меня, увидел, как я волнуюсь, и сказал:

— Витюша, можешь не сомневаться, я очень рад такому приглашению твоей мамы и хочу поехать с вами. Нет, ты не сомневайся... Но я не знаю, как посмотрит на это отец. Он считает, что ты мне не пара. Не думай, что он не любит тебя. Отец всегда ставит тебя мне в пример, говорит, какой ты способный, как хорошо учишься и помогаешь мне. Дело не в этом. Если я уеду с вами, он останется совсем один. Ему без моей помощи будет совсем

трудно. Нет, нет, ты не волнуйся. Посмотрим, поговорим, увидим... Знай, что я готов ехать с тобой, куда бы ты ни захотел.

Раздался звонок, и все ученики гурьбой побежали в класс. После уроков мы ещё раз поговорили об отъезде. Миша обещал всё рассказать отцу и выслушать его соображения о приглашении матери.

В конце концов всё устроилось наилучшим образом. Отец Миши сразу согласился отпустить сына с нами и в воскресенье сам пришёл поблагодарить за заботу о мальчике. Он приходил к моему отцу и раньше — благодарить за то, что я помог его сыну исправить отметки, и весьма хорошо отзывался обо мне. Отец принимал его очень дружелюбно и говорил с ним на политические темы, но о чём именно, я в то время ещё не понимал.

— Отец Миши очень умный и развитой человек. С ним интересно и приятно разговаривать. То, что он сейчас не работает на фабрике, не его вина. По-видимому, Миша весь в отца, тоже умница и хороший товарищ. Держись его и не обижай.

Я благодарил отца за его хорошее отношение к семье моего друга. С нетерпением ждал окончания занятий в гимназии, и день этот пришёл. Наша воспитательница собрала нас на последний урок и объявила, что все, кроме одного ученика, который всё время болел и в гимназию не ходил, переведены в первый класс. Она поздравила нас с этим торжественным событием и трём ученикам, перешедшим в первый класс с круглыми пятерками, в том числе и мне, вручила подарок от гимназии: три книги в роскошном переплёте. Это было мне приятно, стало приятной новостью и для родных. Они знали, что я на хорошем счету в гимназии, но как-то не придавали этому особого значения, для них это было само собой разумеющимся.

Придя домой, я рассказал о последнем уроке маме, показал книги и сказал:

— Вот видишь, как мне легко учиться, и всё это благодаря тебе и Люле. Знай, я буду учиться всегда хорошо, ведь это мне не стоит никакого труда. Этому я научен с самого раннего возраста.

— Ну и молодец! Я в тебя всегда верила и в тебе никогда не сомневалась. Однако теперь надо скорее ехать на дачу. Вчера мы говорили с отцом и решили поехать отдыхать в Абастуман⁶. Это хороший курорт в лесу в горах. Но дорога туда трудная, надо сначала ехать поездом до Боржоми⁷, а далее на лошадях, кажется 50–70 километров, через горы и город Ахалцихе⁸. По-

6 Абастуман — посёлок городского типа. Горноклиматический курорт был основан там в середине XIX века, но подлинное развитие он пережил, когда там поселился брат будущего императора Николая II Георгий Александрович (1871–1899), выстроивший дворец и создавший парк. Там же он и скончался в результате несчастного случая, после чего курорт стал приходить в упадок.

7 Боржоми — город-курорт на юго-западе Грузии. Знаменит минеральной водой.

8 Ахалцихе — город на юге Грузии, в 28 км. от Абастумана, основанный в XII в. С XVI в. находился под владычеством Османской империи. В 1829 г. по итогам Адрианопольского

слезавтра папа поедет туда и снимет нам дачу. Не пройдёт и десяти дней, как мы уже будем отдыхать в лесах Абастумана. Мы однажды с отцом, когда вас ещё не было на свете, жили там недельки две. Место нам очень понравилось.

— Мапочка, а нельзя ли мне поехать вместе с папочкой и помочь ему снять нам дачу?

— Вот что выдумал... Отец поедет туда, вернее всего, верхом, чтоб быстрее вернуться назад. Нет, ты ещё слишком мал для такого путешествия.

И вот папа съездил в Абастуман. На это он потратил всего два дня. Там он снял очень удобную квартиру у абастуманского лесничего, почти в самом центре Абастумана. Однако папа сказал, что Абастуман очень плохой город. И в нём нет тех удобств, которые предоставляются отдыхающим на курортах в Кисловодске, Пятигорске или Железноводске.

— Я снял, пожалуй, самый благоустроенный дом в Абастумане, и вам будет там удобно. Лесничий, хозяин дома, пользуется почётом в городе и вам во всем поможет. Санаторий, который есть в Абастумане, расположен в 10 километрах от города, но он туберкулёзный. Обычно в ту сторону дачники не ходят, чтобы не общаться с больными.

Затем папа добавил: «Надо быть очень осторожными с туберкулёзными больными, которые приезжают в Абастуман неорганизованно, как обычные дачники, и даже скрывают свои болезни. Надо будет остерегаться ненадёжных знакомств».

Глава 11. Отдых в Абастумане

И вот мы на месте. Поездка была очень интересной, но и трудной. Сначала мы — папа, мама, Люля, Вера, я и Миша — ехали поездом. Набрали вещей целый ворох — как выяснилось, много лишнего. Приехали в Боржом и остановились в гостинице, в которой папа заказал два больших номера. Погода была хорошая, и первое, что мы сделали, пошли в парк пить минеральную воду. Парк нам не понравился: узкое ущелье, по которому течёт река Боржомка. Ничего достопримечательного. Однако в моей жизни эти места оставили впоследствии большой след. Вернулись мы в гостиницу усталые и сразу легли спать. Завтра рано утром надо было выезжать в Абастуман. Папа заказал две линейки-брички: одну для вещей и для Миши с Люлей, другую для нас.

Выехали в 6 часов утра. Предполагалось, что обедать будем в Ахалцыхе и поздно ночью прибудем в Абастуман. К счастью, погода нам благоприятствовала. На бричках был брезентовый тент. Но если бы пошёл дождь, нам было бы несдобровать: промокли бы до нитки. За нами всё время ехали верхом двое джигитов. Оказывается, в этих местах

мира крепость вошла в состав России.

пошаливают разбойники, и потому папа нанял этих джигитов для нашей охраны. Когда папа об этом нам рассказывал, мы сначала посмеивались, но затем стало как-то жутко. Всех встречавшихся путников, пеших и конных, мы начали внимательно осматривать и провожали вслед глазами, пока они не исчезали вдаль. Был уже седьмой час вечера, а мы находились ещё далеко от Абастумана. Мама пожалела, что не согласилась заночевать в Ахалцыхе. Стемнело, надвигались сумерки. Папа позвал наших охранников и стал с ними о чем-то советоваться. Стало совсем жутко. Все притихли и сидели молча на своих местах. Линейка раскачивалась из стороны в сторону, создавалось впечатление, что мы едем по полю, а не по дороге. Да и на самом деле дорога была очень плохая. По-видимому, она давно не ремонтировалась: ямы, выбоины были на каждом шагу. Отец сел на линейку и задумался. Он был мрачен и неразговорчив. Мать спросила его, в чём дело и о чём он толковал с охранниками.

— До Абастумана осталось 16 километров, скоро мы въедем в лес и будем ехать вдоль реки Абастуманки⁹, притока Куры¹⁰. Самое лучшее, если вы будете дремать, тогда не заметите, как мы будем уже на месте.

— Но о чём ты так взволнованно говорил с проводниками? — перебила его мама. — Я же вижу, что ты расстроен. Говори, что тебя волнует?

— Ничего меня не волнует. Просто перекинулся мыслями с этими парнями. Оказывается, они уроженцы Тимотесубани¹¹, это старинный укрепленный район. Скоро будет ответвление в сторону этого района. В Тимотесубани есть крепость и храм — сокровище старины. Хотя ему уже 500 лет, он сохранился во всем своем великолепии, как никакой другой. Дорога идёт круто вверх. Едем мы медленно. Спите спокойно.

Скоро мы доехали до разветвления дорог, затем путь наш шёл по узкому ущелью, поросшему лесом. Стало совсем темно. Светила луна, и деревья отбрасывали на дорогу длинные тени. На душе было беспокойно, как-то жутковато. В голову лезли всевозможные мысли.

Всё произошло так внезапно, что я не успел даже по-настоящему испугаться. На повороте дороги из-за скалы выехали четыре всадника с винтовками в руках. Наши возницы круто повернули коней и устремились вскачь вниз по дороге. Один из всадников поскакал за нами следом, крича что-то по-грузински. Наверное, требуя остановиться. Молодой мужчина в солдатской гимнастёрке с берданкой¹² в руке крикнул ему, чтоб он не стрелял. А затем направил коня в нашу сторону.

9 Другие названия реки — Оцхе, Абастуманисцкали.

10 Кура — крупнейшая река Закавказья.

11 Тимотесубани — старинный поселок. Там находился одноименный монастырь Девы Марии, построенный на рубеже XII–XIII веков святым мучеником, князем Шалвой Торели-Ахалцхели, национальным героем Грузии. На его развалинах и был построен храм Успения Богородицы.

12 Берданка — однозарядная винтовка. Изобретателем считается Хайрем Бердан — американский военный, участник армии северян в Гражданской войне.

— Не волнуйтесь и постарайтесь спокойно выслушать меня, — произнёс мужчина. — Мы не разбойники, но и не мирные граждане. Обстоятельства сложились так, что нам необходимо раздобыть деньги. Мы будем просить вас поделиться с нами деньгами, которые есть, наверное, у вас. Скажу проще, мы революционные рабочие, которых преследует русская власть. Поэтому мы вынуждены скрываться, а деньги на жизнь брать у тех, кто ими богат.

— Сколько у тебя есть денег? — обратился он к папе.

Итак, мы были окружены вооружёнными всадниками, которые держали в руках берданки, и должны были отдать деньги, которые взяли с собой, чтобы провести отдых в Абастумане. Не успел папа что-либо сказать, как из линейки, где ехали Люля и Миша Котченко, раздался голос Миши:

— Подождите, выслушайте меня. Я сын рабочего, который за революционную работу уволен с фабрики, но продолжает революционную борьбу, возглавляя подпольную ячейку рабочих-большевиков. Выслушайте меня и поверьте мне. Семья, которую вы собираетесь ограбить, — почётная семья города Кутаиси, это не купеческая семья, вы не на тех напали!

— Мальчик, не вмешивайся в дело взрослых! Ты должен понять, что революционную борьбу нельзя вести без денег. Итак, сколько у вас денег? — опять обратился мужчина в гимнастёрке к отцу.

164

Папа хотел что-то сказать, но раздумал, вынул бумажник и достал из него 400 рублей.

— Вот всё, что у меня есть. Не так уж много... Только вы, если ведете, как говорите, революционную деятельность, должны были бы знать заветы товарища Ленина: брать деньги у классового врага. А я простой служащий, получающий скромное жалованье за свой честный труд.

— Хорошо, давай 300 рублей, 100 рублей оставь себе. Нет ли у Вас, мадам, каких-либо золотых украшений, которые мы могли бы продать? Ведь 300 рублей — это гроши, а риск нападения очень велик.

Без колебаний мама сняла с ушей свои золотые бирюзовые серьги и протянула их мужчине. Тот взял серьги, покачал головой и протянул сережки маме обратно.

— За них ничего не дадут. Вы поверьте, мы в большом затруднении. Нам очень нужны деньги для переправки людей на север. Остаться они здесь не могут. След уже схвачен. Что делать, как тут быть?

И вот мама, недолго думая, порылась в своей юбке и вытащила аккуратно сложенные бумажки 100-рублевого достоинства, так называемые «катеньки»¹³, и протянула мужчине.

¹³ «Катеньки» — просторечное обозначение сотенных купюр, на которых была изображена Екатерина II.

— Вот, берите эти деньги, я жертвую их на вашу работу, хотя в политике ничего не понимаю и думаю, что вы глубоко заблуждаетесь, проявляя непокорность царю. Царь милостивый и, наверное, простил бы вас и дал бы вам интересную работу.

Человек в гимнастёрке удивленно посмотрел на маму, слез с лошади, подошел к ней и сказал:

— Я студент Московского университета, сын известного в России человека. Я заверяю Вас, что всё в России не так, как должно было бы быть, и правит Россией не царь, а те, кто держат его в руках и творят нечто несообразное с правдой и честью человека. От всей души я принимаю Ваш дар на борьбу за правду. Я не знаю, кто Вы и какая Ваша фамилия, но знайте, деньги Ваши пойдут на правое дело. Народ благословит Вас: наши люди проводят Вас до Абастумана в целостности и сохранности. Не сердитесь на нас. Мы все — рабочие, и хотели бы трудиться во славу родины и народа. Но это невозможно, пока страна находится в руках полиции и её заправил. Вот вы, — обратился он к папе, — говорите о товарище Ленине. Да знаете ли Вы, какой это великий человек?! Такие бывают один на несколько веков. Вы просвещённый человек, но о Ленине знаете по-настоящему очень мало, вернее — почти ничего. Мадам, прощайте. Да благословит Вас Бог, в которого, я думаю, Вы верите. А тебе, мальчик, я дам совет, — сказал он, обращаясь к Мише, — береги своего отца. Передай ему братский революционный привет и скажи, что наша организация крепкая и, когда придёт час, мы поддержим кутаисских товарищей. Прощайте... Трогайте! — крикнул он нашим возницам.

Мы тронулись в путь. Два конника ехали за нами следом до самого Абастумана. Там один из них подъехал к нам.

— Прощайте, — сказал он и прибавил, что дальше ехать они не могут. И они ускакали.

Возницы подвезли линейки к дому лесника. Папа расплатился с возницами (у него осталось совсем мало денег) и сказал им:

— Вы смотрите, никому ничего не говорите, и вас и меня затаскают по допросам. Пользы ведь от этого никому не будет. Поняли? — и отпустил их.

Прибыли мы к лесничему в 10 часов вечера. Он был человек известный в округе. Его дома не было. Он с утра уехал в объезд и собирался вернуться только через 2 дня. Приняла нас его жена и отвела нам три комнаты из шести, составляющих их квартиру. При доме был большой фруктовый сад. Но было поздно, все хотели спать, и знакомиться с садом я не стал. Однако заснуть никак не мог. Я был разочарован. Вот было бы здорово, если бы на нас напали настоящие разбойники! Связали бы и бросили в забытой крепости. Вот где я мог бы отличиться! Я освободил бы своих. Напал бы на стражу, отнял бы оружие и вывел своих из крепости. Вот тогда бы я

прославился на весь край. А здесь что же? Отняли у нас деньги и отпустили. При этом разбойники оказались простыми революционными рабочими. Я ещё в политике ничего не понимал. Однако понял совершенно ясно, что Миша оказался вовсе не мальчиком, а сыном революционера. Смотрите, как ловко он это от меня скрыл! Ничего, я у него допытаюсь обо всём. Когда я приеду в Кутаиси, надо будет присмотреться к его отцу. Может быть, он станет большим человеком. Главное же, надо разузнать и понять, за что они борются. Честная ли это борьба? Не должен ли я в неё вмешаться? Я крутился и вертелся не в силах заснуть. Наконец под утро усталость взяла свое, и я крепко заснул.

Проснулся от голоса Люли.

— Ты что заспался как убитый? Уже 10 часов утра. Вера и Миша ушли гулять, смотреть Абастуман. А ты всё дрыхнешь. Здорово ты струсил вчера, когда на нас напали разбойники? Говори правду, слышишь?

— Вовсе это не разбойники... Так чего было пугаться? Это ты струсила. Вся побледнела и дрожала, как осиновый лист.

— Мама говорит, — заявила Люля, — что никому-никому не надо говорить о случившемся. Слышишь? Не вздумай проговориться! Забудь, что было.

166

— Люля, милая, расскажи мне о революционерах, я столько книг прочитал, а о наших революционерах не знаю ничего. Это очень, наверное, стыдно быть таким безграмотным. Наверное, товарищ Ленин написал книгу, а может быть, и книги. Почему нигде — ни в книжном магазине, ни у букиниста — я не встречал его книг? Они что, запрещены, что ли?

— Тебе рано об этом знать. Я должна сознаться, что и сама не очень грамотная в этом отношении. Поговори с отцом. Он тебе больше меня скажет по этому поводу.

Однако я нашёл другой источник информации. Вспомнил про Мишу, который открылся вчера передо мной в совершенно новом свете. Но мне надо получить от него информацию не принуждением, а в процессе откровенных разговоров. Таким образом, я составил план просвещения, который буду выполнять осторожно и последовательно. В это время Вера и Миша вернулись с прогулки и, захлебываясь, начали рассказывать, какое замечательное место этот Абастуман. Бурная речка Абастуманка течет вдоль живописного ущелья, разделяет курорт на две части, дачи ютятся вдоль речки на отрогах крутых гор, стискивающих ущелье. Совсем недалеко, около парка, река обрывается вниз водопадом. Оказывается, они спускались под самый водопад и даже промокли под его брызгами, но уже высохли. Всё очень красиво. Я пожалел, что не был с ними, и сказал Мише:

— Неужели вы не могли меня разбудить и взять с собой? Это не товарищески.

— Ты так крепко спал, что было жалко тебя будить. Тем более, что и отдохнуть после вчерашнего приключения тебе было надо.

— Ты... — сказала Вера, — помнишь, Миша, что родные запретили нам вспоминать о происшедшем?.. Витенька, мы узнали, что за водопадом имеется крытый бассейн для плавания. Тебе, такому яростному любителю плавать, я и сообщаю эту новость в первую очередь. Вход платный по абонементу, который мама нам купит, как только получит деньги. Вот ты и загорелся. Я знала, что обрадую тебя этим, не так ли?

— Верочка, ты, наверное, шутишь. Вот уж я никак не думал, что смогу тренироваться здесь в плавании. Миша, а ты умеешь плавать?

— Немного...

Я научу тебя этому виду спорта. Ты увидишь, как хорошо я плаваю. Верочка, правда, я плаваю хорошо? Лучше тебя. Не правда ли? Вот надо узнать у Люли, взяла ли она мои плавки. Беда, если нет плавков! Не в простых трусах же плавать.

Выяснилось, что плавки не брали, потому что выехали в горы, а не на море. Но плавки свободно можно было купить в спортивном магазине, были бы деньги. Мама сказала, что деньги придут через несколько дней, а пока она одолжила немного у хозяйки. Не знаю, как маме удалось выйти из создавшегося положения, не только не уплатив деньги за дачу, но даже обратившись с просьбой о займе. Мама была в очень хорошем настроении, как будто то, что она отдала деньги, взятые ею с собой, незнакомому человеку, её очень радовало. Но родных никогда не поймешь, чему и почему они радуются или огорчаются.

За обедом, которым нас угостила лесничиха (я её так называю), мы расспрашивали её о достопримечательностях Абастумана. Оказывается, если ехать по дороге вверх, там будет два перевала: один на Батуми, а другой на Кутаиси. Оказывается, мы зря ехали через Боржом. Путь через перевал короче и красивее. Мы тут же решили возвращаться через перевал. Лесничиха очень хвалила Тимотесубани, где можно осмотреть роскошный древний храм и развалины крепости. Однако главным для меня было записаться скорее на плавание в бассейн. Лесничиха сказала, что даст записку, и всё будет сделано. Мы пошли с Мишей на базар, но было поздно, и ничего путного мы не нашли. Купили только черешню по 20 копеек за фунт — очень крупную и спелую. Мы разукрасили свои уши парочками из черешен и гордо возвратились домой. Миша ни словом не обмолвился о вчерашнем приключении, хотя я часто бередил его душу рассказами о турецких разбойниках, о которых читал в книжках. Я тоже не затрагивал эту запрещённую тему.

Хозяйке — а теперь и нам — каждое утро с фермы привозили парное молоко, сметану и сливки. Часто привозили и творог. Так что мы по утрам питались свежей молочной пищей. Через 3 дня дедушка прислал

нам деньги и нежное письмо. В письме он подсмеивался над бедными путешественниками, которые растранижирили в дороге целое состояние. Ну конечно, он шутил.

Мы запаслись абонементом и на другие физкультурные снаряды, но практически ими не пользовались. А вот в бассейне пропадали часами, шли туда сейчас же после завтрака, а потом, закован, с синими губами грелись, лазая по горам, чтобы мама не обнаружила, до какой степени мы увлекались сидением в воде.

Миша, конечно, умел и любил плавать, но куда ему было равняться со мной! Нырять он просто плохо. Только уйдет под воду — сейчас же выныривает. То ли у него с дыханием были неладки, то ли глаза у него были непривычны к воде, только он сразу отказался от ныряния со стропил над бассейном. Вообще-то нырять с высоты стропил не разрешалось никому, но я подружился со смотрителем бассейна, и когда все уходило по домам, взбирался на стропила и прыгал в воду в самом глубоком месте бассейна. Смотритель мне говорил:

— Смотри, будь осторожен, тут не так уж глубоко, и если при прыжке ты сразу резко не будешь выходить в горизонтальное положение и плыть под водой на небольшой глубине, то разобьёшь себе голову о бетонное дно бассейна. Каково будет мне тогда?

168

— Как ты можешь сомневаться во мне? Я же ныряю с вытянутыми руками. Как же я могу разбить себе голову? Кроме того, я ныряю с открытыми глазами. Знаешь, на Зелёном мысу мы ныряли с моим двоюродным братом Котиком, прыгали со скалы с высоты в 10 раз большей, чем здесь. Верь мне, я умею хорошо плавать и тебя не подведу!

При этом я рассказывал смотрителю о море, о загранице и о тому подобной чепухе. А он слушал и старался всё, о чём я ему говорил, представить себе в воображении. Миша на стропила никогда не лазил, да ему смотритель никогда бы этого и не разрешил.

В это время в Абастуман приехала этнографическая экспедиция — ловить в горных потоках саламандру. Саламандры — это такие водоплавающие маленькие ящерицы, которые являются редкостью в России и водятся только в притоках реки Куры. Ловить их очень трудно, так как они зарываются в песок и найти их в нём невозможно. Класть яички саламандра забирается в горные ущелья, как можно выше по ручью. Этнографы остановились у лесничего. Когда я изъявил желание пойти с ними за саламандрами, они охотно согласились, предупредив меня, что еду я должен с собой взять сам, так же, как и они, поскольку готовить они на месте не будут: нет времени. К вечеру они обещали привести меня домой, поскольку им самим надо было отдохнуть и поспать. Миша тоже захотел пойти с ними, что ему охотно разрешили.

Однако путешествие оказалось более трудным, чем предполагалось

сначала. Во-первых, идти и лазить пришлось без всяких дорог или даже тропинок. Мы разорвали в клочья наши платья. Но главное — нигде пока не смогли найти каких-либо следов саламандр, как тщательно ни расчищали русла ручьев, резво сбегаящих с гор. Наши этнографы были озадачены. Приехали ведь они с подробными описаниями мест, где должны были бы водиться саламандры!

Итак, первый день поисков не увенчался успехом. Пришлось на окраине Абастумана выждать, когда стемнеет, чтобы прибежать домой в порванной до неприличия одежде никем не увиденными. Дома уже все были в волнении из-за того, что мы не явились, как было обещано, к чаю. А когда увидели меня и Мишу, не говоря уже о взрослых этнографах, невольно вскричали от удивления. Одежда висела на нас длинными лохмотьями, а ноги были изранены, все в царапинах и подтеках.

— Господи, что с вами стряслось? На вас набросились разбойники или дикие звери? — воскликнула мама, вся побледнев. — Вы все изранены!

— Ничего страшного, — сказал я, — колючки и шиповник разорвали нам одежду, когда мы продирались через заросли, но главное то, что ничего мы не нашли. Вы пока ещё не видели взрослых, они мало отличаются от нас. Они прошли через заднюю дверь и, наверное, переодеваются сейчас во всё чистое. И наш вид, когда мы переоденемся, тоже станет приличным.

Тут папа как начал смеяться, так и остановиться не мог! Мама пришла в себя, обмыла наши раны, дала чистую одежду, и мы стали выглядеть прилично. Однако царапины горели, и в теле был сильный зуд.

— Никуда я вас больше не пуцую. Хорошо ещё, что вы не свалились с кручи, — сказала мама. — Тоже мне географы нашлись!

Но я знал, что это только разговоры. Вечером за столом все и этнографы также обсуждали непонятное: куда девались саламандры? Описание мест, где ещё 3 года тому назад они водились и откуда образцы их были отвезены в Петербург, не оставляли никаких сомнений в правильности наших поисков. Однако никакого присутствия саламандр в этих местах обнаружено нами не было. И тут я вдруг сказал:

— А правильно ли Вы выбрали время отлова? Может быть, они ещё не выдупились из яиц, отложенных самками в прошлом году? Знаете ли вы, когда это должно произойти?

Мой вопрос сначала озадачил этнографов, они задумались, потом рассмеялись.

— Ты и прав и не прав в одно и то же время. Сезон саламандр уже начался, но почему они должны подниматься по тому же ущелью, что и 3 года назад? Их здесь стало мало, наверное, они вымирают. Этим, видимо, и объясняется наша неудача. Завтра мы пойдём другим ущельем. Послезав-

тра третьим, пока не набредём на гнездо, а может быть, на многочисленные гнезда этих рептилий. Но, ребята, мы вас завтра с собой не возьмём. Работа трудная и, главное, неблагодарная. Вот когда мы найдём саламандр, мы обязательно возьмём вас на результативную охоту. Не так ли, друзья?

На том и порешили. Когда все разошлись по комнатам, мы с Мишей пошли в свою (мы спали вместе). Я спросил его:

— Миша, ты никогда не говорил мне, что твой отец революционер. Объясни мне, что это за люди революционеры? Для чего они живут, работают? Над чем трудятся и чего хотят? У нас в семье никогда об этих людях не говорили или, может быть, и говорили, но до меня это не дошло. Я был в стороне от политики. И, конечно, в этом отношении я очень отстал!

Миша посмотрел на меня внимательно, как бы изучал что-то во мне, потом промолвил:

— Видишь ли, ты ещё совсем ребёнок. Начитался различных книжек, витаешь в облаках, и мир представляется тебе не настоящим, а каким-то чудесным, наполненным твоими героями. Ты живёшь обеспеченной жизнью. Познавать жизнь, какая она есть в действительности, тебе не имеет смысла раньше времени. Это не нужно ни тебе, ни твоим близким, ни твоим родным. Ты мне не поверишь и не поймешь, когда я начну говорить о жизни других, какой она бывает плохой, ужасной, полной отчаяния и безысходности. Родной мой, никогда, и особенно раньше времени, не старайся думать о чужих, о горе людском и о безысходности жизни для многих на земле.

170

Впервые я слышал от Миши такие слова. Больше он старался расспрашивать меня и особенно любил слушать меня, когда я рассказывал обо всём мною прочитанном.

— Ну, давай спать. Завтра пойдём в бассейн обмывать наши ссадины. Всё тело мое зудит. Видно, мы с тобой очень сильно ободрали кожу. Но это быстро заживёт, особенно у меня.

Я повернулся к стене и сразу заснул. Во сне грезилось, что я мчусь на диком мустанге по мексиканским прериям, чтобы овладеть кладом, зарытым ацтеками в пещере Мельпомены. Я был храбр в этих грёзах и в мечтах совершал невероятные подвиги. Наверное, Миша прав, что ещё рано покидать радостное детство и знакомиться с жизнью, какая она есть, в действительности. Однако я гордился, что у меня есть друг, верный и заботливый, и этот друг пришёл из другого мира, входить в который мне ещё рано.

Наши этнографы продолжали поиски, пока что безрезультатно. Появились сведения, что саламандр видели в окрестностях Боржома, и этнографы спешно отправились туда. Пока от них ничего не было слышно. Лето продолжалось. Папа давно уехал в Кутаиси. Мы с Мишей плавали и гуляли по диким окрестностям Абастумана. Созрела малина, и мы с Люлей

отправились вверх по Абастуманке к перевалам, где, как говорили, малины было очень много. Надо было пройти километров 15, да ещё все в гору, так что мы вышли из дому в 5 часов утра, только-только занималась заря. На место мы пришли к 10 часам утра. С нами шла дочка лесника, Аннушка, которая хорошо знала места и вела нас прямо туда, куда надо. И действительно, малины было очень много. Переходя с места на место, от куста к кусту, я клал крупные спелые ягоды в свою корзинку. Иногда, машинально, себе в рот — и сладко раздавливал их языком. Я вместе с Верой поднимался с одной стороны ложбины, а Миша, Люля и Аннушка поднимались по другой стороне.

И вдруг совсем недалеко от них на той стороне ложбинки я увидел медведя. Да, настоящего медведя, а с ним рядом — медвежонка. Они оба спокойно лакомились малиной. Я страшно испугался за своих. Но как их предупредить? Они медленно поднимались по склону, собирая малину и не ведая, что их ожидает неожиданная и очень опасная встреча с матерой медведицей и медвежонком, которого мать будет яростно защищать. Я вскочил, оставил корзину с ягодами Вере, сказал, чтоб она не двигалась с места. Она тоже очень испугалась, не зная, что делать. Я же стал быстро спускаться в ложбинку, чтобы, поднявшись на другую сторону, успеть предупредить об опасности. Я рассчитал, что только бегом смогу добраться до них вовремя. Но как тяжело бежать по колючему малиннику! Его ветви были выше меня, и под ветвями я был совсем не виден. Но я прилагал все усилия, всю прыть. Весь в поту, мокрый насквозь и задыхающийся, я добежал наконец до наших. Они посмотрели на меня и испугались. Что это со мной? Я же делал им знаки — не говорить громко, показывал все время в сторону медведя с медвежонком, которые спокойно лакомились малиной, не подозревая, что люди так близко от них. От бега я задыхался и потому не мог произнести ни слова. Наконец судорожно я глотнул воздух и прошептал:

— Там медведь с маленьким медвежонком, совсем близко от нас. Но ветер дует в нашу сторону, и они не замечают людей. Скорее идите за мной!

Люля побледнела, высунула голову из малинника и побледнела ещё больше, увидев не более чем в 50 шагах здоровую морду медведицы. Миша тоже её увидел, но вовсе не испугался. Взял за руку Аннушку, и они медленно и бесшумно стали спускаться вниз. Люля двигалась за ними следом, я за ней. Надо было пересечь открытое место. Пока мы прошли шагов 20, не больше. Не успели мы выйти на открытое место, как раздался рёв, а затем шум ломающихся кустов. Медведь и медвежонок улепётывали от нас что было силы. Миша засмеялся и сказал:

— Оказывается, мишки испугались не меньше нас. Видите, как улепётывают? Летом дикие животные бывают сытые и никогда не нападают на людей. Наоборот, они бегут от людей, потому что не ждут от них ничего хорошего. Остановитесь, позовем Веру и продолжим сбор малины.

Мы посмотрели в сторону медведей. Но их след уже простыл. Мы совсем успокоились. Однако Люля сказала:

— Пособираем ещё немного малины и направимся домой, чтобы вернуться засветло. Аннушка, как здесь — много медведей? Ты должна знать это точно от отца.

— Нет, их осталось уже немного. Люди злые, они уничтожают безобидных животных, когда это им удастся, ведь за это им обычно не приходится отвечать. Папа говорит, что изжить браконьерство очень трудно. Часто зверя убивают даже без пользы, лишь бы убить. Медведь на человека никогда не нападает. Нет к тому причины. Вы видели, с какой поспешностью они убегали? Вы правы, скоро надо собираться, чтобы засветло быть дома. Но бояться надо не зверей, а злых людей.

— Вот и приключение, о котором будет что рассказать дома, — сказал я. — Только дайте мне возможность об этом рассказать раньше вас. Вы увидите, как я это всё распишу, вы только не перебивайте меня!

Все согласились дать мне возможность описать происшествие по-своему. Через час все наши вёдра и корзины были полны малиной, и мы двинулись домой. Мы рассматривали склон горы и все пригорки вокруг нас, но, конечно, никаких медведей видно не было. Стало даже казаться, что нам почудилась встреча с медведем. Хорошо, что ещё только с двумя. Домой пришли засветло. Ведь вниз идти легче и быстрее, чем в гору. Мама поразилась огромному количеству малины, которую мы принесли, и сразу послала Люлю за сахаром, чтобы, не откладывая, варить варенье. Я же приступил к рассказу о нашем путешествии:

— Мама, ты не поверишь, — сказал я, — собирали мы малину не одни, а в обществе, как ты думаешь, кого?

И я пытливо воззрился на неё.

— А откуда я знаю, с кем вы собирали малину? Вижу, что собрали много, вот и всё.

— Нет, ты даже представить не можешь, в каком высокопоставленном обществе мы это делали. Разве самим, без посторонней помощи, можно собрать такое количество малины? Да нипочём! Ты, подумай, кто мог нам в этом помочь?

— Ну, я не знаю. Не тяни, говори!

Люля задержалась у дверей, чтобы узнать, что я скажу дальше. Решила, что успеет ещё сходить за сахаром.

— Так вот слушай! Собираем мы понемногу малину, а её не так-то много. Переходим от кустика к кусту и ту, которая спелая, отправляем в лукошко. Собираю я с Верой на одном склоне оврага. А Люля, Миша и Аннушка — на другом. Собираю и песенку напеваю. Вдруг рядом со мной раздалось сопение и чавканье. Думаю, что это Вера так чавкает?

Поворачиваюсь налево и — что же ты думаешь? — вижу: плечом к плечу со мной малину уплетает огромная медведица, а рядом с ней её юный сынишка-медвежонок. Ну, конечно, я не растерялся и говорю медведице: «Что же ты малину поедаеть вместо того, чтобы класть её мне в лукошко?» Посмотрела на меня медведица, улыбнулась и говорит: «Твоя правда, переложил лукошко в левую руку, буду я малину в него засыпать, уж очень она мне понравилась!» И начала она мне малину в лукошко сыпать. Как увидели Вера, Люля, Миша и Аннушка рядом со мной огромную медведицу, да ещё и с медвежонком, завопили они нечеловеческими голосами и пустились наутёк. А медведица и говорит мне: «Что это твои друзья, такие горластые и такие пугливые, петь тебе мешают? Удивляюсь, право», — и продолжила собирать малину и класть её в мое лукошко. Тем временем наша братва отошла от испуга и решила проверить, жив я или меня медведица забрала! Подходят, видят, что медведица тут, и опять дали дёру. Когда лукошко заполнилось до краев, медведица и говорит: «Пойди к своим и прикажи принести мне мёду пчелиного. Страсть как я его люблю! Пусть придут с пустым ведром, я его малиной наполню. А если мёд не принесут, пусть знают: я найду их и съем живьём». И, сказав это, дико зарычала.

Я, конечно, с лукошком, полным малиной, скорее ретировался и вскоре нашёл своих. Они сидели на бревне у дороги и судачили, съела ли меня медведица или нет. Вера утверждала, что съела, Люля и Миша качали головами и не верили. Как увидели они меня живым и здоровым, да ещё с полным-преполненным лукошком, удивились и засыпали меня вопросами: как я вырвался из лап лютого зверя? Клялись, что видели, как зверь держал меня в своих лапах. Ничем не мог я их разуверить, что виденное было простым миражом. А доказательством было лукошко, полное малины. Сказал, что кому-нибудь надо отнести медведице мёд, и она соберёт столько же малины. Но никто не согласился рисковать собой. Пришлось мне самому взять банку мёда, которую мы прихватили для завтрака, и отправиться назад, взяв, конечно, самое большое наше ведро. Все отговаривали меня, пугали, что назад я уже не вернусь, это ясно. Люля даже попыталась приказать мне: «Не ходи!» Но я, верный своему слову, поспешил назад к медведице, которая, увидев большое ведро, ласково заревела и похлопала меня лапой по плечу: «А я вижу — ты хитрый». Она поела меду, дала мед сыну, а затем вдвоем с сыном начала наполнять ведро малиной. Я тоже помогал им в этом. Ведро быстро наполнилось. Медведица и говорит: «Твои друзья большие трусы. Я знаю, они побоялись прийти сами ко мне. Скажи им, чтоб и близко ко мне не подходили, — задеру! Сам же в другой раз приходи один. Мы с тобой и без них наберём малины три короба. Но обязательно приходи с мёдом, очень его люблю». Так мы с ней и расстались. Вот, мама, тебе и отчёт, и объяснение, как смогли мы собрать так много малины.

— Ну и врунишка ты, Витя. Заливаешь, не стеснясь. Тебе сказочником сделаться надо, а не звездонавтом, как ты собираешься. Люля, чего же ты стоишь? Иди за сахаром.

— Мама, — сказала Вера, — про медведицу Витя говорит правильно. Была она в малиннике вместе с медвежонком, только наш храбрец улепё-

тывал от неё так же, как и она от нас. Но Витенька не может не прихвастнуть и не покрасоваться своим красноречием. Этого у него не отнимешь. А малины на перевале действительно много. Надо будет ещё раз туда сходить.

И тут вдруг вперёд выступила Аннушка и заявила:

— А может быть, и правда, что говорит Витенька! — И она ласково посмотрела на меня. — Зачем же он будет выдумывать так подробно? Нет, наверное, он говорит правду — так, как это было на самом деле.

— Но, Аннушка, о чем ты говоришь? — вмешалась Люля. — Ведь ты была с нами, и медведь был на нашей стороне. А Витя прибежал к нам, только чтобы предупредить об опасности. Вспомни, родная, как это было.

— Нет, Витенька говорит правду, — заупрямилась Аннушка, у неё в голосе послышались слёзы. — Если это не так, откуда же у него оказалось столько малины? И лукошко полное, и ведро! Разве он мог бы один собрать столько и так быстро? Да ни в жизнь!

И Аннушка подбежала к двери своей комнаты и уставилась взглядом на меня. Я опешил и заволновался. Все с удивлением смотрели на меня, ожидая, что я скажу, как объясню огромное количество малины да ещё такой крупной и спелой, которое действительно оказалось в моей таре. А я никак не мог этого объяснить. Проглотив слюну, я сказал растерянно:

— Что вы уставились на меня, как будто я какое-то чудо гороховое. Как говорил, так и есть, и нечего мне вам объяснять...

И тут я сам вдруг поверил всему, что наговорил в каком-то экстазе. И чтобы вконец не растеряться, выскочил на балкон, а потом в сад, недоумевая, что же случилось, что правда, а что лихая выдумка?

Второй поход за малиной осуществить не пришлось. Погода в начале августа так сильно испортилась, что о походе не могло быть и речи. Цельми днями лил дождь, сильно похолодало, и мама решила, что настало время возвращаться домой. Думать о дороге через перевал не имело смысла. Абастуманка вздулась и превратилась в бурный поток, к водопаду страшно было подступиться. На мамин призыв приехал папа и быстро вывез нас из Абастуманского плена. Время до начала занятий я провёл в нашем саду, наслаждаясь его богатыми дарами.

ЭССЕ, РЕЦЕНЗИИ, СТАТЬИ

129

Анна
Нуждина

Литературный критик, **ФИЛОЛОГ**. Колумнистка
журнала "Prosodia", лауреат премии журнала
"Знамя". Учится на филологическом факультете
НИУ ВШЭ

ПРОГНОЗИСТ МОРЕТТИ

Может ли филология, с точки зрения Франко Моретти, быть строго научной?

Итальянский филолог Франко Моретти, работая над книгой «Дальнее чтение»¹, был сначала профессором Колумбийского университета, затем — Стэнфорда. Несмотря на то, что многие статьи из книги основаны на результатах университетских штудий, язык и научная позиция Моретти не утратили полемичности. От первых русских формалистов, в частности, от Виктора Шкловского, на которого Моретти в книге не раз ссылается², он унаследовал специфическую удачу в написании манифестов, научную субъектность эдакого трикстера от филологии. Сторонник точных методов (digital humanities), Моретти свой, по сути, формалистский подход к проблеме и её предельно математизированное решение облекает в форму, способную скандализовать многих учёных со схожей методологией.

Статья «Литературная бойня»³, написанная в начале 2000-х, посвящена анализу формальных литературных категорий: приёма (улика) и жанра (детективный рассказ) в исторической перспективе. Моретти пытается объяснить популярность и успех Артура Конан Дойля, проанализировав тексты его «соперников» с точки зрения формальных единиц, ставших в дальнейшем основными признаками детективного жанра (основная единица — улика с возможностью дешифровки). В том, что подобный набор признаков существует по крайней мере для литературы XX века, сомневаться не приходится, что частично отражено в статье⁴ Юрия Щеглова о структуре детективной новеллы. Поскольку

исследования Моретти не дали «канонического» результата, то есть не показали полное и окончательное превосходство Конан Дойля над современниками по всем формальным критериям, он обрамляет научный материал полемическими пассажами. Ключевой для моего эссе вопрос о научности филологии в них решается дважды, причём с разных позиций: с позиции формирования канона и с позиции однородности методологического пространства литературоведения.

В формировании канона, как утверждает Моретти, филологи участия практически не принимают, а если и принимают, то находятся «на подхвате» у читателей. «Литература как бойня. А мясники на ней — сами читатели, которые читают роман А (но не В, С, Б, Е, Б, С, Н...) и так поддерживают жизнь А в следующем поколении, в то время как другие читатели могут подпитывать жизнь в следующем и так далее, пока в конечном счете А не будет канонизирован. Читатели, а не профессора создают каноны: решения учёных оказываются лишь отголоском процесса, который разворачивается принципиально вне стен «академии», они лишь неохотно проставляют штампы, не более того»⁵ — приговаривает Моретти всю университетскую традицию изучения «ключевых текстов мировой литературы». В этом преломлении филология не является в полном смысле наукой постольку, поскольку не определяет самостоятельно предмет своего исследования

и степень значимости данного предмета, а лишь обосновывает уже сформировавшиеся оценки. Причём читателей и рынок Моретти называет «слепыми создателями канона», потому что уверен, что нет никаких рациональных, научных оснований для выбора той или иной книги или автора из синхронии, в которой существует множество аналогов. Гипотеза учёного состоит в том, что совершенство формальных признаков жанра и есть то «непознаваемое событие», запускающее механизм канонизации. Впрочем, исследование конкретного материала эту гипотезу подтверждает лишь отчасти, поскольку сам Конан Дойл владел приёмом улики далеко не так хорошо, как сам Моретти изначально предполагал, и образ Холмса, а не жанровая техника, был для него первичен. Таким образом, филология оказывается чуть ли не в позиции гадалки со стеклянным шаром — из-за необходимости объяснять в сути своей случайности и связывать разрозненные события в историческую последовательность осознанного формирования литературного канона.

Есть у Моретти ещё один интересный тезис о каноне: филологи могут менять и адаптировать его тогда, когда рынок уже потерял к нему интерес (или не имел его вовсе). Это можно наглядно проиллюстрировать наличием «академического канона» и «массового канона», которые изредка сходятся на «золотых вершинах» мировой литературы: Шекспире, Данте, Гюго, Льве Толстом и т.д. и т.п. Не желая объяснять, который из бесов противоречия заставляет рынок любить Эдуарда Асадова, академические исследователи формируют свой русскоязычный поэтический канон второй половины

XX века: канон неподцензурный. И мы вполне можем видеть динамические изменения в нём, которые слабо коррелируют с изменениями в рыночном каноне. Позволю себе личный пример. Недавно мне вновь понадобилась статья⁶ Дмитрия Кузьмина о постконцептуализме, в конце которой он делает по тем временам смелый прогноз на будущее, утверждая, что вскоре в неподцензурный канон (и даже в первые его ряды) войдут имена Сергея Кулле и Василия Филиппова. И вот, двадцать лет спустя, у меня не возникло даже сомнений, что он был прав (правда, коллега, занимающийся Филипповым, лишь отчасти согласился со мной). А в это время на рынке Асадов лениво уступает пальму первенства Вере Полозковой, о которой пока ещё литературная критика (но со временем и филология) попросту вынуждена, даже вопреки собственным интересам, писать как о феномене. Получается, что академическая свобода и реализация филологии как «вещи в себе» возможна только вне рынка (или же, на самом деле, вне канона?).

Но несвобода в выборе предмета — не единственное, что мешает Моретти назвать филологию строго научной, он выделяет также методологическую несвободу. Как и в случае с канонами, исследователь предлагает радикальное решение проблемы: «Наш шанс — в радикальном разнообразии интеллектуальных позиций и в их откровенной, прямой конкуренции. Анархия. Не дипломатия, не компромиссы, не подмигивания любому влиятельному академическому лобби, не табу. Анархия». Моретти справедливо предполагает, что в условиях

зависимости от авторитетов и необходимости быть кому-то лояльным учёный перестаёт следовать за научной истиной и использовать методологию ей сообразную, и преследует цели социологического характера: например, карьерные и идеологические. У его высказывания есть компоненты, которые по отдельности реализуются во многих научных работах, но вместе фигурируют редко: 1) разнообразие методов; 2) прямая конкуренция; 3) смешение филологических и нефилологических методов. В этом сочетании, как мне видится, есть приметы времени, поэтому целесообразно посмотреть на то, как эта трёхчастная композиция решалась до Моретти (предположим, в 60-е годы) и после него (в новейшее время).

Роман Якобсон в статье «Лингвистика и поэтика»⁷ характеризует литературоведение как «объективный научный анализ словесного искусства» в противовес литературной критике, главной характеристикой которой становится субъективность. Таким образом, критерий 3 решается Якобсоном в пользу «чистоты» филологических методов. При этом общий пафос статьи — расширение области применения лингвистики на область поэтического языка — соответствует разнообразию филологических методов внутри одного исследования (критерий 1). Якобсон призывает литературоведов совмещать традиционные методы анализа с лингвистическими точными методами, что соответствует его концепции о грамотном описании одновременно синхронии и диахронии литературы. Сама статья, однако, изначально появилась в виде доклада на семиотической конференции (1960), что указывает на её бытование в рамках

одной литературной школы — и критерий 2 решается как конкуренция.

В 1967 году немецкий филолог Эрих Ауэрбах, автор знаменитой книги «Мимесис», в одной из других своих книг издаёт статью «Филология мировой литературы»⁸. Под задачей филологии мировой литературы Ауэрбах понимает систематизацию мирового литературного материала на основании исторической перспективы Гётевского типа (релевантность которой, кстати, отчасти оспаривает Моретти). Основная концепция этой, на мой взгляд, в некоторых местах очень спорной статьи состоит в том, что молодой учёный-филолог на заре оформленной глобализации способен выбрать частный предмет изучения (например, формальный, как у Моретти) и с его помощью описать мировую литературу в её исторической перспективе. Ауэрбах указывает, что филолог должен опираться на материалы исследований всех дисциплин гуманитарного цикла, однако предостерегает как от использования нефилологических методов (3), снова ругая критиков, а вместе с ними и социологов литературы, так и от методологической эклектики (1): «Интерпретатора на каждом шагу подстерегают сложившиеся, готовые, но редко единственно адекватные понятия». Сложно сказать, насколько Ауэрбах пытается конкурировать с авторитетными литературными теориями. Он скорее призывает отвергнуть их все и, опираясь на первейшие образцы филологических трудов и историзм Гёте, конструировать новую историко-филологическую методологию. Однако раз это не «общественный договор» с другими методологиями, то критерий 2 сочтём решённым в

пользу конкуренции.

Если учёные XX века склонны были к жёсткому оформлению границ филологии, к выбору чего-то одного или немногого из разнообразия методик и к отстаиванию представления о методике единственно верной, то в XXI веке им на смену приходят скорее филологи-плюралисты. Сергей Козлов в статье «Осень филологии»⁹, помимо того, что отвергает тезис о первенстве филологии в цикле гуманитарных наук (на чём ещё настаивал Ауэрбах), подмечает черту новейшего времени: представители когда-то противоборствовавших научных школ теперь научились находить компромиссы и выстраивать уважительную научную коммуникацию. «Метод здесь подбирается для каждого случая отдельно, в зависимости от материала. Метод принципиален и отрефлексирован, но вторичен», — отмечает Козлов, выстраивая модель «идеального филолога XXI века». Согласно этой модели, исследователь может пользоваться всей доступной ему методологической базой — как филологической, так и общегуманитарной. В статье Козлова критерии 1, 2 и 3 оформляются в стремлении к «свободной науке», лишённой ограничений и противоречий. Другой вопрос, что сам Козлов характеризует это как признак упадка.

Оформлению литературной теории как нестрогой литературной НЛО в начале 2021 года посвятило раздел «Книга как событие»¹⁰: пятеро филологов высказалось о книге Галина Тиханова «Рождение и смерть литературной теории» (Stanford University press, 2019). А уже в 2022 году в анкете «Гуманитарная наука

после 24 февраля»¹¹ большинство ответов о трансформации филологической науки за последние 30 лет было посвящено расширению теоретико-литературного аппарата не только методологией гуманитарного цикла, но целым комплексом приёмов общенаучного характера, ранее бывших специфически техническими / социальными или не существовавших вовсе. Вот что пишет Кевин Платт: «За последние тридцать лет гуманитарные науки претерпели кардинальные изменения в первую очередь в связи с радикальным изменением инструментов, используемых в применении к темам гуманитаристических исследований (язык, история, культурная жизнь)»¹². В контексте решения историко-литературных задач это изменение комментирует Сергей Зенкин: «В мировой литературной науке главное изменение состоит в том, что она все больше 1 с новой дисциплиной — cultural studies — и под ее влиянием постепенно изживает фиксацию на «великих» и «образцовых» авторах (от которой один шаг до культурного империализма)»¹³. Зенкин указывает на то, что филологическая наука в её современном полисинтетическом состоянии способна деконструировать канон, и расширение методологии ведёт к менее иерархичному пониманию литературного материала.

Деконструкция канона — вот задача, которую с помощью трёх выделенных критериев науки призывал решить Моретти. Он писал, что не может знать о состоянии литературоведения через 10 лет, однако он сделал довольно точное предсказание. Конкурентная борьба, по мнению Моретти, должна обеспечить движение науки по направлению к объективной истине,

однако что если задача филологии в другом? В бесконечном расширении оптики и гармоническом синтезе противоположностей? Филология без борьбы для Моретти, вслед за учёными XX века, тоже видится не строго научной. Возможно, что так и есть. Зато, судя по всему, современная филология не только гуманитарная, но и гуманистичная дисциплина.

Примечания:

¹Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шел и. Науч. ред. перевода И. Кушнарева. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

²Там же, напр., с. 113

³Там же, с. 103–137.

⁴Щеглов Ю.К. К описанию структуры детективной новеллы // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы –Текст. — М., 1996. С. 95–112.

⁵Моретти Ф. Литературная бойня // Моретти Ф. Дальнее чтение. — М.: 2016. С. 108–109.

⁶Кузьмин Д. Постконцептуализм // НЛО, 2001. №4.

⁷Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. — М., 1975. С. 193–230.

⁸Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. №5. С. 123–139.

⁹Козлов С. Осень филологии // НЛО, 2011. №4.

¹⁰КНИГА КАК СОБЫТИЕ. Galin Tihanov. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019 // НЛО. 2021. №1.

¹¹Гуманитарная наука после 24 февраля // НЛО, 2022. №6.

¹²Там же, с. 38.

¹³Там же, с. 30.

Татьяна Соловьева

Литературный **критик**.
Родилась в Москве,
окончила Московский
педагогический
государственный
университет.

Автор ряда публикаций в
толстых литературных
журналах о современной
русской и зарубежной
прозе. Руководила PR-
отделом издательства
«Вагриус», работала бренд-
менеджером «Редакции
Елены Шубиной».

Главный **редактор**
издательства
«Альпина.Проза», первый
заместитель главного
редактора журнала
«Юность».

ЛЕЧЕНИЕ ПРОШЛЫМ: КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Лауреатом Международной Букеровской премии этого года стал роман болгарского писателя Георги Господинова «Времеубежище» (2023), в котором, как следует из названия, категория времени играет важнейшую роль. Список из одиннадцати (!) эпиграфов тоже акцентирует внимание именно на времени. Причём четыре из этих одиннадцати принадлежат перу Гаустина — учёного-мистификатора, героя этого самого романа Господинова, и ещё один, очевидно, самому писателю (иначе кто ещё может скрываться под инициалами Г.Г. в этом контексте, хотя следов работы «Начала и концы» поисковику найти не удалось). Таким образом читатель довольно быстро осознаёт, что его втягивают в какую-то литературную игру: неоднократно встретив незнакомое имя в списке: Томаса Манна, Филипа Ларкина, Шекспира, Эллиота, Леннона и Маккартни — невольно полезешь проверять, кто это такой.

Психиатр-геронтолог по профессии и мистификатор по судьбе Гаустин открывает медицинский центр «Лечение прошлым», на разных этажах которого создано то самое времеубежище, что вынесено в название: здесь смоделированы разные десятилетия прошлого века. Его задача — зацепить ещё живые воспоминания у пациентов с прогрессирующим Альцгеймером и тем самым замедлить развитие болезни. Однако в какой-то момент становится ясно, что созданная Гаустином клиника гораздо более широкого профиля: это доказывает неожиданный всплеск

популярности этажа в стиле 1950-х.

Причём запрос этот зачастую идёт от людей, которые не просто не страдают Альцгеймером, но и вообще родились гораздо позже, а потому пятидесятые помнить никак не могут. Мы имеем дело с наведёнными, неслучившимися воспоминаниями, которые оказываются предпочтительнее реального мира. В условиях максимальной нестабильности и непредсказуемости люди выбирают темпоральный эскапизм: хотя бы и кажущийся.

Идея остановленного времени не нова: достаточно вспомнить хотя бы «Бессмертного» Ольги Славниковой, «Авиатора» Евгения Водолазкина и фильм «Гуд бай, Ленин!». Однако во всех упомянутых произведениях моделирование искусственного времени осуществлялось без ведома «пациента» и было вынужденным, здесь же это осознанный выбор людей, поиск точки стабильности в прошлом, когда впереди гарантированные несколько десятилетий относительного покоя. Таким образом тема взаимоотношений человека с прошлым оказывается непосредственным образом связана с темой бегства, имеющей для мировой литературы вообще и для русской в частности большое значение. Не останавливаясь подробнее на «Беглецах» Лермонтова и Чехова, а также на преломлении темы у Пушкина, напомним хотя бы о важной, но находящейся слегка в тени фигуре конца XX века — Александре Кабакове. Если

герой его романа «Беглец» выбирал бегство пространственное, то в «Невозвращенце» и «Приговорённом» оно было как раз темпоральным. Тенниси Уильямс в «Стеклянном зверинце» писал, что «время — это самое длинное расстояние между двумя местами», смешивая тем самым хронологические и пространственные категории до неразличимости.

Упомянув «Авиатора» Евгения Водолазкина, нельзя не назвать и более поздние его романы, каждый из которых так или иначе работает с темой времени (или связанной с ним категорией памяти). В «Брисбене» (2018) центральный нарративный приём связан как раз с двумя временными линиями и двумя повествователями (не считая звучащего в эпилоге голоса автора, возвращающего нас в настоящее). Первая — главы из книги писателя Нестора, работающего над биографией главного героя музыканта Яновского: они охватывают период с 1972-го по 2000 год. Псевдоним писателя отсылает нас к «Повести временных лет» — летописному своду начала XII века. Вторая линия — дневниковые записи самого Глеба Яновского с 2012-го по 2014-й, в которых тоже временами встречаются краткие, почти фрагментарные воспоминания. Воспоминания эти практически лишены налёта ностальгии и меланхолии. Память здесь фиксирует энтропию, с которой герой уже практически смирился. Подобно тому, как Ветхий Завет содержит претексты новозаветных историй, зеркалит жизненный путь Христа, главы, написанные Нестором, предвещают события из дневника Яновского. И это ставит вечный вопрос о цикличности

времени. Особые отношения с временем у Евгения Водолазкина и в «Оправдании Острова» (подробнее мы писали об этом в рецензии «Единство мимотекущего времени»¹). Перед нами роман-хроника, охватывающий период со средних веков до современности, её последовательно пишут разные летописцы и неизменно комментируют Парфений и Ксения — князья, родившиеся в Средние века и дожившие до наших дней. Через подобное фантдопущение автор показывает, что их внутреннее время течёт совершенно иначе, не так, как общее.

Княжеская чета наделяется авторским сверхзрением, зрением современного человека, глядящего в прошлое. Хронотоп романа очень сложен именно за счёт хроноса (пространство там сужено до одного острова), которое постоянно меняет свою природу, растягивается и сжимается. Историческое время в начале романа вязко и тягуче, неспешно: «люди ещё были полны райской вневременности. Стоя одной ногой в вечности, они ещё только привыкали ко времени». Но постепенно, с течением столетий, оно всё сильнее разгоняется и подминает людей под себя. Прошлому в романе противостоит будущее, а историческому времени — личное: и настоящее, и прошлое, данное нам в воспоминаниях, собственных и наведённых. Наконец, последний на данный момент роман «Чагин» посвящён проблеме памяти как мощнейшему инструменту и величайшему проклятию². Исидор Чагин — мнемонист, он помнит абсолютно всё и во время учёбы исследует феномен памяти (как та сороконожка, что пытается проанализировать, как она не

путается в собственных ногах при ходьбе). Память как суперспособность противоположна воспоминанию: у Чагина это сохранение символов в собственном сознании, воспоминание же — это воображение о прошлом, которое никогда не тождественно себе самому. И потому четвёртая, заключительная, часть романа выстроена так, как будто все происходящие в ней события происходят одновременно: с реальным настоящим соседствует прошлое в настоящем, смоделированное воспоминаниями. Так память становится создательницей прошлого.

Теме памяти и нетождественных самим себе воспоминаний посвящён и дебютный роман Ромы Декабрева «Гнездо синицы» (2023). В нём цепочку событий запускает одна навязчивая сцена из прошлого, которая, однако, постоянно трансформируется. Воспоминание представляет собой не готовый файл, но сгусток образов, эмоций и ассоциаций, а потому в сознании закрепляются лишь какие-то опорные точки, картину вокруг которых мозг всякий раз выстраивает заново. Проблема подлинности личных воспоминаний, на которые оказывает влияние вторичная реальность произведений искусства, интернет-страниц и социальных сетей, находит отражение как в «Исландии» Александра Иличевского (2021), так и в «Гнезде синицы», герой которого пишет: «Память ловко подтасовывает карты, выставляя меня то в лучшем, то в худшем относительно действительности свете». Идея даже не в том, что одно и то же воспоминание героя каждый раз отчасти новое, а в том, что раз за разом отчасти новым предстаёт сам герой. Человек не управляет памятью,

но память управляет человеком на бессознательном, инстинктивном уровне. Это то, о чём Иосиф Бродский писал в эссе «Меньше единицы»: «Память, я полагаю, есть замена хвоста, навсегда утраченного нами в счастливом процессе эволюции. Она управляет нашими движениями, включая миграцию. Помимо этого есть нечто явно атавистическое в самом процессе воспоминания — потому хотя бы, что процесс этот не бывает линейным».

Влиянию прошлого (губительному и разрушительному, но при этом позволяющему собрать и выстроить себя настоящих) посвящены и романы Веры Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари» (2021) и «Сезон отравленных плодов» (2022). Призраки и монстры былого никуда из жизней героев не уходят (и в этом смысле время, конечно, ничего не лечит, только растягивает боль во времени), но без осознания их как монстров герои не стали бы теми, кто они есть. При этом действие в «Павле Чжане» разворачивается в настоящем и будущем, а в «Сезоне» — в прошлом (1990-е) и настоящем.

Особые отношения с личным прошлым и большой историей складываются и у героев романа Евгения Кремчукова «Волшебный хор» (2023): Дмитрий Баврин не просто ловит флешбеки, он осознанно проходит в родном городе каждый день через собственное прошлое, бесконечно множа один и тот же день сквозь десятилетия, и тем самым физически присутствует сразу в нескольких временах. Настоящее — это не точка на временном отрезке, но вектор, начавшийся с рождения и делящийся в сейчас и дальше. И родной город, и человек сам по себе —

это машина времени, поскольку они не только существуют в настоящем, но и заключают в себе множество воспоминаний. Любопытно, что именно такую метафору использует Гаустин, и она приводится в одном из эпиграфов к «Времеубежищу»: «Человек — единственная машина времени, которой мы располагаем». Если прошлое живо в человеке, значит, оно живо в принципе. Сопливый солипсизм, говоря языком папы мальчиков из «Кондуита и Швамбрании», возведённый в абсолют. Друг детства Баврина Михаил Протасов — учитель истории. Одно это уже символично, но Кремчуков усиливает эффект: Протасов не просто изучает историю, он пытается управлять ею, записывает её в обратном порядке, стремясь развернуть её вспять. И этот мотив роднит «Волшебный хор» с «Времеубежищем» Господинова: «вечером он садился, открывал эту свою общую тетрадь из школы, а рядом другую общую тетрадь; кажется, они только цветом обложек у него специально различались, и переписывал переписанную сегодня в школе энциклопедическую статью еще раз — из одной тетрадки во вторую. От руки. Слово в слово, точь-в-точь. Только в обратном порядке — от конца к началу».

Непрерывность времени, его постоянная повторяемость — объединяющее начало и в сборнике Владимира Лидского «Тёмная Лида» (2023). Время в том виде, как мы его знаем — совершенная абстракция, искусственно созданная и принятая людьми за истину категория, в подлинности которой можно — и нужно — усомниться. Жизнь и смерть человеческие, по Лидскому, это не что иное как смена биологических состояний, и именно

в этом смысле смерти нет. Каждый из текстов сборника, написанный одним предложением, без точек — это часть общего, глобального метатекста, состоящего из множества историй, героев, сюжетов. Такой тип нарратива коррелирует с приведённой выше цитатой из Бродского и позволяет использовать в письме ризоматическую композицию, когда линейность не просто нарушается — никакой линейности вовсе не существует, а время и пространство разрастаются внутрь текста, в котором из какого-то смыслового центра расходятся разные линии, имитируя принцип человеческого мышления.

Наконец, ещё один роман, который нельзя не упомянуть в этом разговоре, — это «Валсарб» Хелены Побяржиной (2023), построенный на пересечении личной истории и коллективной памяти, памяти человека о том, чего он сам по себе помнить не может. К Девочке, живущей в мире слов, во снах и наяву приходят бывшие люди, которые рассказывают ей свои истории в надежде сохранить имена. Девочка живёт в романтическом двоемирии, для неё мальчик Моше, которого она (и только она) видела в детском садике лишь однажды, или Парень из Сквера настолько же реальны, как бабушка, пан Бог Дед или довольно неприятная учительница. Чужой памяти не существует. Особенно когда речь идёт о людях, которых зверски лишили и личной истории, и шанса на продолжение рода, и возможности остаться в воспоминаниях близких. Ребёнок — ненадёжный рассказчик, но существуют ли надёжные рассказчики в принципе? Если каждый человек не тождественен себе в разные моменты жизни, если

даже про себя он вспоминает всякий раз по-разному, то романтическое мировосприятие ребёнка — лишь одна из возможных оптик, не более.

Приведённые примеры — лишь некоторые из огромного корпуса литературы последних лет, в которой темы времени, истории и памяти играют важную роль. Конечно, говорить о том, что эти темы открыты только сейчас, было бы большой ошибкой, но не заметить

определённый фокус внимания современных — как российских, так и зарубежных — писателей на этих темах тоже невозможно. Кажется, мы снова живём в интересное время. В настолько интересное, что оно требует постоянной смены оптик и обращения к опыту прошлого для его осмысления и перезагрузки. К чему эти писательские усилия приведут, время, опять-таки, покажет.

Примечания:

1. Татьяна Соловьева. Единство мимотекущего времени // Юность, 2021. №1. — URL: <https://unost.org/authors/tatyana-soloveva/edinstvo-mimotekushhego-vremeni/?ysclid=ljjw7219x7175067300> (Дата обращения: 20.07.2023).

2. Татьяна Соловьева. Воображение о прошлом. О романе Евгения Водолазкина «Чагин» // Юность, 2022. №10. — URL: <https://unost.org/authors/voobrazhenie-o-proshlom/?ysclid=ljk4mmfhso556810683> (Дата обращения: 20.07.2023).

Окончила ЧУ СОШ
«Столичный-КИТ» в г.
Москве в 2023 г.,
поступает на
издательское дело.

Елизавета Парамонова

ЖИЗНЬ И КНИГИ АСИМАНА

Для лучшего понимания романов Андре Асимана стоит обратиться к его биографии. Андре Асиман родился в 1951 году в Александрии, на севере Египта. Многие его предки были евреями, прибывшими в Египет из Италии, что впоследствии отразилось на его прозе. Живя в родном городе, Андре Асиман ходил в британский лицей, воспоминания о котором можно встретить в книге «Из Египта». Покинуть Египет семье автора пришлось в 1960-х годах, так как в это время огромная часть евреев была изгнана из страны. Его семья переехала в Италию. Но уже в 1968 году они переехали в Нью-Йорк, где в настоящее время живёт Асиман.

В Америке Асиман получает степень бакалавра английского языка и литературы в колледже Леман, а после заканчивает магистратуру по литературе в Гарварде. Сразу после обучения писатель начал преподавать литературу в Нью-Йоркском университете, а также французскую литературу в Принстоне и Бард-колледже.

В сорока четырёхлетнем возрасте Асиман написал свою первую книгу «Из Египта», которая очень понравилась американским читателям и критикам. Как раз благодаря ознакомлению с его мемуарами «Из Египта», можно провести некие параллели между биографией автора и его произведениями. Как указано в аннотации, в своих мемуарах автор рассказывает о воспоминаниях из своего детства, о своей семье и о том, как им пришлось покинуть страну. Во время прочтения данной книги не покидает чувство, будто тебя

впустили в семью, в которую входят и родители, и дедушки, бабушки, а также многочисленные дяди и тётки. Чтобы лучше передать атмосферу этой большой семьи, хочу обратиться к одной цитате из книги: «Если даже в собственном доме мы не можем говорить, что думаем, значит, у нас нет дома!»¹.

Связь биографии Асимана с его книгами заключается и в героях, и в местах, где разворачиваются события. Зная о прошлом автора, о его собственной истории, читать его книги намного интереснее: появляется возможность проводить параллели выдуманного мира с настоящей жизнью автора. Замечать сходство жизни и книги не только в деталях, но порой и в целых отрывках.

Прочитав книги автора, приходишь к выводу, что страны и города, в которых он жил, сильно на него повлияли, нашли отражение в его прозе. Так, действия в книге «Гарвардская площадь» разворачиваются в Кембридже, где автор какое-то время учился, в романе «Восемь белых ночей» персонажи проводят время в Нью-Йорке, где Андре Асиман живёт сейчас, а действия книги «Назови меня своим именем» происходят в Италии, откуда были предки самого автора и где он жил на протяжении трёх лет.

Но особо выделить хотелось бы роман «Найди меня», а именно, его последнюю главу «Да Саро»², где главные герои отправляются в Александрию. Город, в котором Андре Асиман провёл своё детство, которому посвятил книгу «Из Египта». По словам самого автора, он возвращался в Александрию всего однажды,

и эта поездка разбила ему сердце³. Исходя из сказанного, мы понимаем, что, перенося своих героев в этот город, автор отдаёт им частичку своего прошлого.

Интересно рассмотреть книгу «Гарвардская площадь». Все события происходят в университете, где учился и сам Асиман — в Гарварде. По сюжету книги, мужчина в годах приходит вместе со своим сыном посмотреть на университет и погружается в воспоминания времён, когда он и сам там учился. Можно предположить, что некоторые воспоминания главного героя принадлежат самому Асиману и описывают его молодость в Гарварде. На этом сходства с жизнью автора и данной историй не заканчиваются. Главный герой романа, как и сам Асиман, имеет еврейское происхождение.

Также хотелось бы обратить внимание на одну интересную деталь. Для этого стоит обратиться к двум произведениям Андре Асимана: мемуарам «Из Египта» и роману «Энигма Вариации»⁴. В двух этих книгах, одна из которых является воспоминаниями автора, есть достаточно схожие сцены: главные герои смотрят в окна дома, где они когда-то находились, и вспоминают счастливые моменты своей жизни:

«Тёмные окна бабушкиной квартиры были забраны ставнями. Ну разумеется, свет не горит, подумал я, ведь дома никого. Их двадцать лет как нет в живых!... Что, если мебель, посуда, одежда и все вещи, что она скопила за долгие годы, по-прежнему ждут и навеки останутся ее и только ее, поскольку вплетены в ту жизнь, которой она их окутала?» («Из Египта»).

«Её освещённое окно находи-

лось на четвёртом этаже. После вечерних занятий в библиотеке я провожал ее до входа в ее общежитие, а сам потом отправлялся в своё, но через минуту- другую всегда оборачивался, чтобы увидеть, как она зажигает свет. Мы не произнесли ни слова. Просто стояли, не шевелясь. Она все понимала» («Энигма Вариации»).

Да, эти моменты во многом схожи. Если уделить двум фрагментам из разных книг побольше внимания и сопоставить их, можно заметить, что для автора они достаточно важны. Возможно, окно определённого дома является символом. А именно, символом прошлого и возможностью ненадолго вернуться в своих воспоминаниях на много лет назад. Важно и то, что сцена из книги «Энигма Вариации» повторяет сцену из воспоминаний самого Андре Асимана.

Вторая книга, представляющая интерес при разговоре о параллелях между жизнью автора и событиями в книге, — «Восемь белых ночей». В одном из интервью Асиман признался, что события этой книги автобиографичны⁵. Возможно, именно то, что автор в жизни встретил девушку, с которой очень схожа главная героиня романа Клара, и придало этому роману свой неповторимый шарм. Действия, как и главные герои этой книги, наполнены жизнью и строятся на любовных терзаниях.

Андре Асиман, как и многие современные авторы, черпает вдохновение для книг из своей личной жизни, хотя их и нельзя отнести к автофикшну. Такие детали делают его романы более «живыми», интересными. Перечитывая эти книги, каждый раз замечаешь новые детали, попавшие в книгу словно из жизни автора.

Примечания:

1. Андре А. Из Египта / Пер. с англ. Ю. Полещук. М.: Издательство Книжники, 2020. 2. Андре Асиман, биография (24СМИ): <https://24smi.org/celebrity/223652-andre-asiman.html>
2. С самого начала (ит.).
3. Интервью журнала Blueprint «Андре Асиман. О любви, сексе и боге», текст Лиза Биргер, 2020.
4. Андре А. Энигма вариации / Пер. с англ. А. Глебовская. М.: Издательство Porcogn Books, 2019.
5. Интервью журнала Горький «Вернуться к Гомеру и Вергилию: интервью с Андре Асиманом», текст Арен Ванян, 2020.

Литературный
критик,
КНИГОТОРГОВЕЦ .

ЕЛЕНА
ИЩЕРЕТ

Литературный журнал «Нате»

ИНТЕРТЕКСТ НА ПРОСВЕТ

(Рома Декабрев. *Гнездо синицы*. — М.: Альпина.Проза, 2023. — 320 с.)

Однажды где-то в глубинах золотого века модерна люди обнаружили, что их увлекает не сам текст, а процесс его восприятия. Сначала это открытие забавляло. Потом начало пугать. Потом кто-то в попытках отменить чудовищную действительность схватил топор и от души хватил модерн по темечку, но тот, вместо того чтобы честным образом умереть, отрастил приставку пост-

С тех пор случилось немало попыток вернуть тексту хоть что-нибудь: если не сакральность, то хотя бы серьёзность, если не уникальность, то хотя бы этическую ценность, если не смысл, то хотя бы связность. В определённых ситуациях и до известного предела это получалось, но где-то за кадром всё равно постоянно маячил кто-то без лица, с неуловимо-насмешливым голосом неопределённой окраски, и напоминал не без издёвки, что всё можно иронически обыграть, перевернуть, нарезать и задом наперёд истолковать. А самое страшное — если за этим кем-то начать гоняться, в процессе можно догнать и убить остатки бога, которому после века разума и постулатов Ницше и так фигово. Или добить сакрализацию какую-нибудь. Или просто испортить себе настроение.

Поэтому появились тексты, ускользающие от интерпретации, превентивно сломанные во всех привычных местах и на всякий случай ещё вывернутые в непривычных, отвлекающие сами от себя примерно так же, как птица отвлекает хищников от гнезда. Эти

тексты подготовлены и к тому, чтобы их читали с конца: у них там обычно фальшивая голова, как у некоторых гусениц.

Но если научиться виртуозно ускользать от любой интерпретации, будучи к ней безусловно открытым, так, что она ускользнёт из тебя, как вода из плетёнки, не потеряешь ли ты всякую ценность? В конце концов, текст должен быть читабельным, а то у нас нынче книгоиздание — вещь коммерческая. Слишком сложные игрушки не проходят тест-драйв.

«Гнездо синицы» отлично будет продаваться вместе с ковриками для медитации. Это эмбиент*-книга: переплетение микросюжетов нужно не для того, чтобы их немедленно расплести и классифицировать, а чтобы вас внутри убаюкали. Утыкайтесь клювиком в стенку: вот красный проводок, то ли от бомбы, то ли от машинки с детской площадки. Здесь плакать, потом смеяться. Вот шерстяная нитка — ностальгируйте по деревенскому детству, вопите от давних травм — выбирайте эмоциональную волну сами, ни в чём себе не отказывайте. Это просто нитка. Вблизи от жилья птицы строят гнёзда из чего придётся, и всерьёз проводить изыскания, глядя на переплетения веток с отсылками к свалке, нерезультативно.

Можно сказать — это роман о творчестве. О мучительных поисках голоса и бесконечном сплетании смыслов, когда приходится часто уже законченную, выверенную линию перекраивать и перевязывать во славу гармоничного целого.

Или это роман о памяти, сложносоставной и распадающейся, бесконечно ветвящейся, оплетающей сложными эмоциональными связями безделушки, третьестепенные детали. Или вот у меня дома стоит коробка разноцветных камешков для аквариума, хотя аквариума никогда не было и вряд ли будет. Камешки были нужны как нестандартные пуговицы, но мне так нравится смотреть, как почти все гости бесконечно счастливо роются в этой коробке, даже не строя версий, зачем это всё у меня стоит, что я куплю на пуговицы другую порцию камней, а эту оставлю так, во славу человеческого разума и его способности не только к бесконечному поиску истины, но и к непосредственному восприятию. Так что и «Гнездо синицы» мне нравится воспринимать как такие американские горки сознания — от печали к радости, от беспечного любования к напряжённо-сосредоточенному «где-то я это уже видел».

Чем хороша интертекстуальность, кроме возможности автору считать себя умным? Тем, что определённые цитаты в своём изначальном виде вызывают определённые эмоции. Можно до некоторой степени точно спрогнозировать, опросив, скажем, для начала друзей и коллег, что почувствует читатель, внезапно встретивший в чисто кафкианских офисных угодах черепаху из Апорий Зенона. Допустим, треть порадуетсся своему уму и начитанности, треть почувствует обычную перегруженную безысходность Ахиллеса на десятом круге и подумает, что надо менять рабочий график и подход к тайм-менеджменту, одна шестая будет раздражена тем, что автор неуместно умничает, а ещё одна шестая, не помня ни о каких Зенонах, затынет песенку Львёнка и

Черепахи. А главное — у всех именно в этом самом месте возникнет некая эмоциональная напряжённость, пробежит разного рода импульс. Декабрев катает читателя, как горошинку в механической музыкальной шкатулке, от импульса к импульсу, какими бы они ни были субъективно. Или — нарушу золотое правило «одна метафора на абзац» — герои «Гнезда» толкают, щипают и тычут читателя беспрестанно, как толпа хулиганов — ботаника. Да почему только герои? Образы тоже не отстают.

«Два квадрата, повернутых друг относительно друга на сорок пять градусов, и две окружности. <...> Мне казалось, что знак мог быть связан с Вифлеемской звездой, часто изображаемой на иконах в виде октаграммы; с другой стороны, он скорее напоминал мусульманский каллиграфический символ руб аль-хизб, но всё же не был им, так как, в отличие от последнего, был заключён в ещё одну окружность — таким образом восьмиконечная звезда ограничивалась снаружи и изнутри; в нумерологии (не утверждаю) восьмёрка ассоциируется с бесконечностью, на что могли бы намекать обе эти окружности: внешняя, за границей которой раскинулся необъятный макрокосм, и внутренняя, куда вечно утекает от умопостижения бесконечно малое; в течение восьми лет Феб пас овец Адмета, в наказание за убийство предсказателя Пифона; вместе — одна окружность внутри другой — также имели сходство с радужкой и зрачком...»

Воистину — многие знания есть многие печали. Несчастный читатель раз пять теперь обязан провалиться в бескрайние глубины непостижимого космоса и ещё четырежды до конца страницы замараться о бесконечно вечное и

увидеть миллионы миллиардов таких миров, прежде чем рассказчик сжалится и скажет, что наконец вспомнил синичкино гнездо, и теперь в его орнаменте (час от часу не легче!) видит судьбы родины, никак не меньше.

Так что расстилаем коврики для медитации, садимся поудобнее, прекращаем думать и готовимся воспринимать. А кто уснёт — тому синица на нос нагадит.

Примечания:

*эмбиент — жанр электронной музыки со сложным, непредсказуемым ритмом, создающей как бы звуковой ландшафт, атмосферу.

Окончила исторический факультет МГПУ (2004), Литературный институт им. А.М. Горького (2015). Проза, поэзия и критика
Публиковались в журналах «Урал», «Новая Юность», «Кольцо А», «Прочтение», «Текстура», «Полутона», «Книжное обозрение», «Литература», «Rara Avis», «Формаслов» и др.

Дарья
Мезенцева

Вышли две книги стихов: «Нетленки и Ерундашки» (2013, в соавторстве с Еленой Борок), «Девять недель до мая» (2017). Член Союза писателей Москвы.
Фото: Ната Котовская
<https://vk.com/lunatta>

И ПОСЛЕ НОЧИ БУДЕТ ДЕНЬ

(Саша Николаенко. *Муравьиный бог: реквием*. — М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2022. — 570 с.)

В книге «Муравьиный бог» московской писательницы, художницы Александры Николаенко, автора романов «Небесный почтальон Федя Булкин» и «Убить Бобрыкина», сталкиваются два мира: детства и старости, прошлого и будущего, уходящей и только начинающейся жизни. Книга эта удивительная, яркая, пламенная — и страшная. Перед читателем разворачиваются судьбы бабушки, деда и внука, живущих всё лето на даче, изводящих друг друга — и каждый дан объёмно, правдиво. Место действия — дачный посёлок в Подмосковье, время действия — начало восьмидесятых.

Бабушка Вера — абсолютно сломанное жизнью существо, постоянно источающее яд — унижает внука, как до этого унижала трагически погибшую невестку, унижает мужа — лежачего больного, которого зовёт «покойником». Формально она делает всё необходимое для комфорта родных: кормит, убирает, заботится об их телесном здоровье. Как это типично для поколения наших бабушек-прабабушек, прошедших войну, выросших в бараках или просто в плохих жилищных условиях, недоедавших, экономивших на всем. Думаю, многие узнают в бабке Вере своих родных, которых, жалея и понимая, с трудом терпели из-за унижительного обращения, постоянных оскорблений и обесценивания. Проблема в том, что бабка — единственный взрослый, который остался у мальчика Пети, лишившегося родителей (и то, как именно умерли родители, имеет сюжетобразующее значение).

Петя — ребёнок, школьник. Он читает приключенческие книги, фантазирует, бежит купаться на канал с соседкой Сашкой, постигает жизнь и смерть, наблюдая за животными и насекомыми, нарекает себя богом муравьёв и насылает на них возмездие, поджигая муравейник, — в общем, ведёт обычную жизнь советского ребенка. И всё бы хорошо, если бы не постоянный прессинг со стороны бабушки, которая словесно унижает, уничтожает его на протяжении всего текста (в книге — за одно лето, но фактически в течение трёх лет со смерти родителей). И только на последних страницах терпеливый, тихий Петя позволяет себе наконец-то накричать на бабушку, высказаться, выплеснуть эмоции. Это жутко.

Жутко — вообще основная эмоция книги. Жутко и от «покойника» деда Данилы, который лежит уже десять лет после инфаркта (до которого его тоже довела бабка Вера), и общается только криками, стуком в стену и лаконичным лексиконом а-ля Эллочка Людоедка. Петя видит в нём родственную душу и пытается достучаться. У него это даже почти получается, но проблема деда Данилы в том, что, хотя «при жизни» он и погуливал налево, по-настоящему он любит только свою жену Веру. Довольно точное наблюдение об абсурдности и непостижимости человеческой любви.

Главная Петькина отдушина — соседская девочка Сашка, его ровесница. Вместе они ездят на велике, купаются, едят арбуз, фантазируют и делятся сокровенным.

В общении с Сашкой Петя встречает ясную, спокойную честность, которая поддерживает его, помогает сохранить «кукушку» более-менее здоровой: «Он вспомнил Сашку. Как, травинку закусив, сидит или лежит, читает книжку, как волосы несёт за ней волна, как плавно свет разводят руки, как будто не плывёт — летит, как пятки в хвост русалкин заплетает зыбкая вода, когда нырнёт она и плавно, медленно растает в глубине, и, вынырнув, рассыплется на солнечные брызги, как будто радуга засветится над ней». Линия Сашки самая светлая (но и её ждёт трагическая судьба).

Время — ещё один герой книги. Петька мастерски научился управлять временем с помощью памяти и воображения: «Кривой забор, косой сарай, притихший дом с покойником в пустой, там ковыляют вдоль реки, давно Старбеево прошли, вернёшься — никого: ни лавочки, ни роз, ни флоксов, ни удочки его, ни папы спиннинга, ни Сашки... И только всё в тебе осталось навсегда, как будто ты копилка, в которой звякают подаренные вечностью монетки счастья, какими прошлого не купишь, хоть разбей». Он рано постиг, что сделанного не воротить: можно купить новую чашку взамен разбитой, но нельзя вернуть умерших родителей. Вина за их смерть, которая постоянно обрушивается на Петьку со стороны бабушки, превращает чувство тоски по ним в острую неутраченную боль. Мысленно он постоянно возвращается в ту жизнь, жизнь до: когда они были дома, звали его обедать, папа читал ему, они ехали в поезде на юг, купались в море, ели на ужин макароны с сосисками. Вся эта жизнь доступна ему теперь только в воображении, и он практически там и живёт.

Там — и среди природы, равнодушной, гармоничной в своей амбивалентности. Природа здесь — ещё один центральный «персонаж». На страницах этой книги, как на поле боя, сошлись тьма и свет, ненависть и любовь, жизнь и смерть. Но они не противники на самом деле, они прорастают друг из друга, друг в друга. Светлое прогоняет тёмное, тёмное норовит пожрать светлое. Кот задирает птенца, из мёртвого тела прорастают травы: «Желтинки зверобоя и пушинки, чертинки, шевелинки, ветки, стебли и стволы тянулись к небу, силой жить росли, ползли и лезли из земли навстречу умирать. Ступенями, по насыпи кургана, костями, листьями — здесь всё стремилось из и возвращалось вниз, из года в год могилой братской поднимая высоту». Дачная летняя природа — пряный запах флоксов и сырого дома, дуновение ветра и шум дождя, пение птиц и стрекотание кузнечиков — красива и заиклена сама на себе, она словно не замечает людей с их бедами, обидами, проблемами. И человек лишь часть вечно умирающего и воскресающего мира.

Необычна не только эта волнующая, тяжёлая бессюжетность, но и форма — роман «Муравьиный бог», по сути, стихотворение длиною в пятьсот с лишним страниц. Но поэтичен он не только потому, что написан ритмической прозой с внутренними рифмами, аллитерациями, звукописью, но и образами, взглядом: «И ты летишь, вцепившись в железяку под седлом, раскинув кеды над крутящейся землёй, боясь, что пальцы вдруг прищепит ржавая пружина, а ветер ноги оторвёт, и майка Сашки прям об нос — хлоп-хлоп, — и за спиной её не видно впереди, как будто в пропасть. А мир назад, наверх свистит, а ты тунне-

лем вниз под дикий треск прищепки в спицах, в колодец ужаса из двух заборов и времён, в котором, как в метро, сливаются сейчас и было с будет, деревья, крыши, небо, облака, забор-вагон, трава-перрон, и, если духу хватит обернуться, увидишь, как маяк пожарной вышки, взлетая, исчезает в высоте».

Саша Николаенко говорит, что «бог есть любовь, история земель — всего лишь сумма всего содеянного нами без любви», и только всепрощающий, любящий бог имеет право на существование. Она отрицает карающего бога, наказывающего нас за наши грехи, потому что наказание увеличивает ненависть и боль, и человек не может вырваться из замкнутого круга черноты, зависти, злобы. Только любовь и прощение преумножают доброту и покой, внутри которых спрятано счастье.

При всей хрустальной красоте и стилистическом совершенстве эта книга полна тьмы, жуткого мрака человеческой души, которая выползает наружу и разрушает всё вокруг. Но это производит эффект очищения, отрезвления: этот ужас заставляет приглядеться к себе и людям, увидеть в них свет и любовь. Как горькое лекарство, как неприятная медицинская процедура, без которой не выжить. Без смерти не было бы жизни, утверждает этот текст, а без мрака — света: «весь мир заснул в согласном вечности движении, от ночи в день, от тени в свет, из света в тень», «и будет день ещё один, такой же долгий, ясный, такой же светлый, бесконечный день, и ночь придёт на смену, и кто-нибудь другой сменит тебя».

Филолог, выпускница
РГГУ, автор обзоров и
рецензий, бета-ридер.

Анастасия Лобацкова

Литературный журнал «Нате»

БУДУЩЕЕ, ЗАСТРЯВШЕЕ В КЛЕТКЕ ПРОШЛОГО

(Наспини С. Кислород / Саша Наспини; пер. с ит. Н. Кулиш. — М.: Синдбад, 2023. — 224 с.)

Прочитав аннотацию романа Саши Наспини «Кислород», мы узнаём о похищении Лауры (её четырнадцать лет держали взаперти), а также о том, что обвиняют в этом профессора Карло Мария Балестри, у которого остался сын Лука. Логично предположить, что нас ждёт история о расследовании преступления и о взаимоотношениях маньяка и его жертвы. Однако уже в начале первой главы нам становится известно, кто виноват в случившемся, а познакомившись с книгой полностью, мы понимаем, что жизни Лауры в контейнере посвящена лишь одна глава.

Обращает на себя внимание режим повествования. Если перед нами история, где право голоса получают сразу несколько персонажей, закрадывается мысль о том, что ситуация в романе настолько неоднозначная, что одного рассказчика недостаточно. А значит, нам предложат взглянуть на неё с разных ракурсов. Отчасти это так. Ведь жертвой маньяка оказывается не только Лаура. Так или иначе пострадало всё её ближайшее окружение. Вспоминаются слова одного из персонажей: «Я появился на свет благодаря пересечению множества дорог». Похищение Лауры тоже точка пересечения нескольких судеб. Однако герои рассказывают не о том, что случилось, а о том, что происходило дальше.

«Кислород» Саши Наспини — история о людях, в жизни которых из-за страшного события остановилось время. Есть ли у этих людей будущее?

Интересно, что этот вопрос

раскрывается в романе на трёх уровнях. Во-первых, из содержания романа следует, что Карло Мария Балестри задерживают на глазах у его сына. Лука фактически является продолжением своего отца. Но после произошедших событий он совсем не хочет быть на него похожим. «Человек, который породил меня и которого я знал всю жизнь, принадлежит прошлому», — говорит Лука. И это для него не меньший удар, чем осознание того, что его отец — «монстр с побережья». Если Карло Мария Балестри, образ которого изначально устремлён в прошлое (ведь даже научные интересы профессора сводятся к изучению истории всех вещей и явлений), условно выходит из игры, его сыну необходимо строить будущее. И это ему дается нелегко: «Я не делаю ничего плохого. Я воображаю себя ангелом-хранителем девушки, которую мой отец держал в заточении, потому что это помогает мне выжить».

Во-вторых, вопрос о будущем персонажей решается на уровне формы. Кто эти люди, от лица которых идёт повествование? Сын маньяка, Лаура, мать Лауры... Иными словами, это жертвы произошедшего. Права голоса лишён только профессор. Это наводит на мысль, что рассказчиками становятся только те герои, у которых есть будущее. Как они себя в нём осознают? — это уже другой вопрос. Но каждый из них продолжает жить и учиться это делать заново.

Несмотря на то, что мы не слышим голоса похитителя, в нашем воображении воссоздается его об-

раз. Так происходит благодаря тому, что сын профессора Лука рассказывает, каким был его отец до ареста. Не раз в романе подчеркивается, что Карло Мария Балестри — профессор антропологии, преподаватель в университете и известный ученый. А значит, похищение девочки получает статус не только преступления, но и страшного эксперимента.

Кроме того, в главе о жизни Лауры в контейнере повествование идёт от третьего лица, а не от лица самой Лауры. Чем это мотивировано? Вероятно, в этой ситуации писатель выбирает такой режим повествования в том числе и затем, чтобы показать поведение похитителя с нейтральной стороны. Штрихами к его портрету становятся высказывания персонажей из других глав. В главе, где рассказчиком является мать Лауры, читаем следующее: «Он выбирал девочек, чьи отец и мать не имели родных и друзей, а по уровню достатка располагались по середине между средним и бедным классом», потому что «люди с ограниченными средствами — слабые противники».

А что мы узнаём о героях, которые сами рассказывают о своей жизни? Существование Луки сводится к тому, что он либо выслеживает Лауру, либо пытается проанализировать своё прошлое. Так он, будучи физически на свободе, оказывается в плену у прошлого. Перед Лаурой же, которая четырнадцать лет провела в ошейнике, в четырёх стенах и без доступа к внешнему миру, открыто информационное пространство. Она читает и пишет статьи на разных языках, пользуется интернетом: «Лаура — свидетель всемирной революции. Она наблюдает за ней будто из ямы в центре земли». Это приводит к тому, что Лаура становится для про-

фессора источником информации: «...если она остановится, остановится и он, и отсюда вопрос: кто кого держит в клетке?»

Подобная мысль звучит и в главе, где слово берёт мать Лауры и делится своими чувствами о возвращении дочери: «Лауру вызволили из клетки, но она заперла в клетку нас». Дело в том, что после похищения Лауры мир её матери полностью рассыпается, и она собирает его заново. Когда Лаура возвращается, в жизни её матери вновь всё меняется — образ будущего, которое она возводила у себя перед глазами, разрушается: «...мое прошлое постучало в дверь и растоптало все наши надежды».

Рассказчиком в главе «Куклы» становится подруга Лауры. Но она не произносит своего монолога. Мы слышим её разговор с мужем, который убеждает её отказаться от проблем прошлого: «...хватит этих причуд <...> завтра пойдем к специалисту». Она на каждую его реплику отвечает: «ладно», даже в те моменты, когда с ним внутренне не согласна. Получается, что, с одной стороны, её не отпускает прошлое — она постоянно ощущает присутствие своей подруги — а с другой стороны, она ведёт себя как жертва рядом с человеком, который прокладывает перед ней дорогу в будущее.

Следовательно, будущее формально есть у героев, которым дано право рассказать свою историю: они на свободе, их жизнь после произошедшего продолжается. Однако они себя в этой жизни не находят.

Наконец, вопрос о будущем в романе раскрывается на индизонаторном уровне. Идея «ребёнок — символ будущего» в романе «Кислород» получает неожиданную

трактовку. В том, что писатель обращается именно к ней, не остаётся сомнений. Название заключительной главы — «Прообраз будущего» — тому подтверждение. Получается, что, читая роман, мы в той или иной степени наблюдаем за представителем каждого поколения семьи профессора Карло Мария Балестри. Казалось бы, образ ребёнка навевает мысль о продолжении. Другой вопрос: о продолжении чего? Одно дело, когда страшные слова произносит учёный-экспериментатор, похититель девочки, а совсем другое — когда те же слова повторяет ребёнок, личность которого только начинает формироваться. Несмотря на то, что в финале романа мы видим ребёнка, круг событий замыкается.

Примечательно, что подруга Лауры, когда рассказывает свою историю, ждёт ребенка. Если родится девочка, она хочет назвать ее Лаурой. Иными словами, своему будущему героиня готова присвоить имя из прошлого, ведь её имя Лаура дала кукле, «которая с ней делила одиночество четырнадцать лет».

Образ куклы тоже символичен. Кукла как знак человека, как его образ-символ. Когда Лаура, находясь в контейнере, разговаривает с куклой, во-первых, возникает вопрос о соотношении живого и неживого, а во-вторых, мы проводим параллель между Лаурой и куклой: Лаура в руках похитителя — та же кукла.

Ключевым же образом-символом романа становится дорога: «... если оглянуться, ты заметишь дорогу от прошлого к настоящему». Если с прошлым и будущим героев всё понятно, что происходит в их настоящем? Точнее — в настоящем тех историй, которые героини рассказывают.

Вернёмся к началу романа. В тот вечер, когда профессора арестовывают, между отцом и сыном — «обычный поединок: кто первый не выдержит и заговорит с другим». Чуть позже узнаём, что, оказавшись взаперти, Лаура страдает не только от состояния несвободы и одиночества, но и от молчания: «...девushка утверждает, что за четырнадцать лет заключения твой отец не сказал ей ни слова». Когда Лаура возвращается домой, её мать признается: «В первые дни я не могла говорить с ней. Приходилось заставлять себя <...> словно выблевывать камни».

Настоящее в романе — это слово сказанное или недосказанное. Молчание и тишина сравнимы с тем же отсутствием свободы. А в слове и его выражении героини находят освобождение. Будучи в заточении, Лаура «читает книгу вслух, и этим хочет показать, что существует». «Когда дождь перестает, слышно, как падают редкие капли, снаружи слышатся удары, похожие на крик. Вот чем ты была когда-то», — говорит о себе Лаура. Показателен эпизод, когда её находят полицейские: «<...> затем происходит что-то невероятное — к Лауре кто-то прикасается». В романе «Кислород» физическое прикосновение сравнимо с прикосновением слова. Жест полицейского говорит о возвращении Лауры к жизни. Подобное происходит с матерью Лауры, когда она слышит речь другого человека: «Иногда я останавливала какого-нибудь прохожего, спрашивала: “Который час?” Так я спасалась от паники. Видела лицо человека, обменивалась с ним взглядом, слышала его речь».

Написанное же слово становится посланием и символизирует в романе мольбу о помощи. Сын про-

фессора, будучи подростком, писал письма своей подруге и делился в них переживаниями в надежде, что она его поймёт и поддержит. Лаура же писала статьи на разных языках, но в них «послание всегда одно и то же: “Помогите! Меня похитил Карло Мария Балестри”».

Примечательно, что истории персонажей обрываются на полуслове. Создаётся впечатление, что мы узнаём о произошедшем фрагментарно. С одной стороны, это удивляет, потому что не возникает ощущения завершенности, которое обычно сопутствует окончанию главы того или иного произведения. А с другой —

возникает вопрос: могут эти героини-рассказчицы, пережив те события, говорить менее сбивчиво? «Мы постигали темную сторону жизни, еще не умея объясняться на этом новом для нас языке», — говорит мать Лауры.

Похищение Лауры для героини-рассказчицы становится точкой отсчёта. У них есть будущее. Они ищут новый язык. Они понимают, что «два одиночества не суммируются в свободу». Но вместо того чтобы двигаться дальше, они продолжают решать вопрос: «Так кто кого запер?» — снова и снова возвращаясь в своё прошлое.

Анна Исенина

Магистрантка
филологического
факультета МГУ
им. М.В.Ломоносова.

Литературный журнал «Нате»

ОГОНЬ, КРУЖАЩИЙСЯ В ЛАЗГИ

Со времён Аристотеля ключевой формой мышления — и в особенности такой сложной мыслительной операции, как классификация, — стало Понятие: некая логически, рационально мыслимая абстрактная Единица, Сумма сходств, объединяющих интересующие нас элементы Мироздания, такая Универсалия, которая присуща всем членам рода или виду и якобы вполне отражает сущность вещей. Литературные роды, жанры и течения, стиль письма, речевая ситуация, тип коммуникации с читателем... — есть целая бездна литературоведческих универсалий, вокруг которых разворачиваются даже не поля, а целые миры художественной и научной деятельности.

Вот только каждый, кто приступает к классификации, должен задаться вопросом: всегда ли можно говорить об Универсалиях, то есть идеальных моделях, причинах и целях всех вещей, как о том, что существует самостоятельно, предначально всем вещам? Может быть, прав Абельяр, полагавший, что реально существуют лишь единичные вещи, а «универсалии» — это не более чем колебание голоса или дуновение воздуха, посредством которого мы пытаемся приспособиться к физическому миру? Говоря о мире литературы: всегда ли объединённые в цикл произведения имеют фундаментом своей тесной связи некое общее свойство — или же они могут быть настолько во всём противоположны друг другу, что становятся двумя полюсами единой жизни, двумя границами преломления одной и той же темы, протекающей-просвечивающейся между ними?

Так, например, обстоит дело с температурной шкалой на Земле: современная история нашей планеты есть функция, чей нижний предел во льдах Антарктиды равен примерно -98°C (хотя минимумы температуры воздуха у поверхности составляют приблизительно -94°C), а верхний предел, то есть

абсолютный зарегистрированный максимум — это $+58,2^{\circ}\text{C}$ (Алвийская пустыня). Резкость перепада может составлять «дельту» в $55,5^{\circ}\text{C}$ (США, штат Монтана, январь 1916 г.), что, впрочем, не мешает говорить нам о жаре и холоде, о пламени и льде как о парных категориях, единых в нашем сознании благодаря своей противоположенности, но отнюдь не общих свойствах или родстве. Они, конечно же, «могут в полной мере существовать, не отрицая друг друга (чёрное и белое), и более того, очень часто не могут существовать в отрыве одно от другого» [1, с. 171], и при этом «полное осуществление, развёртывание положительного полюса возможно только в синтезе с его противоположностью, полюсом отрицательным» [1, с. 171].

Те два писателя, о которых я хочу поговорить сегодня, подобны пламени и льду: они настолько противоположны друг другу, что, будучи постаменными в «пару», очень ярко оттеняют друг друга, показывая всю шкалу возможностей литературы, череду бесчисленных градаций и качеств, стилей и жанров, от личного интимно-самозамкнутого и самопознающего до развлекательного, популярного сетевого, в которых удаётся воплотить одну из главнейших для человека тем: Тему Учителя и Ученика. В эти отношения можно входить тонким телом, как это делает французский йогин Сатирем, пройдя предварительно многоступенчатую духовную подготовку и опустошающие сердце от желаний психофизические «трансмутации», чтобы затем увидеть в своём наставнике земное воплощение Высшей Божественности — а можно врываться с криком, смехом и совсем ещё незрелыми подростковыми шуточками, подначивая окружающих и вынуждая Учителя реагировать весьма категорично и холодно — но при этом разжигая в его глазах маленькие лукавые искорки наслаждения прельлекательнейшим зрителем. Процесс всегда один: Путь, Развитие, Эволюция сознания. Результат —

Преображение. Внутренний танец духа, танец огненного нашего тела, кружение в хорезмском Лазги, символизирующем единый порыв созревшей Души и расцветшей Любви. Ну а маршрут... Маршрутов бесконечное число — поэтому сейчас просто оцените те два «помоса», между которыми их возможно проложить новому путнику. Отбросьте Аристотеля, средневековый вопрос об Универсалиях,

наставления Бозция, Эрнунены или Абеяра, выйдите за рамки математики и климатологии, оставьте в покое Рассудок с его бесконечными и бесконечно мешающими подлинному Пониманию понятиями — покиньте «небеса» пролога, ибо он уже состоялся, и станьте зрителями двух таких противоположных, но таких огненно-ярких в своей уникальности путешествий Учеников Жизни!

I. Моё пылающее сердце (Сатпрем)

(Сатпрем, Моё пылающее сердце. Перевод с английского. Игорь Савенков, «Самиздат», 1996)

*В одинок ненастный день, в тоске нечеловечей,
Не вынося тьмы, под скрежет акорей,
Мы входим на корабль — и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.*

Шарль Пьер Бодлер

*И снова накануне передачи в святые руки,
в святые чувства, в святые мысли, —
раскрывается заглавная страница...
Лодка стучуцалась о берег...*

Александр Блок

«Моей первой стадией был берег моря: ребёнок, всматривающийся вдаль. Таково начало и, возможно, конец всего... Насколько я могу себя вспомнить, я помню себя ребёнком на берегу моря, вглядывающимся... Вглядывающимся во что? Не знаю, но вглядывающимся. Его взгляд — это уже вопрос. И вся наша жизнь сделана из той самой вещи, которая была с самого начала, когда мы смотрели на волны на берегу. Это та же... острая тоска, сильное желание, стремление к чему-то. И грядёт момент, когда это желание будет удовлетворено, исполнено...» [2].

Человек — это всегда Вопрос. С самого первого дня своей жизни и вплоть до последнего часа он остаётся Вопросом — вопросом сверх сущего, тревожным, но также и полным надежды вопросом, выходящим за пределы пространства и времени —взрезающим накатывающие на него волны событий, бегущим куда-то вдаль и жаждущим догнать—схватить—постичь—преодолеть горизонт бытия, прорывающим штормовым галлоном или острым шпиромом грань восприятия и потенциал, нетерпеливо готовящимся

вступить на земан долгожданного Ultima Thule собственной природы, пересечь и его в дерзком усилии преодолеть метафизику (что значит: преодолеть само преодоление) — и вот, оказаться во внезапной тишине Начала, чтобы в понимающем молчании вглядываться в остывающий закат Истины сущего... Чем быстрее догорает этот закат, тем интенсивнее Пламя Истины наполняет самого человека, всю его жизнь, тем настойчивее шепчет ему на ухо: «*Выбирайся! Брось в огонь старое тряпье своего тела, мыслей, чувств, памяти... Всё добро и зло, печаль и радость. Все "да" и "нет" увиденного мира. Откажись даже от себя, от своей тоски, стремлений и желаний. Отдай огню свою жизнь, если ты действительно хочешь жить. Только так ты станешь Свободой, ты станешь Ответом!*» Огня становится всё больше и больше, языки пламени тянутся вверх — такие плотные, так обильно начинённые силой... И у них есть своя вибрация — совсем не такая, как у добра или зла, печали или радости, согласия или отказа — такая знакомая, но отчего-то позабытая

вибрации, втягивающая человеческое существо в свой вечный танец, одновременно созидательный и разрушительный, танец горения и сгорания — Лазги, танец Души и Любви, исполняющий наше самое сокровенное, переплавленное на сердце желание, дающий ответ на вечный и вечно зреющий Вопрос о нас самих. «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?» — это лишь его бледные отсветы на стене пещеры-рассудка, это только вспыхнувшие в мозгу искры Великого Пламени. О, «Моё пылающее сердце», гори ЭТИМ Пламенем!

Мальчик, стоящий на холме и вглядывающийся в звёздное небо — мальчик, желающий оторваться от начальной точки своего пути и взмыть к тысячам пламенеющих солнц... Он слышал тысячи вопросов, но у него в уме горит только один, великий Вопрос — и он верит, что там, у Великого Предела, будет провозглашён Ответ. Он хочет стать лёгчиком, он говорит: «Все самолёты живые, ведь они умеют летать. Жить — это значит лететь, а лететь — всё равно что находиться в пути...» Насколько же живее небесных самолётов этот земной мальчик, Е.Ф., умеющий летать без крыльев, преодолевать века и сроки, повторяющий, как мантру: «Весь Космос здесь!..», — мальчик с тоской по огненной родине духа, не насыщающийся чарами Земли, потому что сам — от Огня, сам — один из тысячников Агни... «Незнающий может успокоиться и примириться с незнанием своим, но крыльями духа коснувшийся Света покоя уже не знает, ибо коснулось его дыхание Вечности. Отсюда вечная тоска по огненной, свободной, Надземной Родине духа, откуда пришёл» [3]. Этот мальчик вырос, и выросли его пути и устремления. Он стал профессором философии, — тем человеком, который учит летать других, учит знанию о Свободе и о пространстве Света, где возможно всё, потому что его дух крылат... И однажды, во время одного из наших совместных лекционных перелётов навстречу жарким, солнечным умам отошедших эпох, во время труда

сознательного и свободного, он назвал одно имя: Сатпрем.

Сатпрем... Ещё один мальчик — вот он, стоит на побережье и вглядывается вдаль, куда-то за пределы горизонта, — в те области, где бессильно зрение тела и где впервые раскрывается зрение духовное, — мальчик, охватываемый Вопросом и идущий сквозь океан жизни к осознанию верховного принципа человеческого существа, «अहम् ब्रह्मास्मि» — «Я есть Брахман. всю свою жизнь я был охвачен Самым Собой; теперь я осознаю себя в Боге: Я есть Творящий, Я есть Абсолют, и Моя сущность всекосмическая». Словно древний кави, поющий: «Веди меня от небытия к бытию. Веди меня от тьмы к свету. Веди меня от смерти к бессмертию» — он прошёл в своих духовных исканиях гораздо больше, чем одну только страну и одну только судьбу. Это он в двадцать лет загорелся звёздочкой во французском Сопротивлении, не желая мириться с охватывающей землёй фашистской падучей; это он, облачённый в броню правды, пережил полтора года мучений в застенках Гестапо, открывая в себе, предельном человеческом существе, поистине безмерные просторы внутренней жизни — ту Силу, что помогла выстоять с невидимым огненным мечом в руках; осознав, что эти ужасные волны натиска Бездны были лишь прибрежными качаниями, уже взрезанными на иных глубинах, он отправился в путь: такой сомечный и такой коренящийся в сумраке Тайный Египет — божественно-сверкающая Индия — французская Гвиана, влажные джунгли и трёхисточная Амазонка, подобная Нилу — Бразилия — Африка... Он словно чувствовал, что должен прежде подняться по лестнице Совершенства, испытать самого себя и извлечь все предназначенные ему уроки, чтобы затем достичь берега важнейшей в его жизни Встречи — прикоснуться к чему-то куда более истинному, нежели всё увиденное и пережитое. «Путешествие было... очень сконцентрированным. Потому что я была действительно ведом непосредственно моим вопросом. Я не

собирался впустую тратить хотя бы минуту своей жизни: как только завершалась одна фаза, я довольно грубо ставился перед тем ответом, который я должен был услышать или ПЕРЕЖИТЬ». Каждый ответ — это новая интенсивность горения, новое движение в огневом танце души. Каждый ответ — приближение к подлинному «Я», облачающемуся в каждую форму и каждый всплеск бытия, чтобы никогда не покидать нас и никогда не лишать жизнь её немалой полноты и творческой мощи...

Шри Ауробиндо и Мать. Первая, нет, первейшая встреча в жизни. В тот миг и родился подлинно Сатпрем, чьё имя значит: Тот, Кто По-настоящему Любит. «Что означает любить? Что означает понимать? Это означает быть ВНУТРИ... вещей, существ; это означает восприятие того, чем они являются. Это значит чувствовать, через ту или иную маску, сердце, которое находится там — доброе сердце. Человеческие существа имеют доброе сердце. Они не знают этого, в самом деле...» [2]. Вопрос Любви — это вопрос «степени нагрева» сердца, насущнейший между всех вопросов для Сатпрема; и в тот день, когда он взглянул в глаза Шри Ауробиндо и Матери, его сердце воспыхало: «Нечто, что было... было воплощено во взгляде, в теле, в... атмосфере, что я переживал в открытом море, в лодке. Вся эта грандиозность была там, в существе. Всё ЭТО глядело на меня. Это как если бы я внезапно распознал свой дом. Я узнал место, где я мог бы дышать, место, откуда я пришёл, — я был дома... Это дано, не знаю, четыре секунды... четыре секунды. И я никогда не забывал их».

Человек, будучи Вопросом, всю свою жизнь стремится к Ответу — не важно, осознаёт он это или нет. Он рвётся прочь из оков материи, он хочет преодолеть равно физику и метафизику, он вечно не удовлетворён сущим — но он забывает: искомый им Ответ имеет ту же природу, ту же форму, что и поставленный Вопрос. Человек, будучи Вопросом, рождён в теле. Отчего же он так уверен, что жизнь собственного тела, жизнь составляющих

его клеток, напряжённо борющихся со Смертью в любых её проявлениях, бессмысленна и бесполезна, отчего желание следовать микроскопическим биологическим привычкам и взаимодействовать с субстанциями может вызвать протест, панику, страх? — Отчего интенсивный танец Пламени кажется таким опасным, смертельно обжигающим? О, где-то глубоко в теле, под плотным покровом клеток таится желание покоя, инерция, там биологическая память обо всём эволюционном развитии, проявившаяся в наших формах, соприкасается с чем-то, очень напоминающим острую ностальгию по жизни минералов: «Умиротворение минерала, ...до того, как была рождена жизнь, когда всё ещё было статичным...» [2]. Глубоко в человеческом теле скрыта потребность в покое, в прекращении кошмара борьбы и действительности, ужаса сгорания и тления — и за всеми оболочками таится страшное ядро: желание Смерти. Вот чего пугается человек, вот от чего он бежит сквозь океан времени и пространства (забывая, что на протяжении всего бега несёт ЭТО в самом себе!), вот в чём не желает искать Ответа, боясь, что не успеет, растворится, исчезнет навсегда, сгорит в пламени высшей интенсивности Жизни-созидательницы — как та соевая кукла, что решила измерить глубины моря, но, войдя в него, уже никогда не вернулась на берег... Каждая вещь, каждая субстанция, каждое тело — это наши учителя, наши Гуру, но мы не желаем прислушаться к ним, мы закрываем глаза, запечатываем уста и затыкаем уши, чтобы только страх смерти, покоящийся в нашем раздуваемом эго, не донёсся до нас из материи и не съёс нас набежавшей волной туда, где теперь все ушедшие... Мы так напуганы миражом вдали, чья сущность — лишь игра капель и света... И нам так нужен всего один Взгляд — одна Встреча — одна приоткрывшаяся навстречу Дверь, чтобы преодолеть иллюзию болезни и тления — чтобы прорваться сквозь смерть, ответив себе на вопрос: «Кто же на самом деле Я?»:

«Это как если бы вы всегда сталкивались с разрушением, чтобы найти ключ, найти Силу, большую, чем сила разрушения — чем закон разрушения, который... КАЖЕТСЯ укоренившимся в глубинах тела» [2].

Сатпрем нашёл свою дверь в Матери.

И, войдя в неё, он вдруг оглянулся назад, объятый пыланием сердца — и распахнул широко, излив струнным медвяной волны полученный им опыт Бессмертия навстречу всему человечеству. Он смог подобрать нужные, верные слова там, где другие лишь разводили руками; «чёрное пламя» Бога Сокрытого и Непознаваемого окрасилось вдруг в белый цвет, стало чистым Пламенем Жизни, Богом Разумным, Господом Любящим — для Любящих.

И если вы готовы отдаться жару такой любви — непременно откройте книгу

Сатпрема. Встретьте вместе с ним сердечно-пламенную Мать. Встретьте накалившего до белизны свой дух Шри Ауробиндо.

Дверь в бессмертие уже приготовлена, и на ведущей к ней Лестнице расставлены бесчётные светильники, отливаемые Провозвестителями в каждую из эпох и зажигаемые их любящими учениками.

Там, за Дверью — костёр огненной Свободы, Ответ Ответов — Огонь, кружащийся в Азги, непреходящем танце Души и Любви.

А здесь, в преддверии, всё ещё стоит мальчик, вглядывающийся в безмолвную морскую даль, что сливается с небом точно на уровне его маленьких, но очень светлых глаз, зажегшихся звездой вопрошания...

II. Холодное пламя (Сергей Вишневецкий)

(Сергей Вишневецкий, роман «Холодное пламя: Горил», 2021; сетевая публикация)

*Есть у меня диплом,
Только вот дело в том,
Что всемогущий маг -
Лишь на бумаге я.*

Леонид Дербенёв

*И никто не увидит обман, -
Может, я так искусство вижу!*

Кавцлер Ги

Здра-а-а-асты!

Позвольте представить: Роуль. Ах, покорнейше просим прощения — учитель Роуль. Отменнейший упырь, лучший представитель своего вида, само существо Бездны и проклятые перевала Укто — и просто новый Церетеан, Мастер надо всеми мастерами безбожно уморительной гениальной инженерии.

...Что ваши родители рассказывали вам в детстве про упырей? Может быть, что те утаскивают маленьких проказников-непосед и выпивают всю их жизненную силу? Или что они — кошмарнейшие порождения бездны, бессовестная и

безжалостная хтонь, живущая от века под покровом тьмы? Бездушные твари, изуродованные силой Мрака? Злодеи — даже среди злодеев?.. И наверняка ещё вы знакомы с этим древним как мир баяном, неизменно наигрывающим мелодию о налитых кровью глазах, в которых бушует пламя днавольщины, о жутких острых клыках, прокусывающих шейки неосторожных или зазевавшихся юных барышень, и о мертвенно-белой коже — в общем, видок у «ноноши бледного со взором горящим» оформился такой, что краше в гроб кладут.

Играет Адская гармония!

Комочки жгучие во рту,
И взор, упершись в пустоту,
Напрасно полон боли злой, [4] —

вот как-то так, пожалуй. Это у нас типичный упырь, до отвала накормивший читателя стереотипами; накормивший — чтобы было кого потом съесть: так случается, когда вы задерживаетесь в гостях у злой сказки.

Вот только Роуль — и вновь мы вынуждены смиренно вымаливать извинения: высококочивый учитель Роуль — совсем не типичный упырь и совсем не из злой сказки. Больше того: любой упырь несохнет от зависти перед этим «облачённым силой» Гуру воспитания, лепки новых белковых форм жизни, авантюризм и зажигательных сцен!.. Этот вампирчик — самый что ни на есть горячий парень (милые дамы, поосторожнее, обожжётесь о его искрящийся сарказм: едкости и колючести вертятся на его языке ничуть не хуже исполнителей Лазги!), словно вышедший из мрачных песен «Короля и Шута» про вурдааков, людоедов, призраков и прочую нечисть, буквально пританцовывающий в предвкушении того момента, когда можно будет отжигать в очередной словесной баталии или заставлять уши своего незадачливого ученика гореть алым пламенем.

Впрочем, уши большинства нынешних фантастов загорятся поспешнее: здесь автор уподобяется своему персонажу и откровенно троллит — или правильнее будет сказать: упырит? вурдаачит? — все эти набившие знатную оскомину штампы: типичненькое такое глухое Средневековье, острюющий социальный вопрос, непонятно куда девающиеся деньги, крупное имперское образование, стремящееся к расширению и усилению деспотии, процветающее жульё во всех сферах деятельности, добрый и ласковый наставник, преисполнившийся сострадания к любимчику-ученику, который обладает особым даром, но совершенно не умеет им пользоваться и не

слишком-то усердно этому учится, несколько разбойничьих шаек — и предприимчивый управитель, желающий занять сильного лояльного мага на службе у государства и почему-то подозрительно смахивающий на Ришельё в его молодые годы. Жульё да Ришельё... Пространство имён тоже совершенно типичское и читателю роднящее: если читаете «Лутизнь», то представляете зльфа, а если «Лутн-фонь», то уже китайца, если «Балин» и «Двалин», то длиннобородых гномов, если «Горбаг» и «Снага», то орков и прочую шнягу, — а если слышите «Роуль», то нервно оглядываетесь и ждёте «сюрпризов»; это уже даже не типизация, а правило хорошего тона при общении с читателем, чтобы его не запутать и от сюжета не отвлекать почём зря... И в этом смысле гриф «Канонический канон» автору, безусловно, обеспечен, да ещё и с лавровым узором по краю.

Но, простите, дуплеты, терцеты, триолеты, секстеты, октеты, сонеты, куплеты и прочие (не)-еты тоже совсем не от балды спеты, а по очень строго выверенной ритмической и математической формуле. Стало быть, не в штампах дело, а в умении с ними поприкалываться, соорудить из матриц и скелетов нечто потенциально живое и подвижное (чем, собственно, Роуль и развлекается, только у него скорее вертасculus'ы получаются; хотите с этого поугорать — читайте книгу или откройте латинско-русский словарь: на нашем, на разговорном этого могут и не напечатать, мы всё-таки не Пелевин, чтобы по лезвию цензуры скакать и салты в воздухе накручивать, — мы люди малость). А автор тему приколов отменно знает.

Враг ли он при этом каждой изъезженной банальности и упрямым ездокам, грызущим одну морковку на всех? Ну нет, «это не вражда. Это... это как игра. Ничего смертельного, но каждый хочет подколоть противника» [5]. И вот уже аннотация к книге, открытая читателем, подбывает ему протяжно-завлакающе: «Ну, дава-а-а-а-ай... Соглаша-а-а-а-айся... Я

обещаю! Будет весело! О-о-о-очень весело!» Ох уж этот опасный огонёчек в глазах, вспыхивающий на последней фразе... Интересно, и почему она звучит несколько... хм, угрожающе?..

Так может одновременно манить и пугать только пламя. Оно медленно пробирается в тебя, убаюкивает тихим треском и мерными шорохами, заглушает голос внутреннего «я» и испепеляет твоё желание сопротивления, требуя полного самоотречения, а затем ты только успеваешь понять, что стал его неотъемлемой частью, одним из мощных огненных языков, лижущих ночное небо. Именно об этом — одна из вставных «сказочек», рассказанная Роулем его ученику: «Был один пиромант. Звали его Залгуман "Холодное пламя". Очень неординарный парень... Он был очень силен, но у него был огромный изъян. На пути к могуществу он не отрёкся от родной крови и стал жутко уязвим. Тогда правитель вольного города Иссамунд смог пленить всех родных этого мага и публично казнить... — А что в итоге стало с этим Залгуманом? — Сгорел, — вздохнула Роуль. — Так бывает, когда теряешь смысл жизни... Он слишком сильно привязался к собственной крови. Через пару лет, во время медитации у края вулкана, он просто вспыхнул и сгорел» [5]. В конечном итоге, любой человек — это огненный дух; он может сгореть в пламени гнева, ненависти или страсти, если не потушит к сроку разрастающийся внутри пожар; он может возвыситься в пламени любви, веры и славы, если научится самообузданию и самокритике — вот тот урок, который автор «Холодного пламени», Сергей Вишневский (кстати, прекрасный семьянин, воспитывающий дочь-подростка — а это достойно уважения, ибо ох как нелегко!), предлагает своей аудитории, довольно искусно облекая его в желанный аудиторией покров авантюры, лёгкого и не очень стёба, вставных романтических историй и крушений заостренных представлений о мире фантазии.

Иметь внутреннее пламя — это великий дар, но нужно ещё иметь дерзость и крепкую волю, «немного автономности... немного силы и накопитель...», чтобы усмирить его и суметь исполнить искусный танец Мастера Роуля, — огненное кружение Лазги, чёткое и равновесное, не палящее ног до самого «Последнего Па» и не доводящее исполнителя в своей инерции до крайней грани безумия, за которой — только сгорание, тление, холод и смерть. И, конечно, нужен ещё наставник-приколист, подзуживающий тебя к танцу своими «Жги!» и «Танцуй!» и воздерживающийся от послаблений: «Ах! Мой гуру здесь; он сделает всё за меня. Гуру-гуру-гуру. Это всегда до боли знакомая вещь: бог освобождает вас от... от становления тем, чем вы являетесь» [2], — вот первый штамп в сознании, от которого должен освободиться ученик, обретя учителя. Досточтимый Роуль с этим справляется куда как успешно: сначала хорошая трётка и поиск пределов безграмотности ученика, а потом уже танцы с паладинами и пирушка в деревне, сначала — медитация в каменном колоде в течение недели и пробуждение сна, и только затем — свидания с мимовидными барышнями. А если эти самые барышни оказываются слишком настойчивыми, то ими и припугнуть можно аки наказанием, чтобы ученик подошёл к выполнению задания со всей своей... с позволения сказать, ответственностью: всё-таки при обрядах вызова сущностей без блока контроля не пентаграмме ох как тяжело придётся... Ну а если уж пришлось — нужно хотя бы научиться выкручиваться из ситуации до наступления критического момента, чтобы живу остаться.

Ну а что? И полезно, и ве-е-е-е-ссло же!

И, что любопытно, понравится не только фанатам попсы: вроде «Игры Престолов» и «Дома Дракона», но и классическим почитателям Новалиса с его нежно-романтическими, утонченными сказками о поэтах и о прекрасных золотых временах человечества, о голубых

цветочках, гнацинтах и розочках... Только вслушайтесь вот в это: «Когда север закружит юг, — начала Луна сказку, которую часто рассказывала мать, — А свежий бриз понесёт песок на запад и восток... — Под звёздным небом, в свете молодой луны, девочка смотрела на угольки догорающего костра и ощутила, как спину греет тепло брата. Из её уст звучала старая сказка о розе ветров, находящейся в центре мира, о тоскующем великом маге, сыне короля, который покрыл всю землю песком, и о том, как одна девушка превратила самого принца в камень, а песчинки в цветы. — В спицах колеса, наши полюса... — прошептала девочка и зевнула, заканчивая сказку. — В центре всех миров, роза их ветров, — закончил мужской голос», —

Все мы были когда-то частицами целого, —

А потом разделили на чёрное-белое так смело мы.

Вместе были когда-то крупницами вечного,

А потом мы решили уйти на конечные

К своим полюсам [6].

...В общем, мы, новый Прометей, «Холодное пламя» вам в тростнике слов принесли, плясовую на выжженной дырочками флейте сыграли, кудесника-Роуля по всем правилам публике

представили — а дальше уж вы сами решайте, как вам с полученным лучше обойтись и с приставучим со скуки упырём справиться: потанцевать за компанию с героями, ребёнку-подростку на день рождения книжку подарить (чтобы потом ваши воспитательные работы легче шли!), самим летом после сессии почитать-расслабиться, коллеге-геймеру или косплееру в офисе подарить — или сказать своё железное «Спасибо, нет!» Вишневному, мне и всему прибыльному книжному бизнесу-паучаре. Предупреждение же может быть только одно: если вы чопорный наследник Розенталя, не терпящий пунктуационных огрешностей и не умеющий доставлять пропущенные запятые без того, чтобы не польхнуться на весь район праведным гневом, достигающим в финале отчаянного крика ноты «Си», то уберите-ка эту книжницу от греха подальше: чего доброго, ещё целую улицу спалите — а нам второй Заагуман совершенно ни к чему!.. Сначала медитация, медитация и ещё раз медитация, усмирение чувств и ума, мысленные упражнения в каменном колоде тела и обстоятельства, а уже потом все развлечения и пляски!.. Ну а карма с незакрытыми причастными оборотами как-нибудь сама разберётся, незавершённых дел ни у кого из нас не останется.

Quis omnibus negotiis interfuit, Lazgi bene saltat!

Чао!..

Примечания:

1. Фалёв, Е.В. Вмещение противоположений // Алмазах «Серебряная Чаша», выпуск третий. — М.: Пролог, 2009.
2. Сатпрем, Моё пылающее сердце. Перевод с английского. — Игорь Савенков, «Самиздат», 1996. — URL: <http://lib.ru/SATPREM/day.txt> (Дата обращения: 27.07.2023).
3. Грани Агни-Йоги, 1954 г., 144. — URL: https://roerich-lib.ru/grani-agni-jogi-1954#ch_3 (Дата обращения: 27.07.2023).
4. Стихи автора Злой Ёжик. Платформа diary.ru
5. Сергей Вишневецкий. Холодное пламя: Гори! — 2021, сетевая публикация. — URL: <https://author.today/work/131901> (Дата обращения: 27.07.2023).
6. Louna, «Полюса». — URL: <https://genius.com/Louna-poles-lyrics> (Дата обращения: 27.07.2023).

Литературный **критик**, блогер,
редактор. Живёт в г. Камышине.

Публиковался на порталах «Год литературы» и «Горький», в журналах «Новый мир» и «Юность», в «Российской газете» и «Литературной газете» и ещё в двух десятках СМИ.

Обладатель премии «_Литблог» (2021) от « **Большой книги** » за лучший книжный блог года, премии «Гипертекст» (2023). Член Большого жюри премий «Национальный бестселлер» (2021), имени В. Катаева (2022, 2023) и «Ясная Поляна» (рабочая группа, 2022, 2023).

Иван Родионов

«БУТЫЛКА» И ТРИ ЖАНРА, ВИДНЫЕ СКВОЗЬ НЕЁ

(Гайнанова Ю. *Бутылка. Книга для тех, кто любит выпить.* —
Издательство «Городец», 2021. — 240 с.)

Прикладная актуальность темы борьбы с алкоголизмом — контрапункта «Бутылки» — очевидна, и ближе к концу рецензии мы об этом ещё скажем. Но не менее любопытно поговорить об этой книге и как о явлении непосредственно литературном.

Дело в том, что книга Юли Гайнановой цепляет три популярных жанра сразу — причём цепляет крепко, увесисто. Тем удивительнее, что ни один из этих жанров будто бы не принял «Бутылку» за свою. В рейтингах поп-психологии продолжают главенствовать водянистые переводные бестселлеры про виктимблейминги и газлайтинги, перемежаемые традиционным «успешным успехом», и лишь редко промелькнет в этом ряду что-то отечественное — и, как правило, про отношения. Или взять, допустим, автофикшн. Этот жанр сейчас — мета почти всякого креативного курса письма, многие начинающие автор(ки) дебютируют именно автофикшном, а с недавних пор он пробил дорогу и в премиальные списки. Однако ни падкие на «трендовое» книжные блогеры, ни бегущие за комсомолом критики «Бутылку» тоже не особенно заметили. Наконец, можно вспомнить и про такой редкий жанр, как книга-диалог: удачные примеры литературного двухголосия можно пересчитать на пальцах.

Зато на литфорумах и порталах эту книгу любят по-настоящему: отзывы на неё, как правило, пестрят искренними восклицательными знаками. А те критики, которые до «Бутылки» всё-таки добрались, тракту-

ют её совершенно по-разному, но сходятся в убеждении, что перед ними что-то необычное и интересное. И что-то большее, чем просто социальная антиалкогольная агитка.

Впрочем, обо всём по порядку.

Книга-диалог: дуэт с незримым хором

«Бутылка. Книга для тех, кто любит выпить» — это диалог двух девушек, Юли (автора) и Карины. Точнее, не совсем диалог — скорее, полноценный равноправный дуэт. Пусть на обложку и вынесена лишь одна фамилия.

Частая проблема книг-диалогов заключается в том, что один соавтор — как правило, профессиональный литератор или журналист — выступает в роли интервьюера и ведёт повествование. А второй (допустим, знаменитость) по мере сил старается подстроиться и по факту лишь отвечает на вопросы. Но читать трехсотстраничное интервью — такое себе удовольствие.

Здесь же всё не так. Две героини обмениваются историями из жизни, и после пары десятков страниц их не спутать — настолько они разные. И их опыт взаимоотношения с алкоголем тоже разный. У одной на становление этой зависимости, очевидно, повлияла семья, у другой — круг общения. Героини не задают друг другу вопросов — они выговариваются, и ноты, взятые ими, кажутся столь знакомыми, что хочется подпеть. Они не маргиналы, успешные образованные девушки — так ведь и мы такие же, не так ли?

Книжки читаем, рецензии. Отчего же некоторые ситуации, описанные в книге, кажутся такими знакомыми? Только честно.

Автофикшн: как писать правдиво

Мода на автофикшн, кажется, уже начинает потихоньку сходить на нет, но до сих пор непонятно: какие русские тексты можно считать образцом жанра?

Оксюморонность самого феномена автофикшна не ограничивается противоречивостью названия: читателю предлагается поверить не только в художественную, но и в фактологическую правду того или иного текста. Поверить опыту и эмоциям героев как чему-то реальному. Но закалённому читателю сделать это вовсе не просто. Например, в таком-то бестселлере слишком много ярких тропов. Такая-то нашумевшая книга наполнена манифестами: а вдруг автор добавил автофикшну ради пресловутого социального комментария? А это «обжигающе правдивое повествование» и вовсе кажется наполненным намеренным утрированием, шок-контентом ради шок-контента — ну не может с героем происходить столько экзотических злоключений! Увы, это особенность жанра. Как говорится, где ваши доказательства? Их нет. Хочешь — поверь, хочешь — проверь; но проверить нельзя.

Думается, чтобы автофикшн вышел по-настоящему честным, его автор должен не думать о том, как написать Великий текст. Лучше поставить менее амбициозную задачу — и при этом не усердствовать с «родинками честности». И всё придёт само.

Ситуации, описанные в «Бутылке», будничны, просты и страшны. Без чрезмерной детальности как приёма — и оттого пугающе узнаваемы. Вот героиня вскользь упоминает о том, что как-то не смогла дойти до дома и охранник во дворе оставил ночевать её в своей будке. Если сюда насыпать деталей (допустим, у охранника был перекошенный бейджик, а наутро он предложил героине прогорклый растворимый кофе из треснувшей банки — и всё в таком духе), парадоксальным образом верить тексту будешь меньше.

Или лаконичная сцена, в которой героиня рассказывает о том, как узнала о смерти матери. Ох, каких бы натуралистичных и неаппетитных подробностей навертел бы здесь иной автор автофикшна! Но нет, повествование остаётся простым, местами даже суховатым, и лишь по одной оговорке («Думаешь, мне так уж хочется вываливать все эти подробности про свою мать?») можно и почувствовать масштаб горя героини, и ещё раз увериться в подлинности описываемых событий.

Недаром одна из краеугольных тем книги — тема стыда. Горе скромно, а падение всегда стыдливо. «Посмотрите во всех подробностях, насколько я мерзкий и как низко я пал», — поза довольно дешёвая и уж точно не имеет ничего общего с настоящим автофикшном. Героини «Бутылки» же могут не только быть честными с читателем, но и вовремя остановиться: им нужна подлинность, а не её эффект.

Психологический автофикшн: важность общности опыта

В традиции западной популярной психологии со времен Карне-

ги (а то и раньше) принято рассказывать реальные истории, подкрепляя их очевидной моралью. Рейчел была слишком замкнутой, её бросил муж, но она смогла перебороть себя, стала заговаривать с незнакомцами, приобрела коммуникативные навыки — и теперь у неё всё хорошо. И вывод: учитесь общаться. Схема простейшая, но она работает гораздо лучше, чем самые мудрёные абстрактные рассуждения. Поколения читателей не дадут соврать.

Проблема заключается в том, что при переводе теряется главное — контекст общности менталитета и географии. Хоть убейте, сложно сочувствовать той же Рейчел, бегающей в 7-Eleven за рислингом от *Domaine Serene*, так же, как своей соседке из 49 квартиры. А отечественные книги подобного толка порой грешат примерами в жанре «история из семейного телешоу»: слишком они гладкие и причёсанные. Наконец, на русского читателя паточная нравоучительность и очевидная мораль зачастую не очень-то и действуют.

Гопники из школьных времён, передача «Криминальная Россия», журнал *Yes!*, песни «Руки вверх» и Ветлицкой — и одновременно Арбат, «Корчма» или Дубровка — стирают невидимую грань между героинями и читателем: вот оно, всё рядом, на улице и за стеной. Оттого действует, вовлекаешься. Ну а прямых дидактических нравоучений нет и во второй части книги, когда героини всё чаще начинают переходить от историй к размышлениям.

Ну и коротко — о практической цели книги. Конечно, если человек не хочет сам, бросить пить его не заставит ничто. Тем более книга. Однако «Бутылка» наглядно и безжалостно показывает (а не рассказывает и не проповедует) ненормальность, искривленность бытия пьющего человека. Без романтизации, без попыток нагнать туману — и при этом без белопальтовых нравоучений. А это уже немало. И возможно, эта книга действительно кому-то поможет — в самом прямом, а не метафизическом смысле этого слова.

Писательница, литературный
обозреватель, педагог, продюсер
книжных проектов, продюсер
серии «Главные книги русской
литературы» издательства
«Альпина.Проза».

Фото: Яна Овчинникова

https://t.me/soroka_on_air2

Ольга Лишина

«ЛИШНИЕ» ЛЮДИ: ГЕРОИ, АВТОРЫ И КРИТИКА

(Серия «Главные книги русской литературы» с предисловиями критиков «Полки»)

С нашей стороны, возможно, смело собирать в небольшом тексте в одну компанию героев из разных «колод» — великих книг, написанных в девятнадцатом веке и вошедших в литературный канон (и школьную программу). Но в своё оправдание заметим, что мы лишь вторим критикам, современникам романов, что при таком ракурсе и заметнее схожесть героев, и интереснее наблюдать разные взгляды критиков — тех, которым «лишние» люди казались насмешкой или, напротив, портретом поколения.

Начнём с героев постромантических. Современные критики, авторы проекта «Полка» и предисловий нового издания «Главные книги русской литературы», отмечают: «Постромантический герой — это герой романтической эпохи, который опоздал к своему времени: чем дальше, тем больше он становится неуместным. Если романтический герой был благородным мстителем, то его наследник — это трикстер, возмутитель спокойствия. Его появление предвещает беду, его история заканчивается жестоким разочарованием или случайной гибелью. Как ни странно, именно такой герой стал самым запоминающимся в XIX веке: Онегин и Печорин — это мужские идеалы и литературные ролевые модели. К 1850-м романтические герои окончательно становятся «лишними людьми», а их терзания на фоне прагматизма века кажутся проявлением нерешительности <...>».

Критика самого «высокого ранга» досталась «Герою нашего времени», Григорию Печорину и его

создателю — Михаилу Лермонтову. О романе писал император Николай I. Сначала императору книга нравилась — потому что «героем нашего времени» представлялся Максим Максимович. Когда же стало ясно, что герой — надломленный, холодный, постромантический Печорин, император высказался довольно ярко и однозначно: «...Итак, я повторю, по-моему, это жалкое дарование, оно указывает на извращенный ум автора. Характер капитана набросан удачно. Приступая к повести, я надеялся и радовался тому, что он-то и будет героем наших дней, потому что в этом разряде людей встречаются куда более настоящие, чем те, которых так неразборчиво награждают этим эпитетом. Несомненно, кавказский корпус насчитывает их немало, но редко кто умеет их разглядеть. Однако капитан появляется в этом сочинении как надежда, так и не осуществившаяся, и господин Лермонтов не сумел последовать за этим благородным и таким простым характером; он заменяет его презренными, очень мало интересными лицами, которые, чем наводят скуку, лучше бы сделали, если бы так и оставались в неизвестности — чтобы не вызывать отвращения. Счастливый путь, г. Лермонтов, пусть он, если это возможно, прочистит себе голову в среде, где сумеет завершить характер своего капитана, если вообще он способен его постичь и обрисовать».

Сам Лермонтов в предисловии говорит, что герой его — «портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии», и критики, Белинский, а сле-

дом за ним и Булгарин, настаивают, что герой и его история — яркое отражение того, что происходит в обществе. Однако уставший от жизни манипулятор Печорин и спустя годы обладает удивительным магнетизмом, притягивая читателей умом ли, храбростью, романтической фигурой, да и честным осознанием собственной «лишности».

Александр Герцен в статье с громким названием «VERY DANGEROUS!!!» также соглашается с тем, что Печорин и Онегин (сей добрый наш приятель, тоже персонаж постромантический и неидеальный) — довольно характерные герои своего времени, которое прошло: «Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни... Наши литературные фланкеры последнего набора шпыняют теперь над этими слабыми мечтателями, сломавшимися без боя, над этими праздными людьми, не умевшими найтись в той среде, в которой жили. Жаль, что они не договаривают, — я сам думаю, если б Онегин и Печорин могли, как многие, приладиться к николаевской эпохе, Онегин был бы Виктор Никитич Панин, а Печорин не пропал бы по пути в Персию, а сам управлял бы, как Клейнмихель, путями сообщения и мешал бы строить железные дороги. Но время Онегиных и Печориных прошло. Теперь в России нет лишних людей, теперь, напротив, к этим огромным запашкам рук недостает. Кто теперь не найдет дела, тому пенять не на кого, тот в самом деле пустой человек, свищ или лентяй. И оттого очень естественно, Онегины и Печорины делаются Обломовыми».

С одной стороны, сравнение и некоторая преимуществом понят-

ны, с другой же — как странно, что Печорин, человек пусть обаятельный и даже красивый в своей некоторой порочности, но всё же обманывающий, манипулирующий, вылезавший ночью из окна чужой жены, кажется критикам предшественником Обломова. Обломов — человек, лишённый силы воли и вечно откладывающий реализацию своих проектов на потом. Но он не озлоблен, не способен на подлость и даже другу своему, более активному и удачливому, не завидует. Разве он такой же «лишний», как Печорин или же куда более благородный Онегин? Представьте, что Обломову призналась бы в любви юная девушка-соседка: как бы он реагировал? Да, он погряз в лени и неделании — но способен ли он кого-то обидеть?

Николай Добролюбов в своей знаменитой статье «Что такое Обломовщина» тоже ставит Обломова рядом с Печориным, Онегиным: «Главное здесь не Обломов, а обломовщина. Он бы, может быть, стал даже и работать, если бы нашел дело по себе; но для этого, конечно, ему надо было развиться несколько под другими условиями, нежели под какими он развился. В настоящем же своем положении он не мог нигде найти себе дела по душе, потому что вообще не понимал смысла жизни и не мог дойти до разумного воззрения на свои отношения к другим. Здесь-то он и подает нам повод к сравнению с прежними типами лучших наших писателей. Давно уже замечено, что все герои замечательнейших русских повестей и романов страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности. Вследствие того они чувствуют скуку и отвращение от всякого дела, в чем представляют разительное сходство с Обломовым».

В самом деле, — раскройте, напр., «Онегина», «Героя нашего времени», «Кто виноват?», «Рудина», или «Лишнего человека», или «Гамлета Щигровского уезда», — в каждом из них вы найдете черты, почти буквально сходные с чертами Обломова».

Современный критик Татьяна Трофимова, эксперт проекта «Полка», добавляет о критике Обломова: «Первые критики романа, Добролюбов и Писарев, были склонны видеть в обломовщине квинтэссенцию социальных проблем дореформенной России: то есть, возможно, Обломов и хотел бы быть другим, о чём ясно свидетельствует его детство, но барское окружение и отсутствие привычки к самостоятельной жизни убили в нём все разумные стремления. Ключевой конфликт обломовщины в их понимании — это конфликт жаждущего деятельности разума и подавляющей его инертной среды, определяемой барско-крепостными отношениями. Их оппонент Дружинин, напротив, выделяет в обломовщине не классовые, а общечеловеческие свойства: избегание столкновения с действительностью, уход в мир «нравственной дремоты», неприспособленность к практической жизни. Причём критик не готов признавать эти свойства однозначно отрицательными, говоря о «мудрых отшельниках»».

Говоря «лишний человек», нельзя пропустить героев Тургенева. «Дневник лишнего человека» — название его повести 1850 года. Герой «Дневника» Чулкатурин не может сжиться с обществом, как и другие главные герои романов и повестей Тургенева: Лаврецкий из «Дворянского гнезда», Рудин, наконец, Базаров. Последний — нигилист, не признающий идеалы и высмеивающий ценности, в котором некоторый

критики видели пародию на «новых людей», но другие, в том числе Дмитрий Писарев, находили Базарова правдоподобно изображённой, яркой личностью — не только со своими недостатками и заблуждениями, но и с положительными чертами характера.

Базаров резок и не вписывается в рамки, но становится ли он оттого человеком «плохим»? Или он непохож на других, и оттого «лишний», для «отцов» и даже для «детей», но не для себя самого?

Николай Страхов пишет о романе так: «Базаров отворачивается от природы; не корит его за это Тургенев, а только рисует природу во всей красоте. Базаров не дорожит дружбою и отрекается от романтической любви; не порочит его за это автор, а только изображает дружбу Аркадия к самому Базарову и его счастливую любовь к Кате. Базаров отрицает тесные связи между родителями и детьми; не упрекает его за это автор, а только развертывает перед нами картину родительской любви. Базаров чуждается жизни; не выставляет его автор за это злодеем, а только показывает нам жизнь во всей ее красоте. Базаров отвергает поэзию; Тургенев не делает его за это дураком, а только изображает его самого со всею роскошью и проницательностью поэзии <...>. Если Тургенев изобразил не всех отцов и детей или не тех отцов и детей, каких хотелось бы другим, то вообще отцов и вообще детей и отношение между этими двумя поколениями он изобразил превосходно. <...>. Тургенев <...> написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний».

Герои Тургенева не похожи на Обломова: они рубят с плеча. Или

лишь замахиваются? Что делает, не говорит, а делает Базаров? Или Лаврецкий?

О «всегдашности» существования «лишнего человека», неспособности к поступкам — и проявленности этой черты характера в любовных отношениях пишет Николай Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous», посвящённой повести «Ася». Автор призывает читателя порадоваться за героиню, счастье которой не сложилось с таким нерешительным, недеятельным героем: «Невозвратен счастливый миг. Не дожидаться вам будет, пока повторится благоприятное сочетание обстоятельств, как не повторится то соединение небесных светил, которое совпадает с настоящим часом. Не пропустить благоприятную минуту — вот высочайшее условие житейского благоразумия. Счастливые обстоятельства бывают для каждого из нас, но не каждый умеет ими пользоваться, и в этом искусстве почти единственно состоит различие между людьми, жизнь которых устраивается хорошо или дурно. И для вас, хотя, быть может, и не были вы достойны того, обстоятельства сложились счастливо, так счастливо,

что единственно от вашей воли зависит ваша судьба в решительный миг. Поймете ли вы требование времени, сумеете ли воспользоваться тем положением, в которое вы поставлены теперь, — вот в чем для вас вопрос о счастии или несчастье навеки».

Возможно, в этом и главное сходство героев: «лишний» человек несчастлив, пусть и несчастлив каждый из них по-своему. Критики-современники классиков расходились во мнениях касательно того, характерны или всё же утрированы черты персонажей, но все как один признавали, что образы «лишних» людей подмечены точно и «списаны» с людей своего времени. А гений авторов играет «на руку» персонажам: и вот они, неидеальные, несчастливые (каждый по-своему), нерешительные, бездеятельные, порочные или остывшие к жизни — вызывают у читателя ощущение узнавания и в девятнадцатом веке, и сегодня. А следом за узнаванием часто и сочувствие: «лишние» люди не ушли и сгинули в позапрошлом веке, их черты продолжают жить и в героях веков двадцатого и двадцать первого. Но это уже совсем другая история.

Контакты:

Е-mail: nate.lit@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

